ІЮНЬ. № 6. 1904.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ



ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXIV. Іюнь. 1904.

КНИГА ШЕСТАЯ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА НѢКОТОРЫЯ СТОРОНЫ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ВОПРОСА.

(Окончаніе) [1].

Послѣ введенія устава 1884 года наступило какъ бы временное затишье, если не считать студенческой демонстраціи 2-го октября 1884 г. въ Москвѣ передъ домомъ Каткова, но въ мартѣ 1887 г. студенческія волненія съ небывалою дотолѣ силою охватили почти всѣ университетскіе города, инспекторы Московскаго и Казанскаго университетовъ подверглись оскорбленію дѣйствіемъ; волненія, сопровождавшіяся сходками, петиціями, манифестаціями, вмѣшательствомъ полиціи и вооруженной силы, арестами и высылками тянулись больше мѣсяца и закончились закрытіемъ пяти университетовъ и институтовъ—Харьковскаго технологическаго и Казанскаго ветеринарнаго.

Небезъинтересно привести здѣсь текстъ петиціи студентовъ Петербургскаго университета.

„Въ среду, 14-го марта 1887 года, намъ впервые была дана возможность выразить передъ коллегіей уважаемыхъ профессоровъ съ ректоромъ во главѣ наши необходимыя

---

[1]) См. Журн. Вѣстникъ Права, Май, 1904 г., стр. 148 и слѣд.

нужды и горячія пожеланія. Твердо увѣренные изъ горькаго опыта въ настоятельной необходимости реформъ университетскихъ порядковъ, мы убѣждены, что наши желанія вполнѣ осуществимы, и формулируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

„Мы желаемъ, чтобы уставъ университетовъ и других высшихъ учебныхъ заведеній былъ основанъ на началахъ автономіи, чтобы ректоръ, согласно университетскому уставу 1863 года, былъ избираемъ совѣтомъ, чтобы были учреждены университетскій и студенческій суды, а также признаны студенческія корпораціи.

„Мы желаемъ, чтобы всѣ, окончившіе среднеучебныя заведенія, безъ различія вѣроисповѣданій, общественнаго положенія и безъ всякихъ тайныхъ характеристикъ со стороны гимназическаго начальства и полиціи, имѣли свободный доступъ въ университеты.

„Наконецъ, мы увѣрены, что наряду съ этимъ, нашимъ профессорамъ можетъ быть дана свобода преподаванія, прежде существовавшая по уставу 1863 года.

„Наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что всѣ эти послѣдовательно проведенныя измѣненія въ смыслѣ нашихъ желаній, будутъ содѣйствовать развитію студенческой жизни, и только они могутъ обусловить нормальное теченіе ея.

„Мы настаиваемъ теперь-же на уничтоженіи полицейскихъ функцій инспекціи, пониженіи платы и, въ частности по отношенію къ нашему университету, на возстановленіи научно-литературнаго общества, существовавшаго до 1886-го года и студенческой читальни.

„Впервые пользуясь возможностью изложить свои желанія, не выходя изъ границъ законности, мы твердо вѣримъ въ то, что подобный способъ выраженія своихъ нуждъ войдетъ въ обиходъ студенческой жизни“ [1]) [2]).

---

[1]) Проф. Клоссовскій l. c. стр. 36.

[2]) Я самъ былъ студентомъ Петербургскаго университета въ 1887 г. и помню что приведенная выше петиція не представляетъ всѣхъ desiderata, заявленныхъ тогда студентами Петербургскаго университета, напр., я убѣжденъ, что студенты требовали тогда также удаленія ректора Владиславлева. В. Аг.

Итакъ, надежды, возлагавшіяся на новый уставъ 1884-го года не оправдались: студенческіе безпорядки не только не прекратились но стали даже рѣзче. Почему же? Послушаемъ компетентныхъ лицъ. По мнѣнію т. с. Георгіевскаго [1]), неудачѣ всѣхъ мѣръ способствовали многія обстоятельства: а) недостатокъ строгости, разногласіе и неполная солидарность учебнаго начальства съ мѣстной администраціей, вообще недостаточно настойчивое проведеніе въ жизнь началъ новаго устава: б) печать и, такъ называемое, общественное мнѣніе относились несочувственно или къ самому уставу или къ его исполнителямъ, особенно къ инспекціи (Брызгаловъ, Потаповъ): тогда какъ мясники охотнаго ряда, охотники вообще подраться, такъ и рвались въ драку со студентами, все, что можно назвать обществомъ, было рѣшительно на сторонѣ студентовъ; в) въ самомъ центральномъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія обнаружились колебанія, и какъ бы два различныхъ теченія; г) въ провинціи чувствовалось противодѣйствіе и несочувствіе со стороны университетовъ и недостаточная твердость даже со стороны попечителей округовъ и даже нѣкоторыхъ представителей высшей администраціи. Такъ, напримѣръ, попечитель Одесскаго учебнаго округа т. с. Лавровскій представилъ, безъ всякихъ замѣчаній съ своей стороны, вышеупомянутую рѣзкую критику коммисіи Новороссійскаго университета на правила 1879 года. Попечитель Казанскаго учебнаго округа т. с. Шестаковъ еще въ представленіи своемъ, отъ 18-го сентября 1880 года высказался въ пользу карцера, въ пользу возстановленія прежняго института казеннокоштныхъ студентовъ, а позже, очевидно, подъ вліяніемъ „новыхъ вѣяній“ не имѣлъ ничего противъ большей части студенческихъ требованій, выраженныхъ въ поданной ими петиціи (сходки, судъ чести, касса, библіотека, читальня, отмѣна полугодичныхъ репетицій, подача коллективныхъ заявленій и т. п.), и самъ явился ходатаемъ за нихъ передъ высшимъ начальствомъ. Князь

---

[1]) См. Проф. Клоссовскій, l. c. стр. 42.

Долгорукій, какъ доносилъ попечитель Московскаго учебнаго округа, вообще не былъ расположенъ къ Брызгалову, и, послѣ происшествія 22 ноября 1887 года, не скрылъ этого нерасположенія и говорилъ не только ему, попечителю, но и многимъ другимъ, что онъ, Московскій генералъ-губернаторъ, предвидѣлъ, что то, что случилось, не могло не случиться, разъ Брызгаловъ былъ инспекторомъ".

Положеніе поистинѣ трагическое, разъ даже генералъ-губернаторъ оказался не на высотѣ и не могъ своимъ авторитетомъ поддержать уставъ 1884 года и инспектора Брызгалова!

„Печать, по мнѣнію того же т. с. Георгіевскаго, и притомъ самыхъ разнообразныхъ направленій, въ свою очередь, содѣйствовала этимъ цѣлямъ и поддерживала агитацію. „Новости" въ Петербургѣ и „Русскія Вѣдомости" въ Москвѣ, въ одинъ и тотъ же день, возбудили вопросъ о необходимости произвести независимо отъ министра народнаго просвѣщенія ревизію университетовъ, причемъ, по мнѣнію „Новостей", ревизія эта должна быть сенаторская, во главѣ ея долженъ быть сенаторъ Ѳ. М. Дмитріевъ, который настолько не сочувствовалъ новому университетскому уставу, что по Высочайшемъ его утвержденіи, счелъ за нужное сложить съ себя званіе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. „Гражданинъ" возлагалъ всю вину за безпорядки на чье-то бездушное и холодное отношеніе къ учащейся молодежи и тѣмъ какъ-бы оправдывалъ послѣднюю, а вмѣстѣ съ тѣмъ прямо требовалъ удаленія отъ должности какого-то тайнаго совѣтника отъ „педагогіи". Мало того, та же газета дозволила себѣ во всеуслышаніе разсуждать, уходитъ-ли куда-нибудь министръ Деляновъ и будетъ-ли онъ замѣщенъ попечителемъ Дерптскаго, нынѣ С.-Петербургскаго, учебнаго округа М. Н. Капустинымъ. „Новое Время", выгораживая уставы университетовъ и гимназій, всю вину безпорядковъ сваливало также на какихъ-то ихъ исполнителей. Понятно, насколько подобные толки и инсинуаціи должны были колебать авторитетъ министра и ближайшихъ сотрудниковъ въ глазахъ молодежи и учебнаго вѣдомства, и это въ пору волненій,

когда власть министра должна была явиться во всей своей силѣ, дабы всѣ указанія его были въ точности и безъ колебаній исполнены.

„Положеніе дѣла въ Москвѣ много усложнялось тѣмъ, что съ самаго начала безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ мѣстная администрація систематически воздерживалась отъ сообщенія попечителю округа какихъ-либо свѣдѣній и вообще приняла какое-то недружелюбное къ учебному вѣдомству положеніе. Оно продолжалось еще и въ началѣ новаго года. Такъ, даже по вопросу о времени открытія университета попечитель былъ извѣщенъ 6 января, что соображенія администраціи по этому предмету сообщены министру внутреннихъ дѣлъ для окончательнаго соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія; сообщать-же эти соображенія ему, попечителю, администрація „не видитъ надобности, такъ какъ теперь дѣло должно рѣ„шиться совѣщаніемъ министровъ. О такомъ ненормальномъ „отношеніи высшей мѣстной администраціи къ учебному на„чальству попечитель округа счелъ за должное, 8 января „1888 года, представить г. министру, тѣмъ болѣе, что ходъ „послѣднихъ безпорядковъ ясно высказалъ, насколько непо„нятный и нецѣлесообразный образъ дѣйствій мѣстной админи„страціи повліялъ на усиленіе броженія среди молодежи и „способствовалъ развитію безпорядковъ, вызвавшему необхо„димость прекращенія занятій въ университетѣ“.

Есть превращенья правленій, климатовъ, умовъ . . . . . Что сказалъ бы Гиляровъ-Платоновъ, если бы ему пришлось писать не въ началѣ, а въ концѣ 80-хъ годовъ объ университетскомъ вопросѣ, онъ, который указывалъ студентамъ на недовольное ими и негодующее общество и на охотнорядцевъ, засучивающихъ рукава?! Въ концѣ же 80-хъ годовъ авторъ, не менѣе благонадежный и къ тому же директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, говоритъ, что и общество то на сторонѣ студентовъ и печать, въ лицѣ самого „Гражданина“ агитируетъ и даже (horribile dictu!) самъ генералъ-губернаторъ не сочувствуетъ инспектору Московскаго университета—знаменитому Брызгалову. На что опереться?! Куда идти?!

Впрочемъ, надо отдать честь тайному совѣтнику Георгіевскому, служебное усердіе заставляло его смотрѣть на вещи ужъ слишкомъ въ мрачномъ свѣтѣ; бывшій московскій профессоръ и соратникъ Каткова, Н. А. Любимовъ глядѣлъ проще и трезвѣе и бралъ себѣ врага по плечу. Вотъ что писалъ этотъ профессоръ (нынѣ умершій) въ особой запискѣ, представленной имъ по начальству:

„Извѣстно, что въ преподаваніи нѣкоторыхъ профессо-„ровъ проявлялось противоправительственное направленіе, ко-„торое затруднено новыми постановленіями; но наклонность „къ нему не исчезла. Дѣйствія лицъ, прямолинейно слѣдую-„щихъ правительственнымъ требованіямъ и указаніямъ, столь-„ко же ненавистны профессорамъ этой категоріи, какъ и „агитаторамъ, дѣйствующимъ среди студентовъ. Кромѣ того, „есть не мало профессоровъ, которые постоянно заявляли „себя враждебными государственнымъ идеямъ и педагогиче-„скимъ началамъ, представителемъ которыхъ былъ М. Н. „Катковъ. Противодѣйствіе, успѣшно оказанное имъ потоку „политическаго легкомыслія и пагубныхъ затѣй революціон-„наго и конституціоннаго характера, породило во многихъ „кружкахъ озлобленіе, переносимое на университетскій уставъ, „въ составленіи и проведеніи котораго ему приписывается „значительная доля участія, и на распоряженія министерства, „не разъ призывавшаго его въ свои совѣты. Замѣчательно, „что по его смерти въ 1887 году, по немъ въ университетѣ „не было даже панихиды, хотя онъ состоялъ почетнымъ чле-„номъ университета, по которымъ всегда бываютъ панихиды. „Есть, наконецъ не мало профессоровъ просто недовольныхъ „умаленіемъ корпоративныхъ-избирательныхъ и распоряди-„тельныхъ привилегій, произведеннымъ новымъ уставомъ. „Къ инспекціи профессорская коллегія во многихъ мѣстахъ „относится нерасположенно. Въ нѣкоторыхъ же профессор-„скихъ кругахъ (а именно въ Москвѣ) замѣчается ненависть „къ инспекціи, не уступающая той, какую имѣютъ къ ней „враждебные къ порядку студенческіе круги . . . .“ [1]).

---

[1]) Проф. Клоссовскій, l. c., стр. 20.

Высшее начальство, видимо, вполнѣ раздѣляло точку зрѣнія этого добровольца изъ профессоровъ, такъ какъ начальству прежде всего нужно было найти виновнаго и покарать, нельзя же было признать виновнымъ и общество, и печать, и профессоровъ, и даже полицію и генералъ-губернатора, все и вся, кромѣ графа Делянова и устава 1884 года, какъ предлагалъ тайный совѣтникъ Георгіевскій. Проф. Любимовъ обвинилъ профессорскую коллегію. Это былъ самый слабый и самый удобный изъ обвиняемыхъ, которому и было сдѣлано соотвѣтственное внушеніе.

14 января 1888 года, на совѣщаніи изъ г.г. министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, финансовъ, синодальнаго оберъ-прокурора, товарища министра, завѣдующаго полиціей, градоначальника и директоровъ департаментовъ полиціи и народнаго просвѣщенія было постановлено: 1) возобновить учебныя занятія въ С.-Петербургскомъ университетѣ 21 января; 2) предварительно сего дать, чрезъ начальство учебнаго округа, совѣту университета предложеніе, въ которомъ разъяснить профессорамъ обязанности ихъ по отношенію къ нравственному воздѣйствію ихъ на студентовъ; 3) чрезъ министра народнаго просвѣщенія самымъ рѣшительнымъ образомъ объявить деканамъ факультетовъ для сообщенія преподавателямъ университетовъ, что, въ случаѣ возобновленія безпорядковъ и могущей сверхъ чаянія, оказаться необходимости прекратить учебныя занятія на болѣе или менѣе продолжительное время, всѣ служащіе въ университетѣ будутъ уволены отъ службы, такъ какъ немыслимо и несправедливо, чтобы податныя средства, собираемыя съ народа, обращались на содержаніе лицъ, которыя не будутъ нести никакихъ служебныхъ обязанностей, и 4) объявить студентамъ, что, въ случаѣ прекращенія лекцій имъ не будетъ зачтено цѣлое полугодіе и производство стипендій прекратится.

Такое объясненіе причинъ ненормальности жизни университетовъ оказалось столь удобнымъ и такъ понравилось графу Делянову, что онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 13 ноября 1888 г. говоритъ, что при введеніи устава 1884 г. одной

изъ новыхъ цѣлей было: „прекратить отчужденіе отъ власти, господствовавшее въ университетахъ, гдѣ привыкли уже на своеволіе корпораціи смотрѣть, какъ на нѣкоторую законную привилегію учрежденія . . . . Нынѣ, утверждаетъ графъ Деляновъ, „въ младшемъ, сравнительно, поколѣніи профессоровъ явилась бо̀льшая готовность содѣйствовать видамъ правительства“ [1]).

Ясна основная мысль этого доклада:—уставъ 1884 г. не уничтожилъ студенческихъ безпорядковъ, но все же главная, по мнѣнію графа Делянова, причина этихъ безпорядковъ—отрицательное отношеніе профессоровъ къ видамъ правительства—начинаетъ слабѣть и младшее поколѣніе профессоровъ обѣщаетъ „бо̀льшую готовность содѣйствовать видамъ правительства“, а слѣдовательно можно надѣяться, что съ постепеннымъ ростомъ этой „готовности“ исчезнутъ и самые безпорядки.

Можетъ быть графъ Деляновъ подмѣтилъ и вѣрно совершавшуюся эволюцію профессорской коллегіи, но вѣдь тогда нужно было признать, что основная причина безпорядковъ была все же не та, такъ какъ эволюція профессорской благонадежности продолжалась и достигла даже чисто Мининскаго самоотверженія,—но продолжались и безпорядки. Видимо, „собака“ была похоронена глубже.

Другой компетентный графъ—Капнистъ, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа, утверждаетъ совершенно обратное. „Уставъ 1884 года, говоритъ онъ, только ухудшилъ положеніе дѣла, уничтоживъ, можно сказать, уже на законномъ основаніи, безъ того низко упавшій нравственный, высшій авторитетъ, который во всякомъ учебномъ заведеніи зависитъ отъ положенія, въ какое поставленъ его учебный персоналъ, естественно составляющій самую суть заведенія“. По уставу 1884 г. профессора такіе же посторонніе посѣ-

---

[1]) Проф. Клоссовскій, l. c. стр. 23.

тители университета, какъ и студенты; они обязаны также читать лекціи и вести положенныя занятія, но устранены отъ всякаго участія въ университетскомъ управленіи, отъ нихъ отняты всѣ способы вліять на университетскую жизнь. Понятно, что профессора стали сторониться отъ всякаго участія въ дѣлахъ университета, „а студенты, видя недовѣріе, съ которымъ правительство относилось къ профессорамъ, и сознавая, что эти послѣдніе утратили всякое значеніе въ общей организаціи университетовъ, стали привыкать смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ во всемъ, что не касается непосредственно преподаванія".

Намъ кажется, что здѣсь почтенный графъ совершенно игнорируетъ не только общеизвѣстныя вещи, но и свои собственныя мнѣнія, развитыя имъ въ цитируемой нами статьѣ. Разъ студенчество было бы настолько благоразумно, чтобы свое уваженіе къ профессорамъ обосновывать на довѣріи къ послѣднимъ правительства, то вѣдь и безпорядковъ бы не было, а была бы трогательная Аркадія, гдѣ начальство, профессоры и студенты совмѣстно вспахивали бы отечественную ниву. Но вѣдь въ томъ то и дѣло, что вмѣсто Аркадіи обрѣтается какая то междуусобица, когда всѣ воюютъ другъ съ другомъ, а на нивѣ произрастаютъ различныя сорныя травы. Ниже мы коснемся мелькомъ вопроса объ отношеніи студентовъ къ профессорамъ, теперь же только отмѣтимъ, что „пренебреженіе" студентовъ, указываемое графомъ Капнистомъ, начинаетъ, къ сожалѣнію, распространяться и на „преподаваніе". Вѣдь ни для кого не новость, что научныя силы русскихъ университетовъ значительно понизились въ качественномъ отношеніи за 20 лѣтъ, истекшихъ съ 1884 года. Не стоитъ ли это въ нѣкоторой связи съ той эволюціей „младшаго поколѣнія профессоровъ", начало которой такъ радостно отмѣтилъ графъ Деляновъ еще въ 1888 году?

Но перейдемъ къ графу Капнисту.

Само правительство, говоритъ бывшій Московскій попечитель, скоро сознало невозможность обойтись безъ профессоровъ и стало само не только обращаться къ нимъ „требуя ихъ содѣйствія для упорядоченія университетовъ,

но и ставя имъ въ вину слабость ихъ вліянія на студентовъ, забывая, что слабость эта имъ же самимъ создана..... На дѣлѣ уставъ 1884 г., разсчитанный, главнымъ образомъ, на усиленіе власти, не только неоправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, но, напротивъ, *довершилъ на почвѣ закона* ту дезорганизацію, которая *фактически* началась уже раньше, благодаря ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ наши университеты находились уже съ болѣе давняго времени....." [1]).

Ниже мы вернемся еще къ вопросу о томъ, въ чемъ же по мнѣнію графа Капниста, заключались нѣкоторыя изъ этихъ общихъ „ненормальныхъ условій" жизни нашихъ университетовъ.

Итакъ, уставъ 1884 г. не освободилъ университетъ отъ безпорядковъ: какъ мы видѣли, съ особенной силой они вспыхнули въ 1887 году.

1888 годъ прошелъ спокойно, но осенью 1889 г. снова начались студенческіе безпорядки, сначала въ Одесскомъ университетѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Новой Александріи и въ концѣ концовъ почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи. Эти волненія продолжались больше двухъ лѣтъ и пріобрѣли нѣсколько иной характеръ, чѣмъ прежнія. Вотъ что говоритъ о нихъ проф. Клоссовскій [2]).

„Въ общихъ чертахъ вездѣ повторялось одно и то же явленіе: начинались сходки, подавались петиціи; начальство увѣщевало волнующуюся молодежь вернуться къ нормальному теченію, при отказѣ, происходили увольненія, административныя высылки. Со стороны министерства дѣлались распоряженія, касавшіяся, главнымъ образомъ, вопроса объ усиленіи надзора. Волненія продѣлывали свой циклъ, затихали съ тѣмъ, чтобы, спустя нѣкоторое время, опять вспыхнуть съ большей или меньшей интенсивностью. Такъ шли учебныя занятія въ университетахъ, перемежаясь съ мѣстными и слу-

---

[1]) Гр. Капнистъ, Вѣстн. Евр. 1903 г. Ноябрь, стр. 192, 3, 4.

[2]) Проф. Клоссовскій l. c. стр. 24—26.

чайными вспышками, вплоть до 1899 года, когда, прежде въ Петербургѣ, а затѣмъ въ другихъ городахъ Имперіи, какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, началось громадное движеніе, выразившееся въ стремленіи къ производству „обструкцій и забастовокъ". Ближайшими поводами волненій было извѣстное предостереженіе, вывѣшенное въ зданіи Петербургскаго университета ректоромъ Сергѣевичемъ, а также „неумѣлое и несоотвѣтственное предварительное распоряженіе чиновъ С.-Петербургской полиціи по охраненію уличнаго порядка въ день 8 февраля 1899 года". (Правительственное сообщеніе отъ 25 мая 1900 года). Эти волненія, съ нѣкоторыми колебаніями, поддерживались вплоть до весны 1902 года. Они не прекратились, даже и тогда, когда назначено было разслѣдованіе по дѣлу 8 февраля 1899 года, Высочайше возложенное на генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго. Вскорѣ послѣ смерти Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, обязанности министра возложены были на П. С. Ванновскаго. Началась усиленная плодотворная работа, исходившая изъ той мысли, что причина безпорядковъ кроется не только въ недостаткѣ надзора за студентами, а гораздо глубже въ самой системѣ и постановкѣ средняго и высшаго образованія. Началась подготовительная работа по преобразованію средней и высшей школы, изданы были временныя правила, предоставлявшія студентамъ корпоративное устройство. Всѣ эти мѣры положительнаго характера несомнѣнно не остались безъ вліянія. Число приверженцевъ волненій постепенно уменьшалось. Сторонники обструкціи встрѣтили значительный противовѣсъ въ огромномъ большинствѣ товарищей. Наступилъ періодъ такъ называемой „химической" обструкціи, какъ послѣдній симптомъ затухавшаго возбужденія молодежи......"

„Такимъ образомъ, говоритъ проф. Клоссовскій, къ концу волненій 1900—1902 годовъ въ университетахъ образовалось 3 партіи: группа обструкціонистовъ, составившая незначительное меньшинство [1]) (въ Юрьевѣ человѣкъ 70—80 изъ

---

[1]) Приводимыя проф. Клоссовскимъ цифры нѣсколько расходятся съ

1800), altera pars (въ Юрьевѣ человѣкъ 300), и средняя партія, не принимавшая никакого участія въ волненіяхъ и ожидавшая возвращенія нормальнаго теченія вещей, партія студентовъ, работающихъ и ожидающихъ терпѣливо лишь нѣкоторыхъ улучшеній въ существующемъ строѣ университетовъ: осмотрительности при назначеніи пособій и стипендій, товарищескаго суда чести, расширенія учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, кассы взаимопомощи. Это большинство, пришедшее учиться, безсильно своей разобщенностью; оно не можетъ воздѣйствовать на товарищей; единичныя усилія безплодны и безцѣльны. Но несомнѣнно, что это большинство, теперь разрозненное, а при существованіи корпоративнаго устройства, сплоченное, твердо стало бы на стражѣ нормальнаго теченія учебныхъ занятій и дарованныхъ правъ; оно сдѣлалось бы господиномъ положенія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а современемъ выработало бы цѣлый классъ людей, способныхъ, въ силу общей пользы и дисциплины, поступиться своими личными стремленіями".

Мы не подвергаемъ исторической критикѣ описаніе студенческихъ волненій за 1889—1902 года, сдѣланное проф. Клоссовскимъ, такъ какъ не можемъ замѣнить его болѣе полнымъ—для этого не настало еще времени, но все же мы хотимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во первыхъ позволимъ себѣ напомнить почтенному профессору, что post hoc еще не propter hoc, и хотя „плодотворная работа" министерства Ванновскаго совпала съ ослабленіемъ студенческихъ волненій, но врядъ ли являлась причиной этого ослабленія: мы уже видѣли, что эти волненія и начинались и прекращались и въ эпохи „строгости" и въ эпохи „болѣе сердечнаго отношенія".

Кромѣ того,—развѣ авторъ „Матеріаловъ" опытный, заслуженный профессоръ убѣжденъ, что индиферентная масса, находящаяся между „обструкціонистами" и „altera pars"—тѣ 1200 изъ 1800 студентовъ Дерптскаго университета дѣйствительно такіе ужъ „работающіе"?

данными, почерпнутыми нами изъ другихъ источниковъ, по которымъ и „обструкціонистовъ" и „altera pars" въ Дерптѣ въ 1902 г. было поровну, а именно по 300 человѣкъ.

Позволяемъ себѣ сильно сомнѣваться въ этомъ.

Столь желанная проф. Клоссовскимъ организація этого „работающаго" большинства, которое „твердо стало бы на стражѣ нормальнаго теченія учебныхъ занятій и дарованныхъ правъ", нѣсколько напоминаетъ знакомую уже читателю организацію студенчества, предлагавшуюся Гиляровымъ-Платоновымъ 22 года тому назадъ. Въ настоящее время эта мысль, въ той или иной формѣ, пріобрѣтаетъ все большее число сторонниковъ и нашла уже частичное осуществленіе въ жизни нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Мы предсказываемъ этимъ организаціямъ, корпораціямъ etc. блестящее будущее и не потому только, что онѣ являются удобнымъ средствомъ борьбы со студенческими безпорядками, но прежде всего и главнымъ образомъ потому, что наступило время, когда всѣ вопросы въ Россіи стали опредѣленнѣе и рѣзче и требуютъ такихъ же опредѣленныхъ и рѣзкихъ отвѣтовъ, и это, въ свою очередь, вызываетъ потребность въ организаціи одинаково мыслящихъ и чувствующихъ.

Послѣ Пасхи 1902 года лекціи начались во всѣхъ университетахъ.

Въ 1903 и текущемъ 1904 г. большихъ, общихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было, но большинство изъ нихъ и въ эти годы переживало и переживаетъ тяжелыя, смутныя недѣли и даже мѣсяцы.

Какими же причинами объясняютъ наши авторы такое ненормальное теченіе жизни въ русскихъ университетахъ и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Обратимся сначала къ проф. Клоссовскому и прежде всего приведемъ въ сокращенномъ видѣ его, нѣсколько метеорологическую, характеристику студенческихъ безпорядковъ.

Общій ходъ студенческихъ волненій, говоритъ нашъ маститый метеорологъ, весьма типиченъ. За нѣсколько дней до начала волненій замѣтно въ средѣ студенчества усиленное оживленіе, подъемъ духа; студенты собираются группами, оживленно между собою бесѣдуя; передаются разные слухи. Затѣмъ начинаются сходки, причемъ студенты стараются возможно

дольше держаться легальной почвы. Подаются петиціи. Петиціи эти, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, ясно указываютъ, что волнующаяся молодежь, въ ея массѣ, не можетъ быть обвинена въ политической дѣятельности. Политика, и то въ слабой степени, примѣшивается извнѣ къ концу движенія. Посторонніе университету агитаторы пользуются волненіями съ цѣлью пропагандировать извѣстныя идеи и придать имъ болѣе широкое распространеніе. Конечно, подобные агитаторы могутъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, изъ среды того же студенчества. Но число подобныхъ студентовъ агитаторовъ самое ничтожное и не имъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ иниціатива волненій..... Въ волненіяхъ обыкновенно принимаютъ дѣятельное участіе студенты среднихъ курсовъ. Студенты 4-го курса почти всегда остаются въ сторонѣ. Проф. Клоссовскій говоритъ, что не знаетъ примѣра, чтобы въ движеніи принимали яркое участіе окончившіе курсъ молодые люди, въ качествѣ подстрекателей, чего можно было бы ожидать, если бы движеніе явилось результатомъ серьезнаго распространенія въ средѣ молодежи опасныхъ для государства политическихъ и соціальныхъ доктринъ. Начальство вынуждено исключать замѣченныхъ. Не обходится, приэтомъ безъ ошибокъ и незаслуженныхъ наказаній, что объясняется тѣмъ, что предварительныя свѣдѣнія собираются весьма спѣшно, иногда путемъ опроса служителей инспекціи. Всѣ увѣщанія остаются безъ результата. Броженіе должно продѣлать свой полный циклъ. Если толпа арестована на улицѣ, то мѣстная администрація подвергаетъ ихъ иногда еще аресту на основаніи закона объ усиленной охранѣ.

Первоначальная группа, составляющая ядро движенія, обыкновенно не велика; но она въ первые дни растетъ весьма быстро, подобно снѣжному кому, и интенсивность движенія вскорѣ достигаетъ кульминаціоннаго пункта. Движеніе 1899—1902 года поражаетъ своимъ широкимъ развѣтвленіемъ, раскинувшимся по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, которыя въ прежнее время были почти свободны отъ вспышекъ (институтъ путей сообщенія, горный институтъ и т. п.). Во время послѣднихъ волненій бросается въ глаза также значительная

солидарность между стакнувшимися въ различныхъ городахъ и разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Первоначальное ядро увеличивается и пополняется не только живо и горячо сочувствующими, но и случайными элементами. Видъ волненій имѣетъ какое-то привлекательное дѣйствіе на юношество: обнаруживаетъ своего рода центро-стремительную силу, влекущую къ себѣ молодежь.

Распространенію преувеличенныхъ слуховъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, способствуютъ немало тѣ насилія, къ которымъ прибѣгаетъ иногда администрація во время арестовъ и столкновеній. Насилія эти констатированы многократно въ донесеніяхъ властей и на нихъ прямо указывается въ „Правительственномъ сообщеніи" отъ 25 мая 1900 года, въ которомъ порицается „примѣненіе безъ особой необходимости одной изъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія на толпу".

Волненія, говоритъ проф. Клоссовскій, вообще не связаны съ какими-либо выдающимися фактами и моментами политической или общественной жизни нашего государства. Молодежь, повидимому, остается часто безучастной къ крупнымъ явленіямъ нашей внѣшней и внутренней жизни. Хотя волненія начала 60-хъ годовъ совпали съ періодомъ подъема общественнаго духа, а безпорядки 1878 года слѣдовали за освободительной войной и совпали съ наибольшимъ развитіемъ террористической дѣятельности; но волненія 1887 года, 1890 года, наконецъ, обструкція послѣднихъ лѣтъ происходили въ періоды, которые отличались сравнительнымъ затишьемъ и даже нѣкоторыми внѣшними успѣхами (заключеніе франко-русскаго союза, наши внѣшніе успѣхи на Дальнемъ Востокѣ). Крупныя общественныя бѣдствія, какъ напримѣръ, голодъ 1891 и 1899 года, крупные аграрные безпорядки, серьезныя погромы, реформы въ строѣ земскихъ и городскихъ учрежденій, большія или меньшія измѣненія въ системѣ цензуры, не находили себѣ отголоска въ дебатахъ и петиціяхъ студенческихъ сходокъ. Короче говоря, усиленіе пульса студенческой жизни, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, не совпадало ритмически съ колебаніями энергіи общественнаго и государственнаго строя.

Здѣсь проф. Клоссовскій, отрицая связь студенческихъ волненій съ общественной и политической жизнью нашей страны, приходитъ въ рѣзкое разногласіе съ приведеннымъ нами выше мнѣніемъ Пирогова, утверждавшаго непререкаемую наличность этой связи. Мы присоединяемся къ послѣднему и, вопреки почтенному метеорологу, утверждаемъ, что въ дебатахъ, происходившихъ во время студенческихъ волненій, всегда находили „отголоски" всѣ общественныя злобы дня, и если многія петиціи студентовъ были чисто академическія, то это въ большинствѣ случаевъ вызывалось соображеніями чисто тактическаго характера, но кромѣ того, были и петиціи, заключавшія въ себѣ desiderata не только pro domo sua. Немудрено, что для подтвержденія своей мысли и для защиты студенческой невинности проф. Клоссовскому пришлось характеризовать 90-ые годы—съ одной стороны, какъ годы „сравнительнаго затишья", а съ другой,—какъ годы „крупныхъ общественныхъ бѣдствій" (голодъ, аграрные безпорядки, погромы, урѣзаніе самоуправленія и т. п.).

Отсутствіе политической окраски въ студенческихъ волненіяхъ проф. Клоссовскій доказываетъ еще и слѣдующими соображеніями.

„Даже въ самый разгаръ террористическаго движенія конца 70-хъ годовъ, число студентовъ (или окончившихъ курсъ) привлеченныхъ къ процессамъ, было крайне ограничено. Террористы пополняли свои ряды преимущественно лицами, выброшенными за бортъ школьной и общественной жизни. Движенія второй половины 80-хъ годовъ были вызваны исключительно введеніемъ репетицій, недовольствомъ по адресу инспекціи (или вѣрнѣе инспекторовъ) и другими условіями академической жизни. Движеніе 1899 года вызвано было извѣстнымъ объявленіемъ ректора и событіями 8 февраля на набережной рѣки Невы. Политическая окраска въ нихъ отсутствовала. Она придается движеніямъ немногими посторонними элементами и во время послѣднихъ волненій встрѣтила сильнѣйшій отпоръ со стороны большинства. Волнующаяся молодежь, въ своей массѣ, никогда еще не покушалась совершить какой-либо эксцессъ или выказать непочтеніе по от-

ношенію къ Высочайшимъ Особамъ. Ни въ одномъ университетѣ не были повреждены портреты Государя Императора. Высочайшее посѣщеніе Московскаго университета, состоявшееся 15 мая 1886 года, вызвало самое искреннее и самое чистосердечное проявленіе восторженныхъ патріотическихъ чувствъ молодежи, при самомъ полномъ соблюденіи порядка и приличія. Послѣ событій 8 февраля 1899 года, толпа студентовъ привѣтствовала на Невскомъ проспектѣ случайно проѣзжавшую вдовствующую Императрицу Марію Ѳеодоровну восторженнымъ „ура“ [1]).

Читатель уже видѣлъ, что эта характеристика студенческихъ волненій, какъ не политическихъ, стала общимъ мѣстомъ. Здѣсь наблюдается специфически русское смѣшеніе понятій: мы привыкли прилагательное „Политическій“ ассоціировать съ существительнымъ „Неблагонадежность“ и потому разъ вы не революціонеръ, то ваша дѣятельность, значитъ, не имѣетъ характера политическаго; потому же самому и студенческія волненія нельзя назвать политическими, такъ какъ среди студентовъ мало революціонеровъ, а многіе изъ нихъ участвуютъ въ „патріотическихъ манифестаціяхъ“. Забываютъ при этомъ, что даже и подобныя манифестаціи являются политическимъ актомъ, особенно для русскаго обывателя, который не привыкъ свои вѣрноподданическія чувства выражать такъ шумно и по собственной иниціативѣ. Вообще всякое дѣйствіе, которое какъ бы то ни было выражаетъ отношеніе къ формамъ государственной жизни, будетъ дѣйствіемъ политическимъ. И въ этомъ смыслѣ студенческія волненія несомнѣнно носятъ политическій характеръ.

По мнѣнію проф. Клоссовскаго, студенческія волненія— это періодическіе взрывы потенціальной энергіи, накопляющейся годами въ массѣ учащагося юношества, энергіи, не имѣющей правильнаго исхода. Ближайшими поводами къ этимъ взрывамъ можно считать тѣ или другія неустройства въ ходѣ школьной обстановки. Чѣмъ правильнѣе и нормальнѣе теченіе школьной и внѣшкольной жизни, тѣмъ рѣже, тѣмъ

---

[1]) Проф. Клоссовскій, l. c. стр. 39 и 40.

слабѣе эти взрывы. Юноша видитъ, что внѣ стѣнъ университета течетъ жизнь съ разнообразными ея интересами и направленіями. Невозможно убѣдить 22—23-лѣтняго молодого человѣка, что онъ только ученикъ, что онъ еще не подготовленъ къ тому, чтобы принимать участіе въ вершеніи собственной жизни. Въ Германіи, и у насъ въ Дерптѣ, молодыя силы ищутъ исхода въ попойкахъ, нерѣдко въ дебошахъ, дуэляхъ; наша молодежь расходуется въ волненіяхъ. По мнѣнію проф. Клоссовскаго, оба эти явленія, одинаково нежелательныя и ненормальныя, суть слѣдствія однѣхъ и тѣхъ же причинъ—избытка молодыхъ силъ. Необходимо создать молодежи здоровые, несложные интересы. Эти здоровые интересы будутъ даны, если мы создадимъ студенческую жизнь, организованную на началахъ товарищества, взаимопомощи и отвѣтственности. Волненія послѣдняго времени приняли болѣе распространенный характеръ и охватили огромныя массы молодежи. Очевидно, съ одной стороны, что масса молодежи въ общемъ стала воспріимчивѣе, физическое здоровье ея понизилось. Увеличенію нервности немало способствуютъ тяжелыя матерьяльныя условія жизни русскаго студента, а также рядъ мѣръ, стѣснившихъ частную и школьную жизнь студенчества, особенно со времени введенія новаго устава: студентъ, надѣвъ фуражку, поступаетъ въ рядъ подозрительныхъ личностей. Указанными обстоятельствами объясняется усиленіе интенсивности и повторяемости волненій послѣдняго времени.

Въ концѣ концовъ проф. Клоссовскій приходитъ къ заключенію, что студенческія волненія аналогичны съ пертурбаціями въ ходѣ жизни вообще.

Читатель замѣтилъ, конечно, что въ характеристикѣ студенческихъ волненій, сдѣланной проф. Клоссовскимъ, сказывается прежде всего естествоиспытатель: онъ все сводитъ—съ одной стороны къ излишней чувствительности и нервности нашей молодежи, съ другой—къ нѣсколько проблематическому избытку силъ ея.

Врядъ ли кто согласится со столь упрощеннымъ, физіологическимъ объясненіемъ: у нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ студентовъ силъ куда больше, такъ какъ и ѣдятъ

они лучше нашихъ и гимнастикой и спортомъ занимаются,—а между тѣмъ не „волнуются" же такъ, какъ наши; объясненіе, что избытокъ силъ западноевропейскаго студента выливается въ попойкахъ и дуэляхъ, конечно, то же не выдерживаетъ критики: наша молодежь на счетъ попоекъ тоже не красныя дѣвицы, а дуэли и на западѣ не такъ ужъ часты.

Всѣ мѣропріятія, предложенныя по поводу волненій, и, вообще, вся ихъ система имѣла, по мнѣнію проф. Клоссовскаго, односторонній характеръ, такъ какъ исходила изъ мысли о необходимости поддержать пошатнувшуюся дисциплину, и разсматривала университетъ, какъ органъ, живущій совершенно отдѣльною жизнію, не связанный живыми нитями съ другими органами. Волненія разсматривались, какъ мѣстная болѣзнь, требовавшая интенсивнаго, чаще всего, оперативнаго метода лѣченія, безъ примѣненія тѣхъ оздоровляющихъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ врачъ и гигіенистъ, предупреждающій заболѣванія. Причину заболѣванія искали извнѣ въ посторонней университету агитаціи, не принимая въ расчетъ, что инфекція безсильна тамъ, гдѣ среда и общее питаніе не удовлетворительны и что жизнь всякаго отдѣльнаго органа тѣсно связана съ жизнью и здоровьемъ остальныхъ частей цѣлаго.

Причины студенческихъ волненій, указываемыя проф. Клоссовскимъ, можно, такимъ образомъ, разбить на 2 категоріи: причины внутреннія, неизбѣжныя, заключающіяся, такъ сказать, въ самомъ организмѣ молодежи, и причины внѣшнія. Графъ Капнистъ, получившій, видимо, гуманитарное образованіе, обращаетъ главное вниманіе на внѣшнія причины студенческихъ волненій. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

До 50-ыхъ годовъ, говоритъ гр. Капнистъ, студенческихъ организацій не было, такъ какъ и потребности въ этомъ не чувствовалось,—но когда въ университетъ начали собираться студенты изъ разныхъ концовъ Россіи, изъ различныхъ классовъ общества и различной степени обезпеченности, а по большей части совершенно не обезпеченные, то „естественно усилилось въ средѣ студентовъ стремленіе къ товарищескому

сближенію и къ группировкѣ во имя удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ". И вотъ уже въ концѣ 50-ыхъ и въ началѣ 60-ыхъ годовъ стали возникать студенческія общества, принявшія, по большей части, наименованіе „землячествъ", такъ какъ они состояли преимущественно изъ земляковъ. Землячества были „какъ бы клубами, въ которыхъ юноши, оторванные отъ родной среды, находили общество сколько нибудь родное и привычное". Въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ землячества не играли роли въ студенческихъ волненіяхъ и потому, вѣроятно, не преслѣдовались. Почти одновременно съ землячествами возникли и общеуниверситетскія организаціи, создававшіяся „во имя идеи болѣе отвлеченнаго товарищества, основаннаго на принадлежности къ одному учрежденію, т. е. университету". Одно время такія организаціи пользовались даже покровительствомъ властей.

„Въ разныхъ университетахъ стали возникать, и притомъ на основаніи оффиціальныхъ разрѣшеній, обще-университетскія кассы, такія же чисто студенческія библіотеки и тому подобныя учрежденія; а въ связи съ этимъ вошли въ обычай какъ курсовыя, такъ и факультетскія и обще-университетскія сходки, завѣдывавшія, въ смыслѣ общаго руководства, этими учрежденіями".

Гр. Капнистъ самъ участвовалъ въ началѣ 60-ыхъ годовъ, какъ студентъ Московскаго университета, въ подобныхъ организаціяхъ. Онъ отрицательно относится къ обще-студенческимъ организаціямъ, къ библіотекамъ, къ кассамъ, къ сходкамъ, но очень тепло вспоминаетъ о землячествѣ, осуществлявшемъ не только матеріальную помощь, но и вообще самое идеальное товарищество.

Уставъ 1884 г. запретилъ и земляческую и обще-студенческую организацію, студенческія собранія и сходки объявлены незаконными. „Съ этого времени, говоритъ графъ Капнистъ, всякаго рода студенческія общества и кружки—въ томъ числѣ и землячества—de jure поступили въ разрядъ недозволенныхъ тайныхъ сообществъ, а сходки обратились въ характерный симптомъ возникновенія въ университетѣ безпорядковъ".

Запрещеніе землячествъ не уничтожило ихъ, но сдѣлало ихъ тайными. Этимъ воспользовалась пропаганда, которая видѣла въ томъ нелегальномъ положеніи, въ какое были поставлены землячества, удобный случай вовлечь ихъ и склонить замѣнить чисто студенческія товарищескія задачи другими цѣлями, имѣющими уже политическій характеръ. Отсюда явилась мысль о созданіи организаціи, постановившей себѣ цѣлью объединить интересы землячествъ и защищать ихъ и интересы университета всѣми дозволенными и недозволенными способами, а на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію графа Капниста, цѣлью такой организаціи было—„подчиненіе своимъ велѣніямъ всѣхъ студентовъ, а по возможности и всего университета". Появились „союзные совѣты землячествъ", „исполнительные", „центральные комитеты". Большинство землячествъ отнеслось сначала къ такой централизаціи отрицательно. „Только по мѣрѣ усиленія репрессіи противъ университетовъ, говоритъ графъ Капнистъ, часто неразборчивой, бьющей не по коню, а по оглоблямъ и поражающей при этомъ какъ праваго, такъ и виновнаго, и по мѣрѣ все большихъ затрудненій, которыя встрѣчали землячества,—они стали уступать настояніямъ сторонниковъ тайной общей организаціи и постепенно стали превращаться изъ негласныхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ тѣмъ не менѣе вполнѣ дозволенныя цѣли, въ настоящія тайныя сообщества, съ болѣе широкими, но въ то же время нерѣдко прямо противозаконными цѣлями. Движеніе это особенно усилилось въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ началѣ же девятидесятыхъ охватило большую часть землячествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и очень значительное число студентовъ. Хотя эта тайная организація никогда не охватывала большинства студентовъ, но, представляя собою сплоченное ядро, она всегда беретъ верхъ надъ неорганизованнымъ большинствомъ.

Кромѣ запрещенія студенческихъ организацій на развитіе волненій вредное вліяніе, по мнѣнію графа Капниста, оказывала „всегдашняя склонность отожествлять всякій университетскій безпорядокъ съ политическими волненіями и противоправительственными стремленіями, въ то время какъ безпо-

рядки въ университетахъ, если и далеко не всегда, то смѣло можно утверждать, по большей части, первоначально возникали не на политической почвѣ, и только въ острый моментъ своего дальнѣйшаго развитія получали окраску политическаго движенія подъ вліяніемъ тайной пропаганды, съ которой первоначально возникновеніе волненія имѣло мало общаго.

Хотя и гр. Капнистъ склоненъ къ нѣкоторому смѣшенію понятій—политическій и революціонный, но какъ опытный человѣкъ—бывшій попечитель учебнаго округа, онъ не можетъ все же совершенно реабилитировать наше студенчество даже отъ обвиненія въ революціонномъ характерѣ волненій.

„Можно смѣло сказать, продолжаетъ графъ Капнистъ, что легкость, съ которою власти, безъ достаточныхъ основаній, часто бывали склонны придавать всякому университетскому безпорядку значеніе революціоннаго движенія, оказывалась на руку прежде всего тѣмъ именно худшимъ противогосударственнымъ элементамъ, съ которыми власти начали бороться. А затѣмъ усиленная репрессія, обрушивающаяся безъ достаточнаго разбора на праваго и виноватаго, сама бросала, такъ сказать, болѣе чѣмъ что либо другое, часть молодежи въ объятія пропаганды и, не подозрѣвая того, пополняла тѣмъ самымъ ряды худшихъ враговъ порядка“.

Здѣсь гр. Капнистъ обнаруживаетъ революціонный характеръ дѣятельности не у одной только учащейся молодежи.

„Затѣмъ, склонность власти признавать университетскія волненія событіями чуть ли не общегосударственной важности, требующими вмѣшательства высшаго правительства, общихъ мѣропріятій, измѣненія законовъ и т. п.“—сдѣлала, по мнѣнію гр. Капниста, то, что молодежь привыкла смотрѣть на себя *какъ на силу*, съ которой должно считаться. Это „во многомъ объясняетъ ту легкость, съ которою возникаютъ и распространяются волненія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“ и, прибавимъ мы отъ себя, еще разъ указываетъ на политическій характеръ студенческихъ безпорядковъ.

Наконецъ, сильно способствуетъ возникновенію и развитію студенческихъ безпорядковъ характеръ дѣятельности общей администраціи по отношенію къ студентамъ и къ универ-

ситету. „Тайно-полицейскій образъ дѣйствій администраціи, говоритъ бывшій московскій попечитель, въ принципѣ совершенно тожественный съ пресловутымъ „словомъ и дѣломъ“, только съ болѣе мягкими и современными формами,— какъ нельзя болѣе способствовалъ развитію всякихъ неудовольствій и проистекающихъ изъ такого источника волненій. Полицейское преслѣдованіе, основанное на доносахъ и тайномъ соглядатайствѣ, ничѣмъ не контролируемомъ, такъ какъ результаты тайныхъ розысковъ оставались по большей части неизвѣстными не только для заподозрѣнныхъ и обвиняемыхъ лицъ, но и для самихъ органовъ правительства (не исключая генералъ-губернаторовъ, попечителей и т. п.), т. е. всѣхъ, кромѣ департамента полиціи,—отозвалось самымъ пагубнымъ образомъ на всемъ строѣ университета. Неувѣренность въ личной безопасности, сознаніе, что ежеминутно—неизвѣстно по какому поводу и неизвѣстно откуда можетъ разразиться гроза, способствовали развитію нервности и крайней сенситивности студентовъ, усложнившей до послѣдней степени сношенія какой бы то ни было власти съ ними. Хотя подобное преслѣдованіе въ дѣйствительности обрушивалось обыкновенно только на меньшинство студентовъ, но оно всегда грозило всѣмъ и каждому, и поселяло въ массѣ то чувство безпокойства и опасенія, которое дѣлало ее наиболѣе воспріимчивою ко всякому волненію и развивало склонность видѣть притѣсненіе и произволъ даже тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было“.

«Примѣненіе „закона объ охранѣ“ стало все шире и шире. Тайный розыскъ, неизвѣстность мотивовъ, по которымъ та или другая мѣра принималась, разрѣшеніе дѣлъ и судьбы привлеченныхъ лицъ тайно отъ учрежденій, къ которымъ они принадлежатъ, наложеніе взысканій невѣдомо на какихъ основаніяхъ—все это стало примѣняться все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ ко всякому студенческому волненію, причемъ органы администраціи стали нерѣдко пользоваться этими волненіями, какъ поводомъ или предлогомъ для захвата и удаленія лицъ, гораздо раньше намѣченныхъ, совершенно независимо отъ участія ихъ въ безпорядкахъ, а

равно даже и въ такихъ случаяхъ, когда данное лицо въ дѣйствительности не участвовало и даже не могло участвовать въ безпорядкахъ (напр. при доказанномъ alibi), что встрѣчалось не разъ въ моей попечительской практикѣ.

Всѣ эти мѣры раздражали молодежь, которая не вѣрила, чтобы въ нихъ не участвовало учебное начальство; этимъ объясняется, отчасти, враждебное настроеніе по отношенію къ послѣднему и молодежи, и даже общества и окончательное дискредитированіе авторитета университетскихъ властей».

Отрицательныя стороны тайнаго розыска усиливались, по мнѣнію графа Капниста, еще тѣмъ, что административные органы, производящіе розыскъ, заинтересованные только обнаруженіемъ политическихъ замысловъ, оставались совершенно равнодушными къ интересамъ учебныхъ заведеній и потому обыкновенно скрываютъ даже отъ наиболѣе заинтересованнаго учебнаго начальства всѣ обстоятельства „дѣла“, пока оно „не назрѣетъ“ и „когда наступитъ необходимость уже не домашнихъ или предупредительныхъ мѣръ начальства, а вмѣшательства общихъ административныхъ властей и строгой кары уже собственно съ ихъ стороны“. „Такой образъ дѣйствій, говоритъ графъ Капнистъ, не разъ обнаруживался по отношенію къ Московскому университету во время моего пятнадцатилѣтняго попечительства, особенно же ярко обнаружился по дѣлу о московскомъ „союзномъ совѣтѣ“ землячествъ. Несмотря на явно вредный характеръ этого сообщества, какъ съ точки зрѣнія общеправительственной, такъ и особенно еще болѣе съ точки зрѣнія академической,—ни я, ни университетъ не получили никакихъ сообщеній относительно существованія и организаціи этой вредной для университета ассоціаціи. Между тѣмъ впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, администраціи и охранѣ было извѣстно не только существованіе союза и его организація, но и весь личный составъ его управленія, и притомъ несомнѣнно, что всѣ члены этого управленія дважды подвергались задержанію, но затѣмъ были освобождаемы безъ всякихъ послѣдствій и продолжали свою дѣятельность. Объ этомъ университетъ и узналъ только тогда,

когда союзъ дойдя до крайнихъ предѣловъ смѣлости и дерзости, самъ себя обнаружилъ, главнымъ образомъ подпольными своими изданіями, которыя смѣло и почти явно распространялись въ университетѣ и обществѣ".

Такимъ образомъ, по мнѣнію бывшаго Московскаго попечителя, примѣненіе къ университетскимъ дѣламъ порядка объ охранѣ толкаетъ учащуюся молодежь „на нелегальную дѣятельность и, затѣмъ, губя множество людей не только безъ всякой пользы для кого бы то ни было (развѣ для агентовъ розыска), но съ явнымъ вредомъ для правительства, вѣру въ силу и достоинства коего оно подрываетъ въ глазахъ всего общества".

Итакъ, почти всѣ авторы (кромѣ Н. И. Пирогова, и отчасти графа Капниста), на которыхъ мы ссылались, какого бы „направленія" они ни были, единогласно утверждаютъ, что студенческія волненія—не политическія, но что они зависятъ отъ самостоятельныхъ внутреннихъ причинъ и отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ. Относительно внѣшнихъ причинъ мы встрѣчаемъ большее разногласіе: нѣкоторые авторы, какъ Георгіевскій, Гиляровъ—Платоновъ и Любимовъ считаютъ причиной студенческихъ безпорядковъ—недостаточную выдержанность репрессивныхъ мѣръ и политическую распущенность профессорскихъ коллегій, другіе—Клосовскій, гр. Капнистъ, Пироговъ внѣшней причиной этихъ безпорядковъ признаютъ, какъ разъ наоборотъ, излишнюю строгость и исключительность административныхъ репрессій.

Намъ кажется, что такъ какъ въ строгости и репрессіяхъ идти далѣе некуда, то нужно склониться ко второй точкѣ зрѣнія. Во всякомъ случаѣ раціональными опытами (а производить ихъ будутъ, несомнѣнно, еще достаточно) нужно признать только опыты, направленные въ сторону совершеннаго уничтоженія административныхъ репрессій, какъ въ силу высказанныхъ уже упомянутыми выше авторами соображеній, такъ и просто потому, что подобныхъ опытовъ до сихъ поръ не дѣлалось.

Внутренними причинами студенческихъ волненій—проф. Клоссовскій считаетъ избытокъ энергіи въ молодыхъ людяхъ, такъ сказать, рвущійся наружу, жаждущій проявиться и про-

являющійся у нѣмецкихъ студентовъ въ дебошахъ и дуэляхъ, а у насъ—въ волненіяхъ, а гр. Капнистъ—въ ложномъ представленіи студенчества, что оно „сила", съ которой правительство должно считаться. „Студентъ пока только еще гражданинъ академіи (akademischer Bürger) и только готовится стать въ будущемъ гражданиномъ государства (Staats Bürger). Для этого онъ учится, къ этой цѣли должны быть направлены всѣ его помыслы. Безцѣльно было бы поэтому требовать, чтобы студенты не интересовались и не волновались всяческими вопросами, которые волнуютъ общество и которыми поглощены ихъ отцы, братья и вообще всѣ взрослые люди, стоящіе, такъ сказать, уже у дѣлъ. Молодые люди, которые оставались бы ко всему этому совершенно равнодушны, были бы не молодые люди, а преждевременные старцы, которые никогда и въ будущемъ никому и ничему не принесутъ пользы, и менѣе всего государству" [1]).

Но не быть равнодушнымъ и даже волноваться, по мнѣнію гр. Капниста, не значитъ еще принимать въ рѣшеніи этихъ вопросовъ активное участіе. Здѣсь гр. Капнистъ ссылается на нѣмецкаго проф. Циглера, который нѣмецкимъ студентамъ по отношенію къ соціальному вопросу совѣтуетъ только „интересоваться" и оріентироваться въ немъ, такъ какъ занять окончательно позицію и начать дѣйствовать было бы, какъ и въ политикѣ, такъ и здѣсь, для студента слишкомъ преждевременнымъ: въ студентѣ все должно быть только въ движеніи, т. е. въ фазисѣ развитія, и поддерживаться въ одномъ движеніи; а потому ему вовсе не надлежитъ примыкать къ какой нибудь партіи и стать партійнымъ человѣкомъ.

Русскій же студентъ, прибавляетъ графъ Капнистъ къ этимъ словамъ проф. Циглера, „чуть ли не съ перваго курса, когда онъ еще ничего не пріобрѣлъ, готовъ по всякому поводу затратить зря и безъ пользы всѣ свои силы и энергію на дѣло, котораго онъ еще хорошенько не понялъ, и воображать себѣ, что съ минуты, когда онъ впервые престу-

---

[1]) Гр. Капнистъ В. Е. 1803. Дек. стр. 512.

пилъ порогъ университета, онъ уже безъ дальнѣйшей подготовки, труда и работы, готовъ и призванъ руководить обществомъ и чуть ли не управлять государствомъ. Этимъ легкомысліемъ, поспѣшностью и отсутствіемъ выдержки въ подготовкѣ объясняется главнымъ образомъ та неустойчивость, которою отличается наша учащаяся молодежь, и легкость, съ которой она нарушаетъ строй того заведенія, къ которому принадлежитъ и которое даетъ ей столько благъ и преимуществъ, какъ нравственныхъ такъ и житейскихъ".

Здѣсь мы хотимъ обратить вниманіе на слѣдующее.

Врядъ ли на громадное большинство нѣмецкихъ студентовъ совѣтъ проф. Циглера можетъ оказать какое нибудь вліяніе, такъ какъ преобладающая масса ихъ уже, вѣроятно, до поступленія въ высшее учебное заведеніе прекрасно оріентировано и относительно соціальнаго вопроса и относительно политики, они знаютъ какую позицію они займутъ здѣсь и, конечно, университетъ не сдѣлаетъ ихъ соціалъ-демократами и анархистами. Если бы масса германскаго студенчества приняла бы, или лучше сказать, была бы въ силахъ принять совѣтъ проф. Циглера, еслибъ она смогла бы оторваться отъ уже вполнѣ опредѣленной рожденіемъ и средой „оріентированности" по этимъ вопросамъ, то нѣмецкіе студенты, пожалуй, во многомъ стали бы походить на русскихъ, и спокойствіе университетской жизни нарушалось бы у нихъ куда чаще, чѣмъ теперь. Можно даже утверждать совершенно противоположное тому, что утверждаетъ графъ Капнистъ: въ западноевропейскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не наблюдается *такихъ* волненій, какъ у насъ, такъ какъ западноевропейскіе студенты, въ громадной массѣ „оріентированы" вполнѣ опредѣленно по отношенію и къ соціальнымъ и къ политическимъ вопросамъ: они являются отраженіемъ ярко проведенной „оріентировки" въ государствѣ—классовой, и такъ какъ въ большинствѣ случаевъ въ западноевропейскихъ университетахъ учатся дѣти зажиточныхъ людей, то и оріентировка эта имѣетъ опредѣленное направленіе: университетская молодежь тамъ—представители интересовъ прошлаго.

И на Западѣ, конечно, происходятъ студенческіе безпо-

рядки, вспомните хотя бы недавнія битвы въ Вѣнѣ и въ Прагѣ и демонстраціи во время процесса Дрейфуса, но большинство студентовъ отстаиваютъ во время этихъ безпорядковъ „идеалы" прошлаго, въ лучшемъ случаѣ національные, въ худшемъ—националистическіе. Ясно, что „идеалы" прошлаго рѣдко подвергаются прямой, непосредственной опасности, и отстаивать ихъ приходится поэтому еще рѣже; да и самый характеръ этихъ идеаловъ таковъ, что за нихъ бьются и мужи, и старцы, и самая „битва" не требуетъ такого энтузіазма и такихъ жертвъ, чтобы на нее была бы способна лишь молодежь, владѣющая „избыткомъ энергіи": въ національныхъ и націоналистическихъ демонстраціяхъ принимаетъ участіе не только учащаяся молодежь.

Графъ Капнистъ, полемизируя съ тѣми, кто „утверждаетъ, будто всѣ перевороты 1848 года (особенно въ Германіи) совершены преимущественно студентами", говоритъ: „дѣйствительно, университеты, особенно въ Германіи, играли въ теченіе всего XIX-го столѣтія выдающуюся роль во всѣхъ соціальныхъ и политическихъ движеніяхъ, но вовсе не тѣмъ, что студенчество вообще или отдѣльныя лица изъ его среды примыкали къ нимъ. Эта ролъ университетовъ въ политической жизни Германіи всегда была минимальная". Университеты въ началѣ и срединѣ XIX вѣка имѣли громадное значеніе, какъ очаги развитія и разработки идей: „.... въ теченіе всего XIX вѣка весь культурный міръ жилъ, да и теперь до извѣстной степени живетъ, идеями конца XVIII вѣка, хотя самая эта эпоха давно миновала и непосредственно вызванные ею перевороты давно пережиты, и не ими теперь живетъ міръ, а именно идеями, которыя эти перевороты знаменовали. Въ Германіи это значеніе развитія идей и разработки ихъ было едва-ли не сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Вся жизнь Германіи болѣе ста лѣтъ проникнута и подчинена развившимся въ эту эпоху идеямъ. Самое объединеніе Германіи и возникновеніе могущественнѣйшей имперіи является продуктомъ идейной работы германскаго народа. И вотъ въ этомъ отношеніи, т. е. въ идейномъ, германскіе университеты дѣйствительно первенствуютъ. Въ нихъ возникли, развились и

созрѣли идеи (не исключая и идеи о національномъ единствѣ и о единомъ германскомъ государствѣ), которыя воодушевили Германію и создали ея силу и могущество. Заслуга германскихъ университетовъ заключается именно въ томъ, что они явились вполнѣ выразителями народныхъ стремленій и идеаловъ и развили и укрѣпили эти идеалы. Но эта работа совершена, разумѣется, не учащимся юношествомъ; правда, оно всегда было чутко ко всѣмъ этимъ движеніямъ мысли и, примыкая къ нимъ, увеличивало массу ихъ адептовъ и являлось могущественнымъ проводникомъ ихъ далеко за предѣлами университета. Но никогда германская учащаяся молодежь не присвоивала себѣ первенствующей и активной роли въ этой общегерманской работѣ; она всегда сознавала, что пока она на школьной (хотя бы и университетской) скамьѣ, для активнаго дѣла и для руководящей роли въ обществѣ и государствѣ еще не наступила ея минута, и что ей нужно умственно работать, т. е. учиться и пользоваться тѣмъ, что ей даетъ университетъ, дабы быть готовою во всеоружіи знанія и опыта (хотя бы и теоретическаго), когда очередь дойдетъ до нея".

Мы не намѣрены здѣсь спорить съ „идеологіей" графа Капниста, станемъ на точку зрѣнія его философіи исторіи; но все же мы должны спросить его: кто же и когда говорилъ или думалъ, что Бастилія взята интеллигенціей, а революціи 48 года дѣлались студентами?! Ужъ очень легко было бы дѣлать тогда революціи и брать бастиліи. Графъ выбралъ себѣ фиктивнаго, или во всякомъ случаѣ, слабаго врага. Конечно, университеты въ Германіи играли роль только очаговъ идей, и, конечно, эти идеи вырабатывались и обрабатывались не студентами, послѣдніе являлись „лишь могущественными проводниками этихъ идей далеко за предѣлами университета". Гдѣ же было иначе? Все это элементарная правда,—но за то историческая неправда, что западно-европейскіе (въ томъ числѣ и германскіе) студенты въ 40-ые года не играли „активной роли", а ждали на своихъ скамьяхъ, „когда очередь дойдетъ до нихъ". Еслибъ гр. Капнистъ сказалъ бы это про большинство теперешнихъ нѣмецкихъ сту-

дентовъ, то мы не спорили бы: они дѣйствительно, откладываютъ „активную“ дѣятельность до окончанія курса, когда одинъ станетъ завѣдывать отцовскимъ пивоваренным заводомъ, другой пойдетъ въ гвардейскіе юнкера, третій намѣтилъ уже себѣ всѣ этапы медицинской карьеры.

Не можемъ также не указать на нѣкоторую неясность мысли въ слѣдующихъ разсужденіяхъ графа Капниста. Во первыхъ онъ утверждаетъ, что мы еще до сихъ поръ живемъ идеями, „создавшими“ великую французскую революцію, затѣмъ, что „идеи возникли, развились и созрѣли въ германскихъ университетахъ“, и наконецъ, оказывается, что университеты явились лишь „выразителями народныхъ стремленій и идеаловъ и развили и укрѣпили эти идеалы“.

Гдѣ же въ концѣ концовъ „корень“? Зачѣмъ понадобились графу эти маленькія противорѣчія? Не для того ли, чтобы неясно выразить слѣдующую ясную мысль. Идеи и идеалы германскихъ университетовъ, и вообще внѣ классовой интеллигенціи, стоявшія въ прямомъ родствѣ съ идеями французской революціи, нашли нѣкоторую поддержку въ интересахъ и страстяхъ небольшой части буржуазіи и пролетаріата, но они далеко не „выражали стремленій“ большей части народа, и отчасти поэтому революція 48-го года не удалась. Затѣмъ, впослѣдствіи, одинъ изъ идеаловъ, выставленныхъ революціонерами 48-го года—національное единство, былъ осуществленъ, благодаря стеченію многихъ „счастливыхъ“ обстоятельствъ, Бисмаркомъ. Но развѣ идеалы франкфуртскаго парламента и вообще дѣятелей 48-го года были тѣ же, что и у „желѣзнаго канцлера“?!

Не въ томъ заслуги германскихъ университетовъ, что они культивировали, между прочимъ, и сознаніе германскаго національнаго единства, что помогло Бисмарку сковать Германскую Имперію,—а въ томъ, что идеалы интеллигенціи первой половины XIX вѣка были высокіе и общечеловѣческіе, и нѣмецкіе университеты сыграли большую роль въ развитіи и распространеніи этихъ идеаловъ. Они не осуществились, и сотни тысячъ энтузіастовъ и идеалистовъ погибли, и европейская жизнь надолго и сильно потускнѣла. Развѣ осуществляется и выживаетъ самое лучшее и красивое?!

Мы вмѣстѣ бы съ графомъ Капнистомъ возрадовались, еслибъ наши университеты играли бы ту же роль, что и германскіе въ первой, до Бисмарковской половины XIX-го вѣка, еслибъ они культивировали въ юношествѣ высокіе идеалы. Но развѣ это мы видимъ?

Вотъ что писалъ Н. И. Пироговъ въ 1862 году [1]). „Сильной нравственной связи между коллегіею профессоровъ и студентами у насъ почти никогда не было. Замѣчалось иногда частное вліяніе даровитыхъ личностей. Преданіе не соединяло цѣлыхъ поколѣній съ университетомъ, какъ въ Германіи, Англіи и у насъ—въ Дерптѣ. Настоящей университетской жизни также никогда не существовало.

Счастливыя воспоминанія объ „alma mater“ не передавались изъ рода въ родъ. Итакъ, трудно вѣрить, чтобы новый порядокъ вещей, и при автономіи университета, скоро укрѣпилъ связь коллегіи со студенчествомъ. А до тѣхъ поръ нельзя и мечтать о воспитательномъ значеніи университета, которое только и держится этою связью“.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ и связь студентовъ съ профессорской коллегіей не только не усилилась, а совершенно расшаталась; часто теперь студенты и профессора—такіе же два враждебные лагеря, какъ гимназисты и учителя.

Приведемъ одно мѣсто изъ много нашумѣвшей книги студента Бориса Гегидзе [2]). Слишкомъ „субъективному“ г. Гегидзе въ общемъ нельзя довѣрять, но приводимое нами мѣсто—„документъ“ и здѣсь авторъ „набросковъ студенческой жизни“ поневолѣ объективенъ.

„Вы читали письмо нашихъ студентовъ, выпущенное въ прошломъ году?—говоритъ Долговъ, садясь на кресло и вынимая изъ кармана какую то бумажку.

—Читалъ... а что?

—Вотъ тутъ одни слова очень характерны для характеристики нашихъ отношеній къ профессорамъ. Слушайте...

—„Не смѣйте позорить насъ своей дружбой, говоритъ

---

[1]) L. c. стр. 213.

[2]) „Наброски студенческой жизни“. Изд. 2-ое стр. 63.

Долговъ, читая слегка дрожащимъ голосомъ,—Вы наши враги а презирать васъ нашъ долгъ".

—Да здорово продернули,—говорю я.

—А вотъ еще послушайте такой же Московскій отвѣтъ,—продолжаетъ Долговъ, вынимая и читая другую бумажку.

—„Мы, слушатели высшихъ курсовъ, чужды вамъ по духу и стремленіямъ" и такъ далѣе, говорилъ онъ, переворачивая бумажку,—а вотъ еще характерное мѣстечко: „Поймите, что ни ваши знаніи, ни вашъ опытъ, ни ваши годы не могутъ заставить насъ прислушиваться къ словамъ вашимъ, такъ какъ въ нихъ сквозитъ такое фарисейское отношеніе къ духовнымъ запросамъ жизни человѣка, такія фальшивыя ноты, такая грубая нескромность, что намъ хотѣлось бы, чтобы вы насъ лучше ненавидѣли, чѣмъ любили".

—Хорошо сказано!—говорю я.

—Послушайте дальше:

„Вашъ путь есть путь лжи. Всѣ эти заигриванья съ истиной совершаютъ люди, которые должны имѣть тѣсную связь съ нами. Всѣ строки вашего воззванія куплены дорогой цѣною позорнаго отреченія отъ духовнаго сродства съ нами" и такъ далѣе,—говоритъ Долговъ, складывая бумагу.—Да, сущая правда. Можно подписаться. И то же самое въ обращеніи Кіевлянъ. Вездѣ одно и то же.".

Конечно, эти обращенія къ профессорамъ не есть выраженіе мыслей и чувствъ всего студенчества, но характерно, что два студента, разговоръ которыхъ мы только что привели, далеко не „радикально-настроенные" студенты, они, по собственному ихъ признанію—прожигатели жизни, частые посѣтители Аркадіи, Ливадіи, Акваріумовъ, а также и заведеній болѣе опредѣленнаго назначенія, но и они согласны съ этими письмами. Видимо, все же такое отрицательное отношеніе къ профессорской коллегіи явленіе, хотя и не всеобщее, но довольно таки распространенное.

Мы не станемъ здѣсь разбираться въ сложномъ вопросѣ причинъ такого явленія, это не входитъ въ нашу задачу, но одно ясно, что о какомъ уже тутъ нравственномъ воздѣйствіи говорить можно, и какіе идеалы можетъ взростить такая

университетская жизнь. Немудрено, что къ нашимъ студентамъ „идеалы" проникаютъ извнѣ, и университетъ тутъ, конечно, не причемъ.

Слѣдовательно, если „идеалы" эти оказываются не свѣтильниками истины, а ухищреніемъ князя тьмы, то опять таки въ этомъ виноватъ отнюдь не университетъ, а тѣмъ болѣе невинна профессорская коллегія. Да историческая справка и показала намъ, что хоть двадцать—двадцать пять лѣтъ тому назадъ начальство, казалось, имѣло какія то основанія заподозрѣть профессоровъ въ злокозненности и обрушилось на нихъ, лишивъ ихъ пресловутой „автономіи", хотя по увѣренію министра Делянова младшее поколѣніе профессоровъ и начало исправляться уже черезъ 4 года послѣ реформы,—но прошло еще 15 лѣтъ, а студенческія волненія не только не прекратились, но даже усилились.—Видимо, не въ профессорской автономіи дѣло, и разъ она представляется столь необходимой для университетскихъ дѣятелей, то дать ее правительству нисколько не опасно;—только нельзя думать, что университетскіе безпорядки отъ этого прекратятся. Хотя такая автономія и будетъ рѣзать глаза многимъ сторонникамъ политическаго однообразія, какъ рѣзала глазъ финляндская конституція, но русскіе профессора прошли такую хорошую историческую школу, а кромѣ того подвергаются такому всестороннему предварительному искусу, что, конечно, они употребятъ всѣ усилія, чтобы такая государственная аномалія не очень бросалась бы въ глаза и не вызывала негодующихъ криковъ о несправедливости и нарушеніи устоевъ.

Повторяемъ, что, по нашему мнѣнію, университетская автономія не спасетъ университеты объ безпорядковъ, такъ какъ не въ силахъ уничтожить причины, обусловливающія студенческія волненія. Но автономія гарантируетъ лучшій составъ профессоровъ, большую научность и свободу преподаванія, независимаго отъ административныхъ предписаній и программъ, и потому, внѣ всякаго сомнѣнія, она желательна. Наиболѣе широкую программу автономіи университета, непосредственно подчиненнаго только министру Народнаго Просвѣщенія, предлагаетъ проф. Вернадскій. Совѣтъ выбираетъ и ректора,

и декана и профессоровъ. Инспекція уничтожается; надзоръ за порядкомъ долженъ быть предоставленъ выборному изъ профессоровъ проректору, университетскому суду и студенческой корпораціи. Плата за слушаніе лекцій должна быть понижена и студенты должны получить право свободнаго посѣщенія всѣхъ лекцій. Доступъ въ университетъ долженъ быть расширенъ, но университетамъ предоставлено право ставить свои требованія для пріема. Широкое допущеніе постороннихъ слушателей крайне важно. Университетъ не долженъ давать никакихъ правъ и даетъ только ученую степень (кандидата, магистра, доктора). Государственный экзаменъ стоитъ внѣ университета. Должна быть разрѣшена студенческая корпорація. Участіе въ ней студента должно быть его правомъ и его обязанностью (но почему же *должно?*). И, конечно, средства университета, а равно и содержаніе профессоровъ увеличено, согласно требованіямъ современной жизни.

Нѣсколько иную программы реформъ предлагаетъ графъ Капнистъ. Онъ слѣдующимъ образомъ мотивируетъ необходимость студенческой организаціи: „Бороться съ тайной организаціей (студенчества) можно только, давъ спокойному и лучшему большинству студентовъ средства противопоставить тайной организаціи—легальную, т. е. разрѣшить студентамъ устраивать общества, не ограниченныя какимъ нубудь „нормальнымъ уставомъ“, а „сообразно съ разнообразными потребностями и стремленіями самихъ студентовъ, лишь бы цѣль и способъ дѣйствій этихъ обществъ были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признаны не противозаконными и не противоуниверситетскими“. Графъ Капнистъ убѣжденъ, что такія общества создадутъ „ядро студенчества“, „которое, опираясь на авторитетъ университета и дорожа своимъ легальнымъ существованіемъ, будетъ само заинтересовано, болѣ чѣмъ кто либо въ охранѣ порядка и спокойствія въ университетѣ“, „а въ тревожныя времена“ къ этому ядру примкнетъ все, что есть лучшаго и здороваго въ университетѣ....“

Какъ читатель помнитъ Гиляровъ-Платоновъ еще въ 1881 году предлагалъ въ этихъ же самыхъ видахъ введеніе кру-

говой поруки среди студенчества, чтобы съорганизовавъ овецъ бороться съ козлищами. Мысль, безъ сомнѣнія, геніальная и въ настоящее время мы видимъ уже осуществленіе ея въ жизни: подобныя организаціи не только возникли, но и ведутъ активную борьбу съ другими студентами, имѣющими, по ихъ мнѣнію, несомнѣнные признаки козлищъ. Борьба, говорятъ, часто доходитъ до кулачнаго боя.

Это было бы прекрасно и въ сильной степени способствовало бы развитію національнаго духа,—но я боюсь, что нѣкоторые заподозрятъ въ этихъ бояхъ вліяніе западно-европейскаго парламентаризма.

Во всякомъ случаѣ, такія организаціи являются, по нашему мнѣнію, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ студенческими безпорядками и волненіями и для искорененія „политики", если не изъ сердецъ всѣхъ козлищъ, то изъ ихъ нестройныхъ криковъ и требованій. А это вѣдь все, что требуется.

Раньше, когда интересы матеріальнаго существованія не играли такого большаго значенія въ выработкѣ „идеаловъ" нашего студенчества, такого расчлененія трудно было достигнуть. Теперь, когда времена измѣнились, и у насъ, съ Божьей помощью, классы складываются—возможна такая организація студенчества, которая если не окончательно, то все же въ значительной мѣрѣ ослабитъ студенческія волненія.

Университетъ—барометръ общества,—а общество наше помаленьку раскалывается, и на студенчествѣ это виднѣе, рѣзче всего и опредѣленнѣе.

„И отыдутъ сотворшая благая въ воскрешеніе живота, а сотворшая злая въ воскрешеніе суда".

В. Агафоновъ.

НОВЫЙ ПРОЕКТЪ УСТРОЙСТВА КРЕСТЬЯНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

(По поводу трудовъ редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ).

1.

Коммисія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ выработала проектъ „положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи“, который заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія какъ со стороны принципіальныхъ началъ, положенныхъ въ его основаніе, такъ и со стороны своихъ логическихъ построеній. Установивъ цѣлью своихъ трудовъ—пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ „сообразно съ измѣнившимися потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ“, коммисія выходитъ въ своихъ сужденіяхъ изъ выясненія недостатковъ существующаго крестьянскаго общественнаго строя. Въ числѣ этихъ недостатковъ прежде всего отмѣчается неправильная организація сельскихъ обществъ, которая, по мнѣнію коммисіи, проистекаетъ изъ того обстоятельства, что положеніе 19 февраля 1861 г. основало „весь административный строй сельскаго общественнаго управленія“ „на земельномъ хозяйственномъ принципѣ“ [1]). Въ виду этого сельскія общества, представляющія по преимуществу хозяйственные союзы, были облечены административными правами и обязанностями.

---

[1]) Труды редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Т. III, стр. 1—2.

Такимъ образомъ въ формѣ одного общественнаго союза законъ смѣшалъ два различныя понятія: земельную единицу, связующую группу крестьянъ общимъ земельнымъ надѣломъ, и единицу административную, объединяющую совмѣстно живущихъ крестьянъ общими интересами управленія и благоустройства. Такое смѣшеніе двухъ разнокачественныхъ единицъ въ составѣ одного сельскаго общества было допущено редакціонными коммисіями, какъ явленіе „случайное, по соображеніямъ времени“ [1]). Нынѣ же коммисія признаетъ „безусловно своевременнымъ и цѣлесообразнымъ“ расчленить двойственное по своему назначенію сельское общество на двѣ самостоятельныя организаціи—хозяйственную и административную, образовавъ съ этой цѣлью земельныя и сельскія общества. Общества эти предназначаются осуществлять соотвѣтственныя имъ категоріи интересовъ: земельное—интересы хозяйственные, вытекающіе изъ надѣльнаго землепользованія, а сельское—интересы административные, основанные на совмѣстной жизни, и направленные къ обезпеченію „правопорядка и внѣшняго благоустройства въ сельской жизни“ [2]). Необходимость такого обособленія разнородныхъ организацій доказана самой жизнью, которая расчленила фактически функцію сельскаго схода на двѣ различныя категоріи—хозяйственную и административную, выработавъ въ обходъ установленнаго закономъ единаго сельскаго схода еще селенный сходъ, какъ органъ земельной организаціи. Теперь остается санкціонировать силою закона явленіе, созданное самой жизнью. Необходимость раздѣльнаго осуществленія функцій сельскаго схода, по мнѣнію коммисіи, вызывается также развитіемъ въ крестьянской средѣ другихъ интересовъ, кромѣ надѣльныхъ, и появленіемъ въ составѣ крестьянскаго населенія значительнаго числа лицъ, владѣющихъ внѣ надѣльной землею, которыхъ необходимо ввести въ административную организацію сельскаго общества. Наконецъ, таже необходимость выясняется вслѣдствіе преобладающаго значенія въ глазахъ

---

[1]) Ibid., стр. 27.

[2]) Ibid., стр. 35—36.

крестьянъ исключительно интересовъ земельно-хозяйственнаго характера надъ всѣми другими. „Словомъ, интересы земельнаго общества затемнили интересы собственно сельскаго общества, а иногда свели ихъ на нѣтъ. Для того, чтобы выдвинуть ихъ и поставить на надлежащее мѣсто, необходимо прежде всего выдѣлить ихъ въ особую категорію".

Вотъ тѣ доводы, которые приводятъ коммисію къ заключенію о необходимости организовать особый союзъ для „сословнаго общественнаго объединенія крестьянъ" [1]). Всѣ эти доводы даютъ, однако, болѣе прочныя основанія для соображеній иного порядка и для заключеній другого содержанія.

Начать съ того, что редакціонныя коммисіи вовсе „не случайно", а роковымъ образомъ вынуждены были отступиться отъ вполнѣ обособленнаго, строго опредѣленнаго распредѣленія крестьянъ въ хозяйственные и административные союзы, такъ какъ для осуществленія разнообразныхъ организацій въ крестьянской общественной жизни совершенно не было фактическаго матеріала. Въ эпоху первичнаго строительства судебъ освобожденнаго русскаго народа организація крестьянъ въ земельно хозяйственные союзы не вызывала большихъ затрудненій, такъ какъ крестьянская жизнь заключала въ себѣ достаточно для этого данныхъ; устройство же союзовъ общественнаго характера породило массу недоразумѣній: трудна была задача—организовать безправныхъ дотолѣ людей въ роли общественныхъ дѣятелей.

Многіе комитеты даже вовсе не раздѣляли хозяйственной организаціи отъ административной, не усматривая для такого разграниченія достаточныхъ основаній въ жизни сельскаго населенія. Идею эту ясно формулировали многіе депутаты. Членъ редакціонныхъ коммисій Желтухинъ полагалъ, „что до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ сдѣлать раціональной административной единицы, лучше не учреждать ее вовсе и ограничиться устройствомъ правильной единицы административно-хозяйственной". По его убѣжденію, правильная организація сельскаго населенія въ общественныя группы пред-

[1]) Ibid., стр. 41—35.

ставлялось задачей будущаго. Тогда наступитъ, говоритъ онъ, совершенная необходимость соединить „сельскія общества въ общества болѣе крупныя, съ непремѣннымъ участіемъ въ нихъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій"; въ такомъ соединеніи представится тѣмъ большая надобность, что крестьяне „не достаточно сильны для того, чтобы развивать всѣ свои интересы и успѣшно заниматься дѣлами такъ называемыми „божьими", на которыя крестьяне, безъ содѣйствія лицъ образованнѣйшаго сословія, по большей части не способны" [1]). Такія мысли высказывались и раздѣлялись лучшими дѣятелями эпохи освобожденія. Неужели по истеченіи почти полувѣка въ русской жизни накопилось болѣе благопріятныхъ условій для укрѣпленія и развитія началъ сословности, чѣмъ ихъ было даже въ эпоху освобожденія крестьянъ? Неужели не въ предвзятой теоріи, а въ фактахъ дѣйствительной жизни, можно усмотрѣть показанія на то, что „своевременно и цѣлесообразно" озаботиться о всестороннемъ развитіи и укрѣпленіи сословнаго строя въ жизни сельскаго населенія?

Долгій и поучительный опытъ немолчно свидѣтельствуетъ, что сословная организація крестьянскихъ обществъ — совершенно мертвая форма для всѣхъ вопросовъ общественнаго хозяйства. Крестьянскія общества—сельскія и волостныя—въ качествѣ органовъ самоуправленія рѣшительно ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи для благоустройства сельской жизни. Всякому извѣстно, что все дѣло общественнаго хозяйства въ сельскихъ мѣстностяхъ развилось и сосредоточилось въ рукахъ не сословныхъ крестьянскихъ обществъ, а всесословнаго земства. Какія же данныя послѣ такого опыта могутъ убѣдить въ необходимости еще съ большей тщательностью организовать ту форму для крестьянской общественной дѣятельности, которая отвергнута жизнью? Коммисія ссылается, между прочимъ, на самообразованіе селенныхъ сходовъ, какъ на доказательство необходимости обособленной организаціи для сословнаго общественнаго объединенія крестьянъ. Но доказательство это, при бли-

[1]) А. Скребицкій, „Крестьянское дѣло". Т. I, стр. 344, 345.

жайшемъ его анализѣ, съ бо̀льшимъ успѣхомъ доказываетъ противоположную мысль. Вѣдь селенный сходъ выдѣлился изъ состава земельно-административнаго сельскаго схода въ качествѣ органа исключительно земельныхъ интересовъ. Такимъ образомъ крестьянская жизнь проложила себѣ самобытный путь въ направленіи земельной, а вовсе не административной организаціи, потребности въ которой она рѣшительно ничѣмъ не проявила. Чрезвычайно поучительно, что всякое сельское общество, какъ только его не объединяла крѣпкая связь земельныхъ интересовъ, всегда распадалось по этимъ интересамъ на отдѣльныя части, которыя фактически жили самостоятельной жизнью, сохраняя между собой лишь механическое единство, въ силу формальныхъ требованій закона. Между тѣмъ совсѣмъ не наблюдалось явленій обратнаго порядка, чтобы отдѣльныя общества, какъ бы близко они не отстояли другъ отъ друга, и какъ бы тѣсно не соприкасались ихъ общественные интересы, соединялись бы въ общій союзъ для осуществленія задачъ общественнаго хозяйства. Если въ сельской жизни изрѣдка случаются подобныя соединенія, то лишь по отдѣльнымъ вопросамъ, и обыкновенно подъ вліяніемъ сильныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Слишкомъ очевидно, образованіе въ крестьянской практикѣ селенныхъ сходовъ, свидѣтельствуя, что въ сословной крестьянской организаціи болѣе жизненное значеніе имѣютъ лишь земельные союзы, самымъ рѣшительнымъ образомъ подрываетъ мысль коммисіи образовать особый сословный союзъ для задачъ мѣстнаго самоуправленія. Такая организація имѣла бы вполнѣ искусственный характеръ, въ чемъ убѣждаютъ, между прочимъ, и доводы самой коммисіи, которая расчитываетъ этимъ путемъ освободить изъ подъ господства земельныхъ интересовъ подавленные интересы сословной общественности. Не распространяясь объ очевидныхъ послѣдстіяхъ такой задачи по существу, нельзя не видѣть въ ней очень искусственнаго пріема оживить начала, отвергнутыя народной жизнью. Нельзя не установить того очевиднаго факта, что въ крестьянской жизни общественные интересы подавлены не сопутствующими имъ интересами земельными, а сословностью общественной организаціи,

въ которой прозябаетъ земледѣльческій промыселъ, но глохнетъ всякая общественная инипіатива. Замыселъ коммисіи создать особую отъ интересовъ надѣльнаго землевладѣнія сословную организацію крестьянъ, съ цѣлью вдвинуть въ нее все проживающее въ селеніяхъ крестьянство, нынѣ еще не прикрѣпленное къ сельскимъ обществамъ, конечно, представляетъ извѣстныя удобства въ интересахъ центральнаго управленія, но совершенно не соотвѣтствуетъ выяснившимся потребностямъ сельской жизни.

А между тѣмъ въ оборотъ народной жизни все больше замѣшиваются и глубже проникаютъ общечеловѣческіе интересы, не находя себѣ выхода въ узкой сферѣ сословной организаціи. При такихъ условіяхъ уже сдѣлалось невозможнымъ удовлетворить общественные потребности сельской жизни сословными союзами. Такіе союзы, проектированные въ видѣ сельскихъ и волостныхъ обществъ, должны остаться по отношенію потребностей общественнаго хозяйства безсодержательной формой, такъ какъ они не властны создать ни сословной медицины, ни сословныхъ пожарныхъ трубъ и обозовъ, ни вообще какихъ-либо общеполезныхъ мѣропріятій сословнаго характера.

2.

По проекту коммисіи предположено установить для „общественнаго единенія“ крестьянъ земельныя, сельскія и волостныя общества (ст. 1).

Земельное общество состоитъ изъ крестьянъ, владѣющихъ совмѣстно всей или частью надѣльной земли, отведенной имъ по одному акту земельнаго устройства (ст. 3). Такимъ образомъ, земельное общество представляется спеціальной организаціей для надѣльныхъ крестьянъ, и всѣ владѣльцы внѣнадѣльной земли не входятъ въ ея составъ. Земельное общество можетъ подлежать раздѣлу какъ добровольному по взаимному соглашенію членовъ, такъ и принудительному по инипіативѣ земскаго начальника. Принудительный раздѣлъ производится въ административномъ порядкѣ и допускается по отношенію

многолюдныхъ обществъ (ст.ст. 12—19); такая мѣра мотивируется намѣреніемъ устроить наилучшую хозяйственную организацію въ тѣхъ случаяхъ, когда она не достигается путемъ добровольнаго соглашенія. Органомъ общественнаго управленія земельнаго общества является земельный сходъ, состоящій изъ всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ (ст. 26). Однако, предсѣдательствованіе на этомъ сходѣ, не смотря на его „частноправовую компетенцію", принадлежитъ представителю административной организаціи—сельскому старостѣ, которому предоставляется дискреціонное право—штрафовать за неявку на сходъ (ст.ст. 28, 37). Отсюда слѣдуетъ, что коммисія, хотя въ теоріи признала необходимость полнаго разъединенія хозяйственной и административной организаціи, тѣмъ не менѣе на практикѣ сохраняетъ между ними весьма прочное отношеніе подчиненности. Земельные союзы, не имѣя своихъ должностныхъ лицъ, по счастливому выраженію коммисіи, „могутъ пользоваться услугами сельской администраціи" [1]).

Вѣдѣнію земельнаго схода подлежатъ всѣ вопросы, вытекающіе изъ надѣльнаго землепользованія, среди которыхъ нашли себѣ мѣсто „покупки земли цѣлымъ обществомъ" и „временное устраненіе членовъ схода отъ участія наономъ". Вопросы эти вносятъ значительную несообразность въ компетенцію земельнаго схода. Земельное общество, по проекту коммисіи, служитъ исключительно для осуществленія хозяйственыхъ задачъ надѣльнаго землевладѣнія. Поэтому, казалось бы, земельное общество можетъ пріобрѣтать землю только на правѣ земельнаго землевладѣнія, такъ какъ внѣнадѣльная земля, по толкованію самой коммисіи, не входитъ въ сферу дѣятельности земельныхъ обществъ [2]). Такимъ образомъ, всякая купленная этимъ обществомъ земля должна зачисляться въ разрядъ надѣльной земли; для пріобрѣтенія же цѣлымъ земельнымъ обществомъ земли „вольной", какъ говорятъ крестьяне, не представляется юридической возможности. Затѣмъ право земельнаго схода устранять отдѣльнаго домохозяина отъ

---

[1]) Труды Ред. Коммисіи, т. II, стр. 95.

[2]) Труды Редакціонной Коммисіи, т. II, стр. 48.

участія въ обсужденіи дѣлъ, касающихся его имущественныхъ интересовъ, остается совершенно непонятымъ безъ предварительнаго ограниченія имущественныхъ правъ и при отсутствіи даже круговой поруки. Недоумѣнія по этому вопросу, къ сожалѣнію, не устраняются объясненіями коммисіи, которая въ этомъ отношеніи ссылается лишь на заключенія губернскихъ совѣщаній. А между тѣмъ указанныя заключенія, во-первыхъ, относятся ко времени дѣйствія круговой поруки, а во-вторыхъ, точно и опредѣленно устанавливаютъ единственный по этому вопросу ясный фактъ, что крестьяне почти вовсе не пользуются правомъ временнаго устраненія домохозяевъ отъ участія въ сходахъ.

Кромѣ земельныхъ сходовъ коммисія предусматриваетъ еще, въ качествѣ также органовъ земельныхъ союзовъ, селенные сходы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составъ земельнаго общества входятъ селенія или ихъ части, владѣющія сообща не всѣми, а только нѣкоторыми надѣльными угодьями. Въ этомъ случаѣ всѣ дѣла, касающіяся угодій, состоящихъ въ раздѣльномъ пользованіи, подвѣдомственны селеннымъ сходамъ.

Другую категорію „общественнаго единенія" крестьянъ представляетъ, по проекту, сельское общество; „оно состоитъ изъ крестьянъ, проживающихъ въ чертѣ одного селенія и при томъ владѣющихъ землей или иной недвижимостью" въ предѣлахъ соотвѣтственной волости. Такимъ образомъ, въ основаніе этой организаціи, предназначенной „обслуживать разнообразные интересы крестьянъ, вытекающіе изъ совмѣстнаго ихъ жительства", положено „единство поселенія", ибо каждый поселокъ „независимо отъ его величины и поземельныхъ отношеній отдѣльныхъ его жителей, имѣетъ свои собственные интересы благоустройства и порядка" [1]). Не смотря на столь точное опредѣленіе понятія о сельскомъ обществѣ, понятіе это оказывается такъ шатко, что установленное во 2-й статьѣ проекта, категорически опровергается содержаніемъ ряда послѣдующихъ статей, начиная съ 5-й. Оказывается,

[1]) Ibid. стр. 45.

что въ одно сельское общество могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ соединяться нѣсколько селеній какъ добровольно, такъ и принудительно по инціативѣ земскаго начальника.

Такимъ образомъ, при практическомъ осуществленіи намѣченной организаціи сельскихъ обществъ, единство поселенія и вытекающихъ изъ него общественныхъ интересовъ исчезаетъ въ качествѣ основного признака, и на мѣсто его появляется въ концѣ концовъ удобство административнаго управленія.

Кореннымъ органомъ сельскаго общественнаго управленія является сельскій сходъ, въ составъ котораго входятъ достигшіе тридцатилѣтняго возроста какъ надѣльные крестьяне-домохозяева, такъ и крестьяне-владѣльцы внѣнадѣльнаго недвижимаго имущества. Вѣдомству сельскаго схода проектъ предоставляетъ тѣ же дѣла, какъ и дѣйствующій законъ, исключая предметовъ, отнесенныхъ къ вѣдѣнію земельныхъ сходовъ.

Совершенно новымъ полномочіемъ сельскаго схода является лишь предоставленное ему по проекту „составленіе обязательныхъ для членовъ сельскаго общества постановленій" о различныхъ мѣрахъ благоустройства и безопасности „на земляхъ сельскихъ обществъ". Такое расширеніе компетенціи сельскаго схода коммисія поясняетъ заботой обезпечить сельскому обществу возможность осуществлять путемъ составленія обязательныхъ правилъ возложенныя на него закономъ мѣропріятія по дѣламъ безопасности и благоустройства. Коммисія полагаетъ, что сельскія общества въ настоящее время только „вынужденно" бездѣйствуютъ въ этомъ направленіи, тогда какъ земскія учрежденія недостаточно пользуются предоставленнымъ имъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій. Между тѣмъ необходимость такихъ постановленій, по соображеніямъ коммисіи, сильно ощущается въ деревенской жизни, которая неблагоустроена „именно потому, что интересы этого благоустройства не защищены" обязательными требованіями [1]). Нисколько не раздѣляя надеждъ, что благоустройство сельской жизни можетъ быть достигнуто простымъ предъ-

---

[1]) Ibid. стр. 90.

явленіемъ соотвѣтственныхъ требованій, какъ бы обязательны они не были, все же нельзя, конечно, не признавать за установленіемъ обязательныхъ правилъ въ извѣстныхъ случаяхъ большого и благотворнаго практическаго значенія. Однако, такое значеніе имѣютъ обязательныя постановленія только тогда, когда вполнѣ обезпечены самая возможность и цѣлесообразность ихъ примѣненія. Вотъ почему, надо думать, земскія учрежденія съ большой осторожностью рѣшаются издавать обязательныя постановленія, хорошо понимая, что постановленіямъ этимъ должно предшествовать созданіе средствъ къ ихъ исполненію. Во всякомъ случаѣ весьма важное право изданія обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій должно имѣть соотвѣтственно серьезную постановку въ своемъ практическомъ примѣненіи.

Едва-ли можетъ получить правильную постановку смѣлый опытъ предоставленія такого права сельскому обществу. До сего времени сословныя учрежденія не имѣли подобнаго права, да и врядъ ли могутъ его имѣть по существу дѣла, пока сословія не разобщены по мѣсту жительства. Какое въ самомъ дѣлѣ можетъ имѣть серьезное значеніе право сельскаго общества издавать обязательныя постановленія, пока не будетъ воспрещено проживать въ селеніяхъ лицамъ, не входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ? Вѣдь всѣ постановленія сельскаго схода, напримѣръ, о воспрещеніи курить на улицѣ, пѣть пѣсни и играть на музыкальныхъ инструментахъ въ постные дни, нарушеніе которыхъ по проекту преслѣдуется въ качествѣ уголовнаго проступка, предусмотреннаго въ главѣ „о неповиновеніи властямъ“ [1]), будутъ, разумѣется, обязательны для всѣхъ членовъ общества; а между тѣмъ тутъ-же рядомъ живущій въ селеніи безземельный крестьянинъ, не говоря уже о лицахъ всѣхъ другихъ сословій, можетъ свободно и даже демонстративно пренебречь всѣми этими правилами. Но и кромѣ того, вообще возможно-ли въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ общественнаго благоустрой-

---

[1]) Труды Редак. Коммисіи, т. I, стр. 253; ст. 17, волостного устава о наказаніяхъ.

ства сельскихъ мѣстностей придавать сколько нибудь серьезное значеніе обязательнымъ правиламъ, исходящимъ отъ сословнаго органа крестьянской жизни, бѣдность и некультурность которой превыше всякихъ предписаній.

Установивъ законный составъ земельнаго и сельскаго сходовъ наличностью не менѣе половины всѣхъ его членовъ, проектъ въ то же время предусматриваетъ случаи, когда постановленія схода дѣйствительны во всякомъ его составѣ. Такъ, сходы, вторично созванные, во всякомъ составѣ признаются компетентными въ присутствіи земскаго начальника по особо перечисленнымъ дѣламъ, имѣющимъ въ текущей жизни болѣе спѣшный характеръ.

Наряду съ такими сходами сокращеннаго состава по нѣкоторымъ дѣламъ коммисія проектируетъ при извѣстныхъ условіяхъ полную замѣну общихъ сходовъ сходами выборныхъ по всѣмъ вопросамъ. Такая замѣна допускается въ многолюдныхъ обществахъ по ихъ желанію, а въ сельскомъ обществѣ сверхъ того и принудительно по распоряженію уѣзднаго съѣзда, основанному на усмотрѣніи земскаго начальника. Сходъ выборныхъ состоитъ изъ лицъ, избранныхъ обществомъ, если же общество откажется отъ избранія, то выборные назначаются властью земскаго начальника.

Такимъ образомъ, по сравненію съ дѣйствующимъ закономъ проектъ значительно усиливаетъ административное воздѣйствіе на главный органъ сельскаго общественнаго управленія— сельскій сходъ. Воздѣйствіе это можетъ достигать даже такихъ необычайныхъ проявленій, какъ назначеніе выборныхъ людей.

Высшей по сравненію съ сельскимъ обществомъ единицей крестьянскаго административнаго устройства является волостное общество, организація котораго по проекту представляетъ много любопытныхъ особенностей.

Согласно дѣйствующему закону сельскія общества сведены въ особыя группы подъ названіемъ волостныхъ обществъ, которыя представляются сословными административными единицами, причемъ волостное устройство не заключаетъ въ себѣ понятія обособленной волостной территоріи.

Между тѣмъ на практикѣ волость пріобрѣла всесторон-

нее первенствующее значеніе для всей мѣстной сельской жизни. Въ настоящее время волость рѣшительно для всѣхъ мѣстныхъ жителей и въ глазахъ всѣхъ властей и учрежденій представляетъ собою первичную и основную административную единицу. На практикѣ волость превратилась въ весьма опредѣленный обособленный районъ, границы котораго въ общемъ настолько установлены самою жизнью, что закону остается только учредить порядокъ для нанесенія ихъ на планъ. Рознь въ этомъ отношеніи надѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель окончательно утратилась, и всякій частный владѣлецъ, къ какому бы сословію онъ не принадлежалъ, долженъ знать, въ составъ какой волости входитъ его имѣніе. Къ этому его располагаютъ самые разнообразные имущественные интересы, защиту которыхъ онъ скорѣе всего можетъ найти въ волостныхъ учрежденіяхъ. Къ волостной администраціи и суду, въ виду ихъ близости и общедоступности, обыкновенно прибѣгаютъ проживающіе въ деревняхъ люди всѣхъ сословій. Мало того, даже при разныхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ по залогу имѣнія, застрахованію построекъ, полученію пожарнаго вознагражденія и пр. требуется обозначеніе волости, въ предѣлахъ которой состоитъ имущество. Точно также всѣ распоряженія, касающіяся разныхъ сторонъ сельской жизни, откуда бы они не исходили, неизмѣнно пріурочиваются къ волости, какъ опредѣленной территоріи. При такомъ фактическомъ положеніи дѣла нельзя не согласиться съ проектомъ коммисіи относительно необходимости прежде всего усвоить и въ законѣ за волостью значеніе территоріальнаго дѣленія уѣзда. Въ предѣлахъ такой территоріально объединенной волости проектъ развиваетъ свою своеобразную систему волостнаго устройства. Пользуясь расширеніемъ понятія волостного района, проектъ захватываетъ въ составъ волостного общества, кромѣ входящихъ въ него по закону сельскихъ обществъ надѣльныхъ крестьянъ, всѣхъ не только крестьянъ, но мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, владѣющихъ недвижимою собственностью въ предѣлахъ волости. Такимъ образомъ, волостныя общества являются „административно хозяйственными союзами сель-

скаго и нисшаго городского состоянія, которымъ ввѣряется завѣдываніе болѣе широкими интересами общественнаго хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго района уѣзда. Въ этомъ смыслѣ, волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи....“ [1]).

Волостное общество имѣетъ распорядительную власть въ лицѣ волостного схода, въ составъ котораго входятъ кромѣ должностныхъ лицъ выборные отъ сельскихъ обществъ и отъ лицъ, причисленныхъ къ волостному обществу, а также безъ выбора всѣ числящіяся въ составѣ сельскихъ и волостныхъ обществъ владѣльцы земли въ размѣрѣ, не менѣе установленнаго особымъ цензомъ. Размѣръ этого ценза, которымъ опредѣляется также количество выборныхъ на волостномъ сходѣ отъ указанныхъ группъ; закономъ не устанавливается ни въ абсолютной ни даже въ относительной величинѣ: онъ указывается по усмотрѣнію губернскаго присутствія не только для каждаго уѣзда, но, въ случаѣ надобности, и для отдѣльныхъ волостей. Устанавливая такой, казалось-бы, неустойчивый порядокъ разрѣшенія важнаго вопроса о цензовыхъ нормахъ, коммисія руководствовалась соображеніями о томъ, что „численный составъ общественныхъ собраній не долженъ выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ“. Компетенція волостнаго схода, оставленная во всемъ согласно дѣйствующему закону, расширена лишь предоставленіемъ ему учрежденія „домовъ призрѣнія“ и „мѣропріятій по сельскому хозяйству“, а также права „устанавливать особые сборы за пользованіе услугами волостныхъ учрежденій“.

Такова теорія проекта о волостной организаціи. Въ ней содержится прямое указаніе на обширный кругъ вѣдомства этой организаціи и даже замыселъ усвоить ей задачи земскаго хозяйства, но, къ сожалѣнію, не предусмотрѣно другого способа практическаго осуществленія широко намѣченной программы, кромѣ неослабнаго усмотрѣнія земскаго начальника.

---

[1]) Труды Ред. Коммисіи т. II, стр. 161, 162.

3.

Дѣйствующее законодательство о крестьянахъ возникло еще при отмѣнѣ крѣпостного права, и нынѣ руководимся имъ; новая жизнь уже выбилась изъ старыхъ формъ закона, и въ своемъ неудержимомъ теченіи несется мимо его статей, несется иногда безформенно и безпорядочно, какъ стихійная сила. Настала пора обновить обвѣтшалыя законодательныя нормы, дать правильный выходъ назрѣвшимъ потребностямъ народнаго тѣла и духа, оформить и оградить законные интересы сельскаго населенія—этой державы русской земли. Какъ бы несовершенны и тѣсны не были формы, дарованныя закономъ для крестьянской общественной жизни почти полвѣка назадъ, онѣ, надо помнить, даны были освобожденному народу для дальнѣйшаго жизненнаго развитія, какъ залогъ его „свободнаго труда“ и „блага общественнаго. Это само по себѣ указуетъ то направленіе, въ которомъ должно совершиться обновленіе крестьянской жизни ради общаго народнаго блага. Направленіе это указывается и самыми неотложными запросами сельской жизни. Въ сельской жизни прежде всего нѣтъ просвѣщенія и права, этихъ регуляторовъ всякой разумной человѣческой жизни; нѣтъ потому, что нѣтъ субъекта правъ, живой человѣческой личности, которая до сего вревремени еще коснѣетъ въ общей массѣ толпы. Земцы не могутъ не знать накипѣвшей нужды въ человѣкѣ съ присущимъ ему правовымъ строемъ жизни. Они видятъ эту вопіющую нужду на поляхъ за работой, гдѣ не хватаетъ умѣлыхъ и добросовѣстныхъ рукъ; въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ въ людскихъ отношеніяхъ не достаетъ человѣческаго обличья; въ залѣ своихъ засѣданій, гдѣ крестьянинъ усердно таитъ свой голосъ. Нельзя не знать, какъ въ деревнѣ неудержимо ростетъ личный строй жизни, какъ выдвигаются на первый планъ интересы личности въ прямой ущербъ матеріальныхъ благъ. Достаточно указать на семейные раздѣлы, которые со стихійною силою разрушаютъ благосостояніе народа. Въ дремлющей толпѣ народа уже проснулся чело-

вѣкъ; надо скорѣе воспитать и просвѣтить его, чтобы онъ подальше отошелъ отъ звѣря, котораго такъ много въ толпѣ, чтобы могъ умѣлыми руками добывать себѣ хлѣбъ, и просвѣтленнымъ сознаніемъ понимать святость правъ и непреклонность долга человѣческой личности. Нельзя правдиво утверждать, что народу надо только побольше земли: земля вся засорена невѣжествомъ и безправіемъ, какъ сорной травой, и пока не уничтожатся плевелы—урожая не будетъ. Тщетно отводить глаза отъ духовныхъ потребностей народа коркою хлѣба, и на ней одной строить народную долю.

Строй народной жизни необходимо созидать на болѣе прочныхъ устояхъ, чѣмъ голословныя утвержденія и предвзятыя теоріи. Строй этотъ долженъ быть расположенъ въ перспективѣ истинныхъ народныхъ потребностей, а не случайныхъ выгодъ его изъ центровъ. Правильная задача государственной дѣятельности въ томъ, чтобы хорошо устроить народную жизнь, а не въ томъ, чтобы легко ею управлять.

Многолѣтній опытъ крестьянскаго быта внятнымъ языкомъ непреложныхъ фактовъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ началахъ, которыя должны быть положены въ основу пересмотра законовъ о крестьянской общественной организаціи.

Подлинныя Редакціонныя Коммисіи послѣ долгихъ несогласій и колебаній пришли къ заключенію о необходимости соединить крестьянъ „по единству хозяйственныхъ интересовъ" въ сельскія общества, а общества эти свести въ волости для осуществленія задачъ управленія и суда [1]).

Именно такая общественная организація крестьянскаго населенія и была принята закономъ, по буквѣ котораго „крестьяне составили, по дѣламъ хозяйственнымъ, сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда соединены въ волости" (ст. 170 общ. пол.). Весьма назидателенъ опытъ этихъ крестьянскихъ общественныхъ организацій. Нельзя не видѣть, что наиболѣе естественную, а потому и прочную связь между сельскимъ населеніемъ образуютъ два факта—общность землепользованія и совмѣстная жизнь; оба эти факта

[1]) А. Скребицкій, „Крестьянское дѣло". Т. I, стр. 342.

были положены въ основанiе устройства сельскаго общества. Однако, факты эти до такой степени разнородны по своему соцiальному значенiю, что не могутъ одновременно создать единой общественной организацiи съ правильными функцiями. Они могли еще объединять населенiе при условiяхъ неподвижности первобытной общины, однородной по своему исключительно сословному составу. Съ развитiемъ же населенiя они все болѣе расходятся по своему значенiю, ибо жизнь образуетъ все новыя и сложныя потребности общежитiя за тѣсными предѣлами сословнаго землевладѣнiя.

Въ то время какъ властные интересы общаго землепользованiя неразрывно связуютъ лишь строго опредѣленный кругъ членовъ общества, интересы общежитiя объединяютъ свободной связью взаимныхъ выгодъ, всѣхъ людей, живущихъ сосѣдской жизнью. Очевидно, что начала эти не могли свободно развиваться въ одной общественной формѣ: одно получило исключительное развитiе, другое осталось въ связанномъ состоянiи.

Опытъ показалъ, что только земельные интересы могли сплотить сельское населенiе въ его общественно изолированномъ положенiи. Только земельныя организацiи проявили на практикѣ признаки жизнедѣятельности; задачи же общественнаго хозяйства для своего правильнаго развитiя не нашли себѣ мѣста и простора въ сословной организацiи крестьянской жизни.

Правильно отмѣтивъ этотъ фактъ, коммисiя, однако, не указавъ никакихъ къ тому основанiй, ставитъ его въ причинную связь съ недостаточнымъ числомъ общественныхъ формъ сословной организацiи. По ея мнѣнiю совершенно достаточно образовать вмѣсто одного общества сельскаго два— сельское и земельное, чтобы запросы крестьянской жизни получили разностороннее удовлетворенiе.

А между тѣмъ все указанное явленiе всецѣло объясняется исключительно сословностью крестьянскихъ организацiй, которыя, обходя всю болѣе активную и культурную часть сельскаго населенiя, вмѣщаютъ въ себя только наиболѣе невѣжественныхъ, пассивныхъ и малоправныхъ сельскихъ жите-

лей. Какъ же весь этотъ строго обособленный слабѣйшій элементъ сельскаго населенія можетъ самостоятельно развивать общественную дѣятельность, самое понятіе о которой въ немъ еще слабо развито.

Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянскаго строя жизнь наполнила дѣятельнымъ содержаніемъ земельные союзы крестьянъ, широко развила административныя функціи не только соотвѣтствующей имъ административной единицы—волости, но и единицы хозяйственной—сельскаго общества, и въ то же время совершенно отвергла пригодность для задачъ общественнаго хозяйства установленной закономъ сословной формы. Объ этомъ непреложно свидѣтельствуетъ сама жизнь своими бытовыми явленіями.

Всякому, даже случайному наблюдателю, извѣстно, въ какомъ направленіи идетъ дѣятельность сельскихъ и волостныхъ обществъ. Изъ всего огромнаго годового бюджета мірскихъ расходовъ этихъ обществъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, достигавшаго въ 1894 году до 62 милліоновъ рублей, болѣе 52% составляли расходы обязательныя и по управленію, тогда какъ непосредственные расходы на предметы общественнаго хозяйства не превышали 10,1%, считая въ этомъ числѣ 8,5% расходовъ на народное образованіе [1]), которое развивается главнымъ образомъ при содѣйствіи земскихъ учрежденій и на общеземскій счетъ: на этотъ предметъ земства несутъ въ десять разъ большій расходъ по сравненію съ крестьянскими обществами [2]). Если же откинуть расходы по народному образованію, то вся величина самостоятельныхъ расходовъ крестьянскихъ организацій на общественныя нужды окажется въ выразительной цифрѣ 1,6% къ общей расходной смѣтѣ. Такова напряженность общественныхъ интересовъ въ крестьянской сословной организаціи, и всѣ попытки къ дальнѣйшему усовершенствованію такого строя едва-ли возможно привести въ преемственную связь съ развитіемъ благоустройства сельской жизни. Путь для развитія народа въ этомъ

---

[1]) „Мірскіе доходы и расходы за 1894 годъ“ изд. Центр. стат. ком. стр. XV.

[2]) „Мірскіе расходы крестьянъ за 1881 годъ“ изд. Центр. стат. ком. стр. 28, 29.

направленіи ясно намѣченъ всѣмъ ходомъ русскаго общественнаго развитія. Крестьянское сословіе не проявило самостоятельныхъ интересовъ въ серьезномъ дѣлѣ устроительства сельской жизни: состояніе его культуры, весьма благопріятное для воздѣйствія болѣе образованныхъ классовъ, не вызываетъ, однако, еще общественной самодѣятельности. Но оно уже пріобщено, хотя далеко не въ надлежащей формѣ и силѣ, къ земской общественной дѣятельности, и всесословное земство на пути своего культивирующаго назначенія уже обставляетъ крестьянскую жизнь тѣми, еще очень незначительными, средствами общественнаго благоустройства, относительно которыхъ оказалась безсильною сословная крестьянская организація. Для развитія и осуществленія задачъ общественнаго хозяйства въ народной жизни мертвыя формы сословнаго крестьянскаго строя должны быть замѣнены живой всесословной земской дѣятельностью. Того требуетъ жизнь во имя народнаго блага. Изъ иныхъ соображеній выходитъ и иными средствами располагаетъ для достиженія той же, надо думать, цѣли общественнаго блага коммисія въ составленномъ ею проектѣ. Предполагается усовершенствовать существующую обособленность крестьянскаго сословія, увеличивъ количественно ея рессурсы. Кругъ этой сословной обособленности расширяется всѣми владѣльцами частной земельной собственности, принадлежащими къ крестьянскому и нисшему городскому сословіямъ; задачи сословной организаціи расширяются, пріобрѣтая характеръ земской дѣятельности. Таковы идеи. Производится нѣкая изоляція всѣхъ некультурныхъ элементовъ сельской жизни въ особую самобытную силу, для проявленія каждой созидается новое распредѣленіе старыхъ формъ крестьянской сословной жизни. При ближайшемъ разсмотрѣніи формы эти оказываются заполнены обязательнымъ содержаніемъ задачъ надѣльнаго землевладѣнія, переполнены административными обязанностями и не вмѣстительны для цѣлей общественнаго хозяйства. Таковы факты. Земельное общество представляетъ собою спеціальный союзъ надѣльныхъ крестьянъ, который при неотчуждаемости надѣльной земли является какъ бы вѣчнымъ, неподвижнымъ наслѣдіемъ

крѣпостного права. Очевидно, нѣтъ надобности говорить о его культурномъ значеніи для сельской жизни. Но и этотъ союзъ частно-хозяйственнаго характера не оставленъ обособленнымъ въ смыслѣ своей самостоятельности: поставленный подъ руководство сельскаго старосты онъ тѣсно примкнутъ къ общей административной организаціи всего крестьянскаго строя. Затѣмъ сельское и волостное общество представляютъ собою двѣ степени одной и той же исключительно-административной единицы. Хотя въ различныхъ мѣстахъ проекта союзы эти называются не только „административными", но также „общественно-административными", „административно-хозяйственными" и даже „публично-правовыми" [1]), но, не смотря ни на какія теоретическія опредѣленія, ихъ истинный характеръ въ практической постановкѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Весь кругъ ихъ вѣдомства не только по существу, но даже и по отдѣльнымъ предметамъ остается прежній. Не могутъ измѣнить дѣло вновь дарованное волостному сходу право учреждать „дома призрѣнія" и вѣдать „мѣропріятія по сельскому хозяйству", которое къ тому же, по самой идеѣ своей организаціи, не можетъ вѣдать волостное общество. Точно также новое право издавать обязательныя постановленія врядъ ли можетъ измѣнить старые порядки. Что же даетъ проектъ для сельской жизни. Онъ тщательно изолируетъ нисшія сословія отъ всякаго воздѣйствія болѣе развитыхъ классовъ общества и широко развиваетъ общественную сословную организацію въ административно-полицейскомъ направленіи. Онъ даетъ сельскому населенію организацію по идеѣ сословной культурности, а по исполненію—сословнаго управленія. Но возможно-ли заполнить всю народную жизнь одними мѣрами управленія? Возможно-ли это тѣмъ болѣе въ настоящее время культурнаго роста сельскаго населенія, когда пробуждающимся въ народѣ общественнымъ инстиктамъ долженъ быть своевременно предоставленъ правильно организованный выходъ для осуществленія основныхъ задачъ общежитія.

В. Вороновскій.

---

[1]) Труды Ред. Коммисіи, Т. II, стр. 57, 77, 85, 162.

СТРАХОВОЙ ДОГОВОРЪ ВЪ НОВѢЙШИХЪ ЗАКОНОПРОЕКТАХЪ.

....необходима свободная критика.....
институтовъ не только съ точки зрѣнія
ихъ конструкціи, но и съ точки зрѣнія
ихъ соціальной годности (Вѣстникъ Права,
1904, I, Отъ Редакціи).

Страховое право весьма мало разработано наукой и законодателями. Спеціальные законы и нормы обычнаго права, съ одной стороны, попытки уловить принципы въ многообразномъ хаосѣ отдѣльныхъ постановленій, съ другой,—вотъ картина страхового права. Кодификатору здѣсь два пути: или упорядочить по возможности существующія нормы и тѣмъ санкціонировать создавшіе ихъ интересы и ихъ тенденціи; или же очистить принципы права отъ наносныхъ элементовъ борьбы за выгоду, одухотворить нормы единой нравственной задачей и тѣмъ защитить интересы, совмѣстимые съ этой задачей.

Изъ трехъ новѣйшихъ попытокъ кодификаціи частнаго страховаго права по первому пути направился Русскій проектъ, по второму—Швейцарскій и—въ особенности—Германскій [1]).

---

[1]) Entwurf eines Gesetzes über den Versicherungsvertrag. Ausgestellt im Reichs-Justizamte. Amtliche Ausgabe. Berlin. 1903.

Entwurf zu einem Bundesgesetze über den Versicherungsvertrag. im Auftrage des Bundesrates ausgearbeitet von Prof. Roelli. Bern. 1896 (см. также Roelli въ Zeitschrift für die ges. Versicherungswissenschaft Bd. III, Heft. 4).

Гражданское Уложеніе. Книга пятая, томъ пятый, глава XX. Спб. 1899 г.

Для краткости мы будемъ ссылаться на проекты такъ: Г. П., Ш. П., Р. П.

На фонѣ двухъ другихъ Г. П. вырѣзывается своимъ единствомъ и опредѣленностью тенденцій. Правда, и онъ уклоняется отъ своего пути въ другую сторону подъ могучимъ вліяніемъ инерціи права и облеченныхъ властью интересовъ, но все же онъ одухотворенъ *принципами* страховаго права и опредѣленными соціальными цѣлями.

Интернаціональный характеръ страхового права естественно ведетъ къ сравнительному изученію всякой нормы этого права. Сравненіе нарождающихся, еще не застывшихъ въ законѣ, нормъ тѣмъ болѣе важно, что въ этой стадіи правообразованія мы ближе всего къ матеріи формъ права, къ вопросу о моральной ratio legis. Примѣняя законъ, юристъ сгибаетъ свою волю предъ единой тенденціей закона; при созданіи закона, этой равнодѣйствующей всѣхъ соціальныхъ силъ, онъ можетъ бороться за право, за созданіе такихъ нормъ, которыя не одной лишь силой закона, а и справедливостью своей потребуютъ своего примѣненія.

***



Изъ договора пожизненной ренты [1]), изъ цеховой организаціи для обезпеченія на случай пожара (Brandgilde) [2]), изъ потребностей и обычаевъ морской торговли развилось страховое право Германіи. Въ XVIII в., во время сильнаго вмѣшательства абсолютистскихъ государствъ въ экономическое развитіе странъ, издавались одинъ за другимъ и быстро исчезли разные регламенты, пока наконецъ въ земскомъ правѣ Пруссіи не была сдѣлана попытка кодификаціи частнаго страховаго права (Allgemeines Landrecht, Teil II, Titel 8, Abschnitt 13, §§ 1934_{59}). Этотъ законъ—поскольку онъ не измѣненъ постановленіями устава гражданскаго судопроизводства (Civilprocessordnung)—имѣетъ силу до сихъ поръ [3]). Но наряду съ нимъ, какъ наряду съ многочисленными законами страхованіи отъ огня (Ганноверъ, Баварія, Саксонія, Вюр-

---

[1]) Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft, 3 Aufl. s. 155.

[2]) Rellstab. Der Staat und das Versicherungswesen. Berlin. 1882, s. 6. Knebel-Doeberitz. Das Feuerversicherungswesen in Preussen. Berl. 1903, s. 1.

[3]) Knebel-Doeberitz, l. c., s. 35.

тембергъ и др. [1]), частное страховое право развивалось путемъ спеціальныхъ для каждаго страхового общества законовъ [2]). Однако, чѣмъ больше становилось число этихъ законовъ, тѣмъ ощутительнѣе становилась потребность единаго законодательнаго регулированія страхового права. И вотъ, въ Вюртембергскомъ (1839) и Прусскомъ (1859) проектахъ торговыхъ уложеній мы находимъ попытки такой кодификаціи; точно также въ Баварскомъ проектѣ гражданскаго уложенія (1861) и въ Дрезденскомъ проектѣ обще-германскаго обязательственного права (1866) сдѣланы шаги въ этомъ направленіи. Морское страховое право, впервые формулированное морской конференціей (Seekonferenz) [3]) въ Гамбургѣ (1859) [4]), вылившееся за тѣмъ въ Hamburger Allgemeine Seeversicherungsbedingungen (1867),—было раньше другихъ частей страхового права внесено въ законъ. Нюренбергская комиссія по выработкѣ проекта обще-германскаго торговаго уложенія, опираясь на работы Гамбургской конференціи, кодифицировала морское страховое право, и эта кодификація перешла безъ существенныхъ измѣненій въ новое торговое уложеніе Германіи (отъ 10 мая 1897 г.).

При разборѣ спорныхъ вопросовъ изъ другихъ частей страховаго права германскіе суды (какъ и нашъ сенатъ) искали въ морскомъ страховомъ правѣ руководящихъ принциповъ [5]). Этотъ ненормальный путь былъ единственнымъ, результаты его все болѣе подчеркивали необходимость кодификаціи всего частнаго страхового права.

Этого требовало и развитіе страхового дѣла. Многообразіе постановленій въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, особый

---

[1]) Г. П., Begründung, s. 47; Rellstab, l. c., s. 6sg.

[2]) Первый такой законъ былъ изданъ для „Berlinische Feuerversicherungsgesellschaft“ въ 1812 г. (Rellstab, 18).

[3]) Begründung Г. П. s. 45 именуетъ ее Seerechtskommission.

[4]) Veröffentlichungen des Deutschen Vereins für Versicherungswissenschaft, Heft. II (1904). Kritik des Gesetzentwurfes über den Versicherungsvertrag. Berichte und Debatten. s, 161.

[5]) Ср., напр., недавнее рѣшеніе Oberlandesgericht въ Stuttgart'ѣ, въ которомъ принципы морского страхованія перенесены на страхованіе отъ неуплаты по векселю (Kreditversicherung) (Berl. Tagebl. 1903. X. 25).

надзоръ въ нихъ, стѣсняли развитіе страхового дѣла. Но всѣ стремленія и усилія оставались безъ результата. Нюренбергская комиссія отказалась кодифицировать все частное страховое право, мотивируя свой отказъ трудностью матеріи („zu schwierig“); точно также общегерманское гражданское уложеніе отказалось отъ исполненія этой задачи, и партикуляризмъ отдѣльныхъ государствъ Германіи, задушенный, казалось, желѣзной рукой собирателя нѣмецкой земли, здѣсь восторжествовалъ: § 75 Einführungsgesetz предоставляетъ регулированіе страхового права отдѣльнымъ государствамъ.

Но коммисія Рейхстага для совѣщанія о проектѣ германскаго гражданскаго уложенія внесла резолюцію о необходимости кодификаціи нормъ страхового договора.

Рейхстагъ единодушно принялъ эту резолюцію [1]). Во исполненіе воли рейхстага, министръ юстиціи сообщилъ экспертамъ изъ страховщиковъ и страхователей основные принципы предполагавшагося проекта, и на основаніи ихъ замѣчаній былъ выработанъ къ маю 1903 г. Г. П. Насколько этотъ проектъ принялъ во вниманіе различные интересы, мы увидимъ ниже. Но прежде чѣмъ перейти къ отдѣльнымъ постановленіямъ Г. П., необходимо дать общую характеристику его.

I.

Ассоціація, какъ средство борьбы за свои экономическіе интересы, превосходно использована въ германскомъ народномъ хозяйствѣ. Страховыя общества давно поняли всю силу этого средства, и одинъ за другимъ создались Unfallversicherungsverband, Verband der Haftpflichtversicherungs-Actiengesellschaften, Verband der privaten Feuerversicherungsgesellschaften и т. д. и т. д.; взаимныя общества также объединились въ союзъ. Ассоціація связывала до сихъ поръ работавшихъ въ данной отрасли страхованія, но теперь готовится организація всѣхъ частныхъ страховыхъ обществъ въ одинъ союзъ для отстаиванія общихъ

---

[1]) Stenogr. Berichte der Verhandlungen des Reichstags, X Leigislaturperiode, II Session 1900—1901, Bd. III, s. 2429, Anlageband III s. 1785.

интересовъ [1]). Рядовой страхователь не можетъ создать въ противовѣсъ этимъ союзамъ свой союзъ; на это у него нѣтъ ни силъ, ни энергіи; но страхователи изъ крупныхъ и среднихъ капиталистовъ, заключающіе страхованія отъ огня, отъ отвѣтственности за увѣчья на ихъ фабрикахъ (Haftpflichtversicherung), отъ морскихъ опасностей,— создали Feurversicherungs-Schutzverband и Haftpflichtversicherungs-Schutzverband, составляютъ докладныя записки, издаютъ особые журналы, стараются всячески вырвать у страховыхъ обществъ льготы и удешевленіе премій. Торговыя палаты (Handelskammer) въ большинствѣ случаевъ идутъ за этими страхователями въ своихъ замѣчаніяхъ на Г. П. Родственны этой критикѣ, по тенденціямъ замѣчанія крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, объединившихся въ союзы. Обиліемъ разныхъ организацій такого рода объясняется обиліе замѣчаній о страхованіи *имуществъ* (Sachversicherung): страхованіе жизни не занимаетъ важнаго мѣста у купцовъ и фабрикантовъ, оно—для пролетарія, работающаго безъ капитала.

Въ лабиринтѣ предлагаемыхъ всѣми интересентами путей Г. П. имѣлъ путеводителя въ своей соціальной задачѣ: защитѣ слабаго. „Въ страховомъ договорѣ болѣе слабой стороной является страхователь“ [2]), и для защиты этой слабой стороны Г. П. прежде всего ограничиваетъ свободу договора между обществами и страхователями.

„При заключеніи договора, содержаніе котораго къ невыгодѣ страхователя безъ достаточнаго основанія уклоняется отъ опредѣленныхъ постановленій закона, самъ страхователь очень часто не въ состояніи противостать такого рода уклоненіямъ. Принимая это во вниманіе, проектъ сообщилъ своимъ постановленіямъ обязательную силу (zwingende Kraft) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это казалось необходимымъ для защиты особенно важныхъ интересовъ страхователя“ [3]). Принципъ обязательности нѣкоторыхъ постановленій находится уже въ Ш. П., гдѣ и про-

---

[1]) Norddeutsche Versicherungszeitung. 1904, № 7.

[2]) Begründung, 50.

[3]) Ibid.

ведено въ текстѣ различіе между безусловно обязательностью (zwingend Schlechthin) и запрещеніемъ уклоненія къ невыгодѣ страхователя. Г. П. указываетъ на свою „сдержанность въ этомъ отношеніи, оправдываемую существующими условіями" [1]), но все же даетъ обязательную силу цѣлому ряду постановленій [2]). Нормы, ограничивающія свободу договора, теряютъ свою обязательную силу при страхованіи транспортномъ, кредита, отъ потерь на курсѣ (Versicherung gegen Kursverluste) и перестрахованіи (§ 177): здѣсь страхователь такой же купецъ, какъ и страховщикъ, и въ состояніи бороться за свои интересы [3]). При личномъ же страхованіи и въ большинствѣ случаевъ страхованія отъ огня страхователь безсиленъ предъ синдикатами страховыхъ обществъ, выростающими ежедневно.

Эти постановленія, дающія дѣйствительную, а не только иллюзорную защиту слабѣйшему, вызвали горячее сочувствіе страхователей и цѣлую бурю въ лагерѣ страховщиковъ. Цѣлый рядъ Торговыхъ Палатъ (Handelskammer) [4]), „Союзъ для защиты страхующихся отъ огня" [5]), „Центральный союзъ германскихъ промышленниковъ" [6]), и всякія другія сословныя организаціи крупныхъ страхователей выразили свое одобреніе ограниченіямъ свободы договора, „ставшей давно уже иллюзіей". Приэтомъ, слышались голоса, требовавшіе увеличенія числа обязательныхъ постановленій [7]), рекомендовавшіе даже огосударствленіе страхованія [8]), какъ единственное

---

[1]) Ibid.

[2]) §§ 2, 4, 5, 6, 10, 11, 12, 13 (см. Begründung, стр. 69), 14—25, 30—35, 38 (Absatz 2), 39, 40, 44, 53 (Abs. 3), 57, 65, 66—71, 80 (Abs. 3), 88, 90, 91, 105, 115, 142 (Abs. 2), 147, 149 (Abs. 2), 150, 152—154, 160—161, 163—167, 172—174.

[3]) Begründung, s. 194; ср. Internationaler Transport-Versicherungs-Verband. Denkschrift zum Entwurf etc, s. 15.

[4]) Нюрнбергъ, Copay, Rottweil, Cottbus, Posen и др.

[5]) Feuerversicherungsschutzverband, ср. „Die Feuerversicherung" I Jahrg. № 9, s. 78 (журналъ, издаваемый союзомъ).

[6]) Centralverband Deutscher Industrieller, ср. „Handel und Gewerbe", отъ 15 янв. с. г.

[7]) Deutscher Hausbesitzerverein („Handel u. Gewerbe" отъ 22 авг. 1903).

[8]) Торговая палата Альтоны („Hand. u. Gew. отъ 24 окт. 1904).

радикальное средство. Страховщики же открыто или косвенно стали бороться противъ стѣсненія ихъ свободы, указывая на то, что до сихъ поръ прекрасно обходились безъ такихъ нормъ, что нормы эти стѣснятъ дальнѣйшее развитіе германскаго страхового дѣла, что онѣ деморализуютъ страхователя, давно ужъ замѣченнаго въ „противной общему благу морали потребителя" („gemeinschädliche Konsumentenmoral") [1]). Эти голоса слышались и при выработкѣ Г. П.: въ комиссію были приглашены представители страховыхъ обществъ, но они не имѣли пока рѣшающаго значенія.

Рѣзко отличается отъ Г. П. въ данномъ пунктѣ русскій проектъ. Главныя постановленія Р. П. снабжены оговоркой „за отсутствіемъ иного соглашенія", дающей полный просторъ „свободѣ" договора [2]). Р. П. имѣлъ путеводителя не въ какихъ-либо соціальныхъ задачахъ, а въ дѣйствующемъ правѣ—полисныхъ условіяхъ страховыхъ обществъ, на которыя „было главнымъ образомъ обращено вниманіе" (стр. 10). Эти условія рѣшаютъ, хотя бы „согласно съ общими положеніями договорнаго права" было другое рѣшеніе (стр. 30). Эти же условія будутъ регулировать дальнѣйшее развитіе русскаго страхованія и въ случаѣ надобности—творить страховое право (ст. 972). Чтобы признать путь Р. П. вѣрнымъ, должно предположить, что полисныя условія въ Россіи много лучше германскихъ, или же, что русскій страхователь меньше нѣмецкаго нуждается въ защитѣ закона; если же эти предположенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то невольно возникаетъ вопросъ: почему для защиты слабѣйшей стороны такъ много сдѣлано въ Г. и Ш. П. и такъ безконечно мало въ Р. П.? [3])

Второй характерной чертой Г. П. является послѣдовательно проведенное правило, что лишь *умыселъ* или *грубая небрежность* страхователя освобождаютъ страховщика отъ

---

[1]) Директоръ о-ва Teutonia Bischoff въ цит. Veröffentlichungen der Deutschen Vereins etc, s. 69.

[2]) Статьи: 940, 956, 964, 967, 978, 979.

[3]) Къ сожалѣнію, при выработкѣ Р. П. не былъ извѣстенъ составителямъ его Ш. П., вышедшій въ 1896, т. е. *за три года* до изданія Р. П.

обязанностей по договору [1]). Этимъ положенъ предѣлъ безконечнымъ прекаваніямъ о гражданской отвѣтственности за деликтъ, за умыселъ обогатиться. Для того же, чтобы страхователь не поощрялся къ небрежности, вводятся въ Г. П. договорные штрафы за всякое небрежное нарушеніе полисныхъ условій; эти штрафы не должны превышать въ каждомъ данномъ случаѣ 5% страховой суммы (§ 9). Этимъ положенъ также конецъ одностороннимъ отказамъ страховщиковъ отъ договора изъ-за ничтожныхъ или неумышленныхъ нарушеній обязанностей страхователя.—Р. П. разрѣшаетъ страхователю ошибаться въ 4 случаяхъ: при личномъ страхованіи, если онъ такъ счастливо ошибся, что страховщикъ три года не замѣтилъ этого (ст. 977), затѣмъ—при страхованіи свыше дѣйствительной стоимости (ст. 946); въ этихъ двухъ случаяхъ договоръ остается въ силѣ, въ другихъ же двухъ,—когда страхователь ошибается въ наличности своего интереса (ст. 939) или въ отвѣтахъ на вопросы страховщика (ст. 942), онъ наказывается потерей половины годичной преміи, причемъ договоръ расторгается.

Столь тяжкія послѣдствія ошибки или мелкой неосторожности, какъ расторженіе договора, давно уже вызывали протестъ страхователей въ Германіи, и теперь, по опубликованіи Г. П., указываютъ [2]) на необходимость строгаго и послѣдовательнаго проведенія принципа отвѣтственности лишь за умыселъ и грубую неосторожность. Г. П. проводитъ этотъ принципъ „по возможности", но все же во многомъ достигаетъ своей цѣли—защиты страхователя, какъ слабѣйшаго.

---

[1]) §§ 8, 15, 16, 17, 21, 53, 54, 55 etc. Ср. мнѣнія различныхъ торговыхъ палатъ, а также Anträge des Vorsteheramts der Danziger Kaufmannschaft, s. 6.

[2]) Ср. мнѣніе Торговой Палаты въ Дармштадтѣ (Handel u. Gewerbe XI Jahrg., s. 103).

II.

Г. П., этотъ „послѣдній камень гордаго зданія гражданскаго права, построеннаго нѣмецкимъ народомъ“ [1]), родственъ по духу и формѣ новѣйшей кодификаціи Германіи— гражданскому и торговому уложеніямъ: соціальныя задачи и стройная система нормъ характеризуютъ его. Подобно научной работѣ, Г. П. начинаетъ съ общей части, абстрактно регулирующей тѣ правоотношенія, которыя въ разнообразной конкретной обстановкѣ возникаютъ въ различныхъ вѣтвяхъ страхованія. Объ этихъ вѣтвяхъ—здѣсь ни слова: лишь принципы права, окристаллизовавшіеся въ долгомъ развитіи страхованія, выступаютъ предъ нами. Изъ 184 §§ Г. П. 44 §§ посвящены этой принципіальной работѣ, столь удачно выполненной.

Отмѣтимъ, прежде всего, что Г. П. вслѣдъ за главнѣйшими авторитетами страхового права и Ш. П. (§ 44) принимаетъ основное положеніе, что предметомъ страхового договора является не вещь, а *интересъ* въ наступленіи извѣстнаго событія, связаннаго съ вредомъ для имущества страхователя. Эта естественная конструкція устраняетъ безплодныя разсужденія романистовъ-цивилистовъ о томъ, является ли договоръ личнаго страхованія страховымъ договоромъ, или личное страхованіе есть лишь „такъ называемое“, не „настоящее“ страхованіе, полное противорѣчій „принципамъ“ страхового права (выработаннымъ на основаніи наблюденій надъ договоромъ страхованія *имущества*) [2]). Порвавъ съ этой схоластикой, Г. П. построилъ стройную систему, въ которой отдѣльныя вѣтви растутъ изъ одного общаго отца-ствола, страхового договора.

---

[1]) Ehrenberg (въ Zeitschrift für die gesammte Versicherungswissenschaft Bd. III, Heft IV (Iuli 1903), s. 316 (der Schlussstein in den stolzen Bau der Civilrechtsgesetzgebung des deutschen Volkes).

[2]) Въ русской литературѣ это устарѣлое воззрѣніе защищаютъ Степановъ (въ монографіи о страховомъ договорѣ), Шершеневичъ (въ своихъ учебникахъ). См. *мою* работу „Договоръ страхованія по русскому праву“ (Харьковскія унив. записки за 1903 г.).

Страхованіе имущества (Sachversicherung), создавшее столь разнообразныя комбинаціи и правовыя коллизіи, регулируется въ Г. П. общими для всѣхъ его видовъ постановленіями (§§ 45—79), а затѣмъ отдѣльными нормами для страхованія отъ огня (§§ 80—102), отъ градобитія (§§ 103—108), отъ падежа скота (§§ 109—120), транспортнаго страхованія (§§ 121—137) и „страхованія отъ отвѣтственности" (Haftpflichtversicherung §§ 138—148). Общія постановленія для страхованія имущества необходимы—какъ *субсидіарныя* нормы—для ежедневно нарождающихся видовъ имущественнаго страхованія, хотя эти нормы не могутъ избавить законодателя отъ обязанности кодифицировать нормы для различныхъ вѣтвей страхованія, если онъ не хочетъ довѣрить полиснымъ условіямъ дальнѣйшее развитіе права (ср. Р. П. ст. 972).

Личное страхованіе Г. П. регулируетъ въ двухъ отдѣльныхъ раздѣлахъ (страхованіе жизни §§ 149—168, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ §§ 169—176), избѣгая такимъ путемъ академическаго спора о томъ, не есть ли страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ видъ страхованія отъ *послѣдствій* причиненія „вещественнаго" вреда (Schadenversicherung), страхованія, противопоставляемаго личному [1]).

Послѣдніе §§ Г. П., 177—184, (Schlussvorschriften) трактуютъ объ области дѣйствія новаго закона.

Эта система Г. П. вызвала критику съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такой авторитетъ въ области страхового права, какъ Ehrenberg (Göttingen) указываетъ на опасности абстрагированія и обобщенія для дальнѣйшаго развитія страхового права и подчеркиваетъ, что въ самомъ проектѣ (§ 178) проглядываетъ опасеніе устанавливать правила для всѣхъ также и для нынѣ еще не регулированныхъ—отраслей страхованія [2]); онъ думаетъ, что практикъ, а въ особенности страхователь лишь съ трудомъ разберется въ законѣ [3]). Эту трудность оріенти-

---

[1]) Denkscrift des Unfall-Versicherungs-Verbandes, S. 5.

[2]) „Entwurf eines Gesetzes über den Versicherungsvertrag" въ Zeitschrift für die ges. Versicherungswissenschaft Bd. III, Heft. 4, S. 317).

[3]) Цитир. выше Veröffentlichungen, S. 12.

рованія подчеркивали также страховыя общества [1]) и страхователи [2]), причемъ вниманіе законодателя обращалось на то, что эта система Г. П. находится въ противорѣчіи съ цѣлью законодателя—защитой слабѣйшаго: общества уже разберутся въ законѣ, а рядовой страхователь будетъ безпомощно стоять предъ 184 §§ закона и длинными полисными условіями. Старались далѣе показать, что общая часть въ сущности лишній балластъ, такъ какъ постановленія особенныхъ частей отмѣняютъ чуть ли не цѣликомъ постановленія общей: нормы общей части отмѣняются въ 42 §§ особенныхъ частей [3]). Дѣлались также не принципіальныя, техническія возраженія противъ формы того или другого параграфа, заключающаго въ себѣ обобщеніе какихъ-либо правоотношеній. Въ частности представители морскаго страхованія требовали регулированія *всего* транспортнаго страхованія въ отдѣльномъ законѣ [4]).

Намъ кажется, что на эти аргументы можно возразить слѣдующее.

Общая часть Г. П. не въ большей степени затруднитъ развитіе страхованія, чѣмъ всякая другая кодификація затрудняетъ развитіе другихъ отраслей народнаго хозяйства. Всякая кодификація есть окаменѣлость, есть недвижная черта надъ итогомъ правового развитія. Лишь на минуту покорна закону жизнь, а затѣмъ начинается работа невидимыхъ силъ—разрушенія непригоднаго и приспособленія жизнеспособнаго къ новому. И эта работа менѣе болѣзненна для субъектовъ права тамъ, гдѣ въ правѣ не закрѣплены преходящія, сегодняшнія формы отношеній. Прогрессъ кодификаціи—въ выработкѣ принциповъ, въ выясненіи тенденцій правового

---

[1]) Ср. Denkschrift des Verbandes der deutschen Hagelversicherungs-Aktien-Gesellschaften, S. 1, также Denkschrift der Freien Vereinigung der deutschen Viehversicherungs-Gesellschaften Cap. I u. II (Zeitschrift für Versicherungswesen. 1904 № 1).

[2]) „Die Feuerversicherung“, 1903, № 9 (September), s. 78.

[3]) Veröffentlichungen (рефератъ Rautmann'a), s.20sg.

[4]) Ср. Denkschrift des Internationalen Transport-Versicheruugs-Verbandes, S. 57.

развитія. И Г. П. своей абстрактной формой—результатомъ долгой научной работы—не стѣсняетъ *здороваго* развитія, онъ отрѣзываетъ лишь ложный путь, стремится предотвратить впаденіе страхованія въ дѣтство безпощадной „свободной“ конкурренціи.

Г. П.—мы уже указывали на это—родствененъ общегерманскому гражданскому уложенію: абстрактностью вѣетъ и отъ уложенія. И при опубликованіи проекта, какъ при изданіи уложенія, вновь возникаютъ сомнѣнія: сумѣетъ ли каждый гражданинъ въ немъ разобраться. На это должно отвѣтить утвердительно, оговорившись при этомъ: „поскольку это при данныхъ условіяхъ правовой жизни возможно“. Когда ученый и судья зорко вглядываются въ хаосъ пересѣкающихся и умножающихся человѣческихъ дѣйствій; заботливо стараются указать каждому законный путь, предотвратить или прекратить столкновенія; когда во всеоружіи идеала, доброй воли, мысли, науки и опыта они примѣняютъ право,—какъ часто безсильно опускаются у нихъ руки, встаютъ непреодолимыя сомнѣнія, возникаетъ вопросъ: quid juris? Присматриваясь къ этой гигантской работѣ, должно сказать, что общепонятность закона, его общедоступность есть такая же презумпція, какъ общеизвѣстность права. Цѣль законодателя не въ томъ, чтобы цѣной логической и юридической системы купить нѣсколько ничтожныхъ облегченій для ищущаго въ законѣ поученія; нѣтъ, цѣль его въ томъ, чтобы одухотворить законъ идеаломъ, всѣми доступными средствами защитить слабаго, и стройнымъ комплексомъ нормъ облегчить судьѣ рѣшеніе вопроса о правѣ. Страхователь всегда будетъ безпомощно стоять предъ грудой нормъ; дѣло законодателя заботиться о *содержаніи* этихъ нормъ.

То обстоятельство, что отдѣльныя постановленія общей части отмѣняются въ особенныхъ частяхъ, не говоритъ ровно ничего. Развѣ этимъ доказано, что принципы, формулированные въ общей части, не необходимы для яснаго пониманія и примѣненія каждой нормы проекта? Развѣ доказано этимъ, что общая часть не необходима для отраслей страхованія, отдѣльно не регулированныхъ? Нѣтъ, въ этихъ измѣненіяхъ

видно лишь стремленіе не посягать на индивидуальныя черты отдѣльныхъ отраслей страхованія.

Что касается до стремленія къ единому регулированію транспортнаго страхованія, то оно имѣетъ много за себя, и въ послѣднее время все чаще повторяются слухи, что проектъ будетъ переработанъ въ этомъ отношеніи, что будетъ созданъ единый уставъ транспортнаго страхованія.

III.

Г. П. есть проектъ *общегерманскаго* закона (Reichsgesetz), но лишь *для частныхъ, не публичныхъ* (oeffentlich) страховыхъ предпріятій: „Нетронутыми остаются постановленія отдѣльныхъ государствъ (die landesgesetzlichen Vorschriften) объ отношеніяхъ изъ страхованія (Versicherungsverhältnisse), вытекающихъ непосредственно, въ силу закона, изъ учрежденія—на основаніи права даннаго государства (Landesrecht)—публичнаго страхового института; нетронутыми остаются также постановленія о страхованіяхъ, заключенныхъ съ такимъ институтомъ *въ силу принужденія закона*". Къ другимъ (добровольнымъ) страхованіямъ, заключаемымъ съ такимъ институтомъ, не примѣняются §§ 41—44 проекта (объ агентахъ), а также всѣ нормы, ограничивающія свободу договора" (§ 181).

Это постановленіе относится къ ряду публичныхъ институтовъ для страхованія отъ огня (Feuersozietäten), отъ падежа скота (Баварія, Саксонія, Баденъ, Schwarzburg-Sonderhausen) отъ градобитья (Баварія) и др. Часть этихъ институтовъ работаетъ наряду съ акціонерными и взаимными обществами, часть пользуется правомъ принудительнаго страхованія [1]). Уставы этихъ институтовъ издавались отдѣльными государствами, частью еще до объединенія Германіи, и переплетены съ массой административныхъ постановленій этихъ государствъ.

---

[1]) См. Einleitung къ изд. Zehnter'a (Berlin 1902) S. XV закона 12 мая 1901 г. (о надзорѣ).

Эта связь нормъ частнаго права съ административными распоряженіями была причиной исключенія публичныхъ институтовъ въ § 181 Г. П. Подобно тому, какъ § 119 закона о надзорѣ за частными страховыми предпріятіями (отъ 12 мая 1901 г.) освобождаетъ эти институты отъ надзора, такъ § 181 Г. П. даетъ имъ полную свободу дѣйствій. Должно отмѣтить приэтомъ, что въ мотивахъ къ закону о надзорѣ (§ 33) сказано слѣдующее: „законодательство о страховомъ договорѣ должно *несомнѣнно* охватывать не только частныя страховыя предпріятія, но и въ равной мѣрѣ публичные институты (Feuersozietäten, публичные институты для страхованія скота и отъ градобитія)". При обсужденіи закона о надзорѣ въ Рейхстагѣ, представитель государственнаго канцлера, графъ Посадовскій, работавшій самъ 20 лѣтъ въ Feuersozietäten, также подчеркнулъ, что законодательство о страховомъ договорѣ естественно должно относиться и къ публичнымъ страховымъ предпріятіямъ [1]).

Это противорѣчіе въ намѣреніяхъ законодателя объясняется частью партикуляристическими стремленіями отдѣльныхъ государствъ, частью отмѣченной боязнью посягнуть на внутреннія административныя распоряженія, частью вѣрой въ блестящее, вполнѣ добросовѣстное и безкорыстное веденіе дѣлъ въ этихъ институтахъ [2]). Лишь послѣднія два соображенія приводятъ мотивы Г. П.

Противъ § 181 возстали акціонерныя и взаимныя общества страхованія отъ огня, многіе страхователи, а также многіе представители прессы, причемъ дѣлались слѣдующія возраженія.

Мотивы проекта не указываютъ причинъ его боязни тронуть сѣть административныхъ нормъ. А такое освобожденіе частнаго права отъ административныхъ путъ явилось-бы прогрессомъ въ правовомъ развитіи. Да и всюду, гдѣ государство вступаетъ въ частноправовыя отношенія и конкуренцію съ

---

[1]) Stenogr. Berichte über Verhandlungen des Reichstags. X legislaturperiode, II Session, B. I, s. 229 (Sitzung vom 29 Nov. 1900).

[2]) Begründung Г. П., S. 46 und 197.

частными предпріятіями, оно должно подчиняться общему закону, и нѣтъ нужды создавать ad hoc спеціальныя нормы.

Что касается безукоризненнаго веденія дѣлъ публичными институтами, то работающіе въ нихъ чиновники такіе же люди, да, кромѣ того, они скованы по рукамъ и ногамъ уставомъ съ его драконовскими подчасъ постановленіями. Чиновникъ безсиленъ, напримѣръ, облегчить положеніе страхователя, лишеннаго обезпеченія одностороннимъ отказомъ института отъ договора и т. д.

Наконецъ, § 181, противный конституціи германской имперіи, стѣсняетъ развитіе частнаго страхованія и бросаетъ невыгодную тѣнь на частныя общества [1].

За § 181 высказались представители сельскаго хозяйства, указывавшіе на то, что уставы публичныхъ институтовъ прекрасны, что не слѣдуетъ мѣшать этимъ институтамъ въ осуществленіи ихъ соціальной защиты и въ ихъ заботахъ о благѣ (Socialpolitiesche Fürsorge); такая свобода дѣйствій является необходимой справедливостью и экономической потребностью [2].

Это сочувствіе параграфу 181 объясняется привилегированнымъ положеніемъ сельскихъ хозяевъ въ Германіи. Предупредительность правительства по отношенію къ нимъ и послѣдняя побѣда ихъ (новый Zolltariff) внушаютъ имъ полное довѣріе къ административной дѣятельности и государственному страхованію.

Въ этой борьбѣ интересовъ можно видѣть отраженіе принципіальнаго спора объ огосударствленіи страхованія. Этого огосударствленія требуютъ не только соціалдемо-

---

[1]) Denkschrift des Verbandes Deutscher Feuer-Versicherungs-Geselschaften auf Gegenseitigkeit; мнѣнія *торговыхъ палатъ* городовъ Posen, Cottbus, Duisburg, Halberstadt, Ravensburg; Vossische zeitung № 293 (26 Iuni) 1903, Berliner Tageblatt № 18 (14 Febr.) 1904; Feuerversicherungsschutzverband („Die Feuerversicherung" 1903 september); Denkschrift des Verbandes der Deutschen Hagels-Versicherungs-Aktien-Gesellschaften, s. 5; Deutscher Hausbesitzerverein (Handel u. Gewerbe 1903, 22 August); и т. д.

[2]) Ständiger Ausschuss des Deutschen Landwirtschaftsrats (Handel u. Gewerbe 19 Sept. 1903); Bayerischer Landwirtschaftsrat (Hand. u. Gewerbe 22 Iuli 1903).

краты, [1]) но и многіе представители буржуазіи [2]). Къ цѣли—здоровому развитію страхованія—два пути. Сторонники огосударствленія стремятся создать привилегированное положеніе государственнымъ институтамъ, съ тѣмъ, чтобы они могли понемногу убить частную конкуренцію и стать общегосударственными. Другой путь, предлагаемый сторонниками частной инициативы, ведетъ къ одухотворенному идеаломъ справедливости законодательству, предъ которымъ равно склоняется частное лицо и государственное учрежденіе.

Намъ кажется правильнымъ послѣдній путь: всякій шагъ по пути къ огосударствленію (§ 181 является такимъ шагомъ) ведетъ къ тому, что число чиновниковъ государства будетъ увеличиваться, а такое увеличеніе, думается намъ, не можетъ быть прогрессомъ, не говоря уже о другихъ послѣдствіяхъ огосударствленія.

Переходя къ отдѣльнымъ постановленіямъ общей части Г. П., обратимся прежде всего къ нормамъ о заключеніи страхового договора.

Изъ принциповъ страхового права вытекаетъ требованіе наличности у страхователя интереса въ вещи, по поводу которой заключается страхованіе, а также въ жизни и работаспособности лица, застрахованнаго договоромъ. Г. П. не перечисляетъ и не указываетъ даже примѣрно (какъ это дѣлаетъ Р. П. въ ст. 938) лицъ, могущихъ страховать данную вещь, предоставляя ограниченіе и расширеніе круга интересентовъ торговому обороту. Что касается до страхованія личнаго, то здѣсь наличность интереса въ жизни извѣстнаго лица презумируется, если это лицо дало свое согласіе на заключеніе страхованія; безъ этого согласія договоръ ничтоженъ (§ 149).

Г. П. твердо держится того положенія, что предметъ страхового договора — интересъ, и посему разрѣшаетъ за-

---

[1]) Verhandlungen Рейхстага, l. c. Abg. Calwer'a.

[2]) Handelskammer zu Altona (Handel u. Gewerbe 1903, 24 okt.); ср. также проекты огосударствленія страхованія въ Новой Зеландіи (The Banker's Magazine 1904 Ianuary, page 150); ср. также Adolf Wagner Versicherungswesen (Schänberg's Handbuch der Pol. oek.).

прещавшійся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ видъ страхованія—chômage-assurance [1]); при этомъ необходимымъ условіемъ является оцѣнка убытка страхователя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и отсутствіе заранѣе установленной таксы убытка, превращающей въ данномъ случаѣ страховой договоръ въ пари. Зародышъ этого вида страхованія—страхованіе прибыли, ожидаемой отъ морскихъ транспортовъ—разрѣшено, какъ извѣстно, главнѣйшими законодательствами [2]).

Само собой понятно требованіе Г. П. (§ 2) наличности риска дѣйствительной или презумируемой (при незнаніи страхователя и его представителя о судьбѣ даннаго интереса).

При наличности этихъ условій для заключенія договора достаточно лишь соглашенія [3]). Письменной формы для договора Г. П. не требуетъ, и полисъ—выдаваемый страхователю по требованію (§ 4)—является лишь доказательствомъ содержанія договора, но отнюдь не единственнымъ путемъ доказательства наличности договора. Такого же взгляда держатся Ш. П., французское, итальянское и бельгійское право; противнаго взгляда держатся прусское земское право, испанское, англійское право и Р. П. (ст. 941 и стр. 36 мотивовъ), слѣдовавшій при этомъ за сенатской практикой и—какъ всегда—за полисами страховыхъ обществъ [4]).—Требованіе письменной формы несомнѣнно логично тамъ, гдѣ исключительно полисныя условія опредѣляютъ взаимныя отношенія контрагентовъ страхового договора; но включеніе такого тре-

---

[1]) Страхованіе ожидаемой прибыли и доходовъ (ср. *Страховое обозрѣніе* за 1900, стр. 30 (Январь)).

[2]) Уставъ торговый, ст. 545; Handelsgestzbuch § 779; Codice di Commercio del Regno d'Italia § 606; Испанскій Codigo de Commercio § 743 Code de Commerce Français § 334 (modifié par du Loi 12 Août 1885); etc.

[3]) Begründung, 59.

[4]) Ср., напр., мотивы Р. П. (стр. 38) „Выдача полиса въ практикѣ русскихъ страховыхъ обществъ составляетъ общее правило, изъ котораго, однако, существуютъ и исключенія, и потому (!) несправедливо было бы обязать страховщика во всѣхъ случаяхъ выдавать страхователю полисъ". Хотя Р. П. стремится провести разницу между выдачей полиса и письменностью договора, однако, этимъ не устраняется противорѣчіе, содержащееся въ ст. 941.

бованія въ спеціальный законъ, регулирующій эти отношенія, послѣдовательно лишь тогда, если любую норму закона убиваетъ оговорка: „за отсутствіемъ иного соглашенія“. Тутъ ужъ полисъ необходимъ для установленія не только частностей, но и принципіальныхъ пунктовъ договора.

Г. П. даетъ страхователю право *во всѣхъ случаяхъ* требовать выдачи полиса, а также всякіе другіе документы (напр. страховое объявленіе), относящіеся къ данному договору (§ 4). Но принимая полисъ, страхователь не принимаетъ eo ipso всѣ условія страховщика, и имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, мѣсяцъ сроку на разсмотрѣніе и окончательное принятіе полисныхъ условій; въ теченіе этого срока страхователь вправѣ протестовать противъ того или другого параграфа условій (§ 6). Это право не можетъ быть отнято у страхователя „инымъ соглашеніемъ“ и не исключаетъ также возраженія страхователя впослѣдствіи (съ указаніемъ на ошибку, согласно § 119 общегерманскаго гражд. ул.).—Противъ этого постановленія, не согласнаго съ существующей практикой, возражали страховщики [1]), но страхователи горячо привѣтствовали его [2]), причемъ высказывалось также требованіе, чтобы всякое отклоненіе страховщика отъ закона (въ диспозитивныхъ нормахъ) точно указывалось въ полисѣ [3]).

Что касается до содержанія полиса, то Г. П., принимая во вниманіе многоразличность формъ страхованія, не устанавливаетъ на этотъ счетъ никакихъ особыхъ нормъ [4]). Р. П. (ст. 941) указываетъ на главнѣйшіе пункты содержанія полиса, причемъ неясно, насколько дѣйствительность полиса зависитъ отъ внесенія въ него означенныхъ пунктовъ. Въ англійскомъ правѣ опущеніе требуемыхъ пунктовъ влечетъ за собой ничтожность полиса [5]), но въ общемъ должно при-

---

[1]) Ср. цит. Veröffentlichungen, S. 110, 137, 196, 231, 252 etc.

[2]) Handelskammer zu Bielfeld; Feuerversicherungsschutzverband (Die Feuerversicherung 1903 № 9), и др.

[3]) Anträge des Vorstcheramtes der Danziger Kaufmanschaft (zu § 784 des HGB).

[4]) Begründung, 60.

[5]) Victoria Act (art. 31):.. in case any of the abovementioned particulars be omitted in a policy, such a policy shall be null and void.

знать такого рода постановленія и указанія на содержаніе полиса излишними: практика достаточно заботится о внесеніи существенныхъ пунктовъ. Самое большее, можно было бы требовать тамъ, гдѣ нѣтъ спеціальнаго закона, или гдѣ онъ не имѣетъ значенія ввиду широкаго простора, даруемаго „иному соглашенію"—отпечатанія полисныхъ условій. Законъ здѣсь имѣетъ одну лишь задачу—требованіемъ указанія въ полисѣ имени получателя вознагражденія предохранять страхованіе отъ элемента, чуждаго ему—пари (ср. honour policies) [1]). Но и это требованіе не можетъ быть выставлено безусловно; оно шло бы, напримѣръ, вразрѣзъ съ существованіемъ признаннаго законами всѣхъ странъ страхованія „за счетъ кого слѣдуетъ" [2]). Далѣе, въ страхованіи жизни общепринято разрѣшеніе страхователю измѣнять по своей волѣ выгодопріобрѣтателя, причемъ полисъ можетъ быть также выданъ на предъявителя [3]).

Г. П. воспрещаетъ выдачу полиса на предъявителя (§ 5), слѣдуя за германскимъ гражд. ул., требующимъ (§ 793) отъ владѣльца бумаги на предъявителя правомѣрнаго владѣнія ей. Неимѣющій интереса въ данной вещи не можетъ предъявить отъ своего имени полисъ; страховщикъ *вправѣ, но не обязанъ* уплатить ему (Begründung 61). Къ существующей практикѣ (въ транспортномъ и личномъ страхованіи), не указывать иногда имени выгодопріобрѣтателя, Г. П. относится слѣдующимъ образомъ. Такого рода полисы не суть бумаги на предъявителя въ собственномъ смыслѣ: передача ихъ путемъ индоссамента есть передача опредѣленнаго денежнаго требованія (§ 363 герм. торг. ул.). Эти полисы,

---

[1]) May, Lars of Insurance, Boston 1891, v I § 33; также Gow Marine Insurance (въ Encyclopedia Brittanica). Honour policy есть для страховщика „долгъ чести", такъ какъ законъ не защищаетъ пари. Элементъ игры англійское право видитъ во включеніи оговорки: „уплата вознагражденія по предъявленіи полиса, безъ изслѣдованія наличности интереса" (without further proof of interest, than the policy) и аналогичныхъ.

[2]) Ср. Handelsgesetzbuch, § 781, Vallebona. Commentario della polizza italiana (Torino 1888), p. 36; Lewis. Lehrbuch des Versicherungsrechts (Stuttgart 1889) p. 134, и т. д.

[3]) Ср. Уставы о–въ Якорь §§ 68, 74; С.-Петербургскаго §§ 105, 111, etc.

предусмотрѣнные общимъ положеніемъ герм. гражд. ул. (§ 808), допустимы и нынѣ, причемъ страховщикъ имѣетъ право, а не обязанность безпрекословной уплаты.—Затѣмъ Г. П. постановляетъ, что невозможность предъявить полисъ не лишаетъ права требовать уплаты: необходимъ лишь въ надлежащемъ порядкѣ удостовѣренный отказъ отъ дальнѣйшихъ требованій или—если это въ данномъ случаѣ допустимо—объявленіе о недѣйствительности полиса (§ 5).

Заключенію страхового договора предшествуетъ объявленіе страхователя о страхуемомъ рискѣ. Страховщикъ, работающій всегда на основаніи статистическихъ данныхъ, долженъ знать, какого рода рискъ принимаетъ онъ на страхъ, а также имѣть возможность сгладить индивидуальность риска возвышеніемъ преміи. Въ осторожномъ выборѣ рисковъ—залогъ здороваго развитія страхового дѣла. Посему во всѣхъ законахъ, касающихся страхового договора, мы находимъ требованіе достаточнаго описанія риска страхователемъ.

Это требованіе вытекаетъ изъ общаго принципа договорнаго права: необходимости соглашенія насчетъ essentialia negotii, къ числу которыхъ въ страховомъ договорѣ относится, конечно, прежде всего рискъ. Исходя изъ этого положенія, практика и наука права создали рядъ теоретическихъ принциповъ для объявленія страхователя. Различные высказывавшіеся взгляды можно раздѣлить на двѣ группы: объективныя и субъективныя теоріи. Первыя считаютъ договоръ страхованія ничтожнымъ, если свѣдѣнія, даваемыя страхователемъ, *объективно* невѣрны, причемъ это требованіе объективной вѣрности обнимаетъ то всѣ отвѣты страхователя, то лишь отвѣты на вопросы о „существенныхъ“ моментахъ риска. Субъективныя теоріи считаютъ необходимой лишь полную правдивость страхователя, причемъ послѣднему вмѣняется въ обязанность то отвѣтить на всѣ вопросы страховщика, то сообщить „все“, ему извѣстное и могущее влiять на величину риска.

Борьба объективнаго и субъективнаго принциповъ въ теоріи договорнаго права отражается здѣсь особенно рельефно, потому ли что страховщикъ лишенъ возможности точно оріен-

тироваться безъ помощи страхователя, потому ли, что быстрая эволюція техники и страхового дѣла затрудняетъ установленіе средняго риска. Какъ бы то ни было, но внимательное разсмотрѣніе законодательныхъ нормъ и правового развитія, приводитъ насъ къ тому заключенію, что директивой нормъ является не результатъ (если таковой есть) нескончаемыхъ преній сторонниковъ противоположныхъ принциповъ, а *соціальный идеалъ* законодателя. Въ хаосѣ дебатовъ о томъ, что страхователь „знаетъ", „долженъ знать", „не можетъ не знать", во всѣхъ этихъ юридическихъ экскурсіяхъ въ область безсознательнаго нѣтъ рѣшенія вопроса, и лишь соціальная справедливость очертитъ кругъ обязанностей контрагентовъ.

Во время правовой самопомощи, когда рука законодателя еще не касалась страхового права, страховщикъ выработалъ вопросный листъ, „объявленіе", включивъ туда вопросы о всемъ томъ, что могло, по его мнѣнію, влiять на размѣръ риска. Этотъ листъ кончается обычно еще такого рода общими вопросами: „имѣются ли какія-либо обстоятельства, увеличивающія опасность?.... не имѣете ли вы еще что-либо сообщить относительно предлагаемаго страхованія"? Если еще вспомнить количество требуемыхъ отъ страхователя данныхъ, то должно признать, что вопросный листь есть (при условіи полной правдивости страхователя) вполнѣ достаточное описаніе риска.

Р. П. (а также Ш. П.) ограничиваетъ объявленіе страхователя отвѣтами на вопросы предлагаемаго ему обществомъ листа. Русскія страховыя общества также готовы удовольствоваться такимъ описаніемъ риска [1]). Г. П. въ данномъ случаѣ предъявляетъ къ страхователю болѣе строгія требованія и не ограничиваетъ его обязанность отвѣтомъ на вопросы страховщика (§ 17): онъ обязанъ сообщить всѣ существонные (erhebliche) моменты риска; а въ случаѣ спора о томъ, какіе моменты существенны [2]), рѣшаетъ судья „по соображеніи всѣхъ об-

---

[1]) Р. П. (Мотивы, стр. 42).

[2]) Существенными считаются, во всякомъ случаѣ, всѣ обстоятельства, о которыхъ спрашиваетъ страховщикъ (§ 17).

стоятельствъ и если это необходимо по выслушаніи заключенія экспертовъ“ (Begründung, S. 70).—Но Г. П. послѣдовательно требуетъ для наказанія страхователя (ничтожностью договора) злого умысла (Arglist) (§ 17).

Исключительное положеніе дается часто страхованію жизни: по истеченіи извѣстнаго срока страховщикъ „не вправѣ указывать на недостаточность или невѣрность сообщенныхъ страхователемъ при заключеніи страхованія свѣдѣній“ (Р. П. стр. 977). Такимъ срокомъ, необходимымъ для наступленія „неоспоримости“ полиса, отдѣльныя общества считаютъ 2—3—5 лѣтъ, Р. П.—три года, Г. П.—десять лѣтъ (§ 152).—Громадное экономическое значеніе страхованія жизни оправдываетъ *въ принципѣ* такое облегченіе страхователю, но необходимо устранять все, что можетъ превратить это облегченіе въ премію за ловкій обманъ. Дѣло страховой медицины рѣшить, можно ли замѣтить обманъ въ теченіе 3 лѣтъ, или для этого необходимо пять, десять лѣтъ; намъ кажется, что благо давности не должно даровать такъ скоро, какъ это дѣлаетъ Р. П.: вѣдь каждое послабленіе недобросовѣстному страхователю отражается на добросовѣстныхъ, взносами которыхъ общества покрываютъ убытки.

Весьма важную роль при заключеніи страхового договора играютъ, какъ извѣстно, страховые агенты. Р. П. не упоминаетъ о страховыхъ агентахъ, Г. П., какъ и Ш. П., не прошелъ мимо этого больного мѣста страхового дѣла. Необходимость постояннаго заключенія новыхъ страхованій на мѣсто истекающихъ, необходимость большого поля страхованій для солидности дѣла, наконецъ, стремленіе къ увеличенію дивидендовъ,—заставили страховыя общества искать всюду агентовъ и создали многообразную, вѣчно мѣняющуюся массу страховыхъ агентовъ. Положеніе ихъ съ правовой точки зрѣнія было весьма неяснымъ, и Нюренбергская коммисія для выработки общегерманскаго торговаго уложенія отказалась регулировать отношенія агентовъ къ страховщику и страхователю, такъ какъ правовое понятіе „страхового агента еще не установилось“ [1]). Созданіе права было предоставлено

[1]) Protokolle der Nürnberger Konferenz, 103sq, 963.

страховымъ обществамъ, результатомъ чего явились нескончаемыя пререканія между обществами и страхователями, вѣчные споры и, наконецъ, объединеніе страховыхъ агентовъ въ союзъ.

Ненормальность положенія страхового агента въ Германіи характеризуетъ слѣдующее судебное рѣшеніе, обратившее на себя всеобщее вниманіе. Судъ шеффеновъ въ Wittich'ѣ, разбиравшій дѣло объ оскорбленіи страхового агента, принялъ во вниманіе, какъ смягчающее обстоятельство, то „всеобщее негодованіе, выразившееся несомнѣнно въ данномъ случаѣ, противъ страхованія и занимающихся имъ, царящее не безъ основанія (nicht mit Unrecht) въ народѣ" [1]). Это рѣшеніе, состоявшееся осенью прошлаго года, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія Г. П., указываетъ на то, что̀ уже было принято во вниманіе Г. проектомъ: безсиліе—а отсюда и гнѣвъ—страхователя по отношенію къ агенту, который для него и есть собственно страховщикъ.

Не входя въ разборъ разнообразныхъ юридическихъ теорій о положеніи страховыхъ агентовъ [2]), Г. П. ограничивается выясненіемъ положенія агентовъ по отношенію къ страхователю. Въ своихъ постановленіяхъ (§§ 41—44) Г. П. различаетъ агентовъ-посредниковъ (Vermittelungsagenten) и агентовъ, уполномоченныхъ на самостоятельное заключеніе страхованій (Abschlussagenten). Агенты-посредники вправѣ принимать предложенія страхованія, а также отказъ отъ такого предложенія; всякаго ряда объявленія во время теченія страхованія; получать причитающіяся преміи; выдавать изготовленные страховщикомъ полисы и удостовѣренія о продленіи страхованія. Однако, въ важныхъ случаяхъ, въ которыхъ освѣдомленность страховщика существенна (von Erheblichkeit ist), знаніе агента-посредника не равнозначуще со знаніемъ

---

[1]) Ср. Norddeutsche Versicherungszeitung, 1903. Dezember.

[2]) Ср. Immerwahr, Das Recht der Handlungsagenten 1900; Heidicker, Das Rechtsverhältniss der Versicherungsagenten und Versicherungsgesellschaften zu einander und zu Dritten (Zeitschrift für Versicherungsrecht und Vers. Wissenschaft 1897, s. 779sq; Ehrenberg, Verantwortlichkeit der Versicherungsgesellschaften für ihre Agenten (въ Festgabe въ честь Ihreing'a) 1892.

страховщика (§ 43). Агенты же, уполномоченные на самостоятельное заключеніе страхованій, являются представителями страховщика и вправѣ видоизмѣнить, продлить всякій договоръ и послѣ предупрежденія отказаться отъ него (§ 42). Различать эти два вида агентовъ страхователь обязанъ самъ, причемъ нѣкоторыя ограниченія полномочій агентовъ онъ „знаетъ или долженъ знать“ (§ 44).

Естественно, что эти „новшества“ вызвали горячій протестъ со стороны страховыхъ обществъ [1]). Они требовали ограниченія полномочій агентовъ посредниковъ не только по мѣсту—что имъ прямо предоставлено (*Begründung* 96)—но и по объему: многообразный составъ массы агентовъ дѣлаетъ необходимой осторожность въ предоставленіи имъ правъ, а также индивидуализацію полномочій. Высказывался взглядъ [2]), что пріемъ причитающихся премій долженъ быть предоставленъ лишь представителямъ страховщика, такъ какъ отъ поступленія преміи зависитъ въ иныхъ случаяхъ судьба страхованія. Вообще указывалось, что „проектъ дошелъ до послѣдней границы допустимаго“ въ расширеніи полномочій агентовъ.

Страхователи [3]) требовали, чтобы каждый агентъ являлся полномочнымъ представителемъ страховщика, имѣющимъ право принимать *всякаго рода* заявленія и уплаты. Указывалось на безпомощность страхователя, не имѣющаго возможности разобраться во всѣхъ оттѣнкахъ полномочія агента.

Въ наукѣ постановленія Г. П. объ агентахъ встрѣтили довольно рѣзкую критику. Такъ Эренбергъ [4]) возстаетъ особенно противъ атавистическаго „долженъ знать“ (kennen müssen), устанавливаемаго въ Г. П. для сужденія страхователя объ объемѣ полномочій агента. Публика оста-

---

[1]) Denkschriften: Unfall-Versicherungsverband, 32; Hagelversicherungsverband, 20—21; Transportversicherungsverband, 31; Verband der Feuerversicherungsgesellschaften auf Gegenseitigkeit, 4; и т. д.

[2]) Denkschriften des Verbandes Deutscher Lebensversicherungsgesellschaften, 10.

[3]) Feuerversicherungschutzverband (Feuerversicherung 1903, № 9); торговыя палаты въ Bayreuth, Kiel, Heidensheim, Posen, Ravensburg etc.

[4]) Ehrenberg (Zeitschrift für die ges. versicherungswissenschaft Bd. III, s. 323).

нется беззащитной, хотя бы постановленія закона и были „крупными буквами отпечатаны на полисѣ, да и судья будетъ безсиленъ найти критерій для этого „долженъ знать". Противорѣчія въ практикѣ судовъ заставляютъ Эренберга высказать опасеніе по поводу обремененія судей обязанностью искать такой критерій и выразить желаніе измѣненія нормъ проекта. Съ другой стороны [1]), высказывалось мнѣніе, что отпечатаніе на полисѣ постановленій закона вполнѣ защитило бы страхователей.

Намъ кажется вѣрнымъ взглядъ Эренберга. Нѣтъ болѣе опасной беззащитности, чѣмъ иллюзорная защита, нѣтъ болѣе опасной презумпціи, чѣмъ вѣра въ педантичную осмотрительность рядоваго гражданина. Критерій обязанностей не въ томъ, что страхователь „долженъ" (по мнѣнію данной нормы) знать, а въ томъ, что онъ, членъ данной культурной общины, *можетъ* знать. Заключеніе страхового договора или, какъ выражались, „начало отвѣтственности страховщика" относили къ моменту уплаты преміи. Вслѣдъ за страховыми обществами Р. П. постановляетъ, что „договоръ страхованія, за отсутствіемъ иного соглашенія, вступаетъ въ силу со времени уплаты страхователемъ преміи" (ст. 940). Г. П. (§ 32), а также Ш. П. (§ 20) содержатъ облеченную обязательной силой норму, что предварительная уплата преміи не является необходимымъ условіемъ начала отвѣтственности страховщика. Это постановленіе, несомнѣнно, цѣлесообразно, такъ какъ премія далеко не всегда можетъ быть уплачена немедленно; кромѣ того, чрезвычайная неясность юридическаго положенія агентовъ, какъ представителей страховщика, возможность отсутствія—хотя бы случайное—агента въ опредѣленный моментъ и различныя другія обстоятельства дѣлаютъ требованіе предварительной уплаты преміи нежелательнымъ.

V.

Первой обязанностью страхователя является уплата преміи. Школьный споръ о мѣстѣ уплаты (Bringschuld oder Holschuld?)

---

[1]) Könige („Das Recht", Jahrg. VII (1903), s. 445).

Г. П. рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что уплата дѣлается въ мѣстожительствѣ страховщика (или его представителя) (§ 29); но если страховщикъ всегда присылалъ за преміей, то страхователь обязанъ уплачивать премію въ мѣстожительствѣ страховщика лишь по предложенію послѣдняго (§ 30). Аналогичныя постановленія находимъ въ Ш. П. (§ 23); Р. П. не содержитъ особаго постановленія, ссылаясь (мотивы, стр. 32) на общее правило ст. 82 проекта гражданскаго уложенія: всякій долгъ есть Bringschuld, если противное не вытекаетъ изъ существа договора.

Просрочка въ уплатѣ преміи вызываетъ по Г. П. различныя послѣдствія, смотря по тому просрочена ли уплата первой преміи или послѣдующихъ. Въ первомъ случаѣ, при наступленіи предусмотрѣннаго договоромъ событія до уплаты, страховщикъ освобождается отъ отвѣтственности (§ 31), *если имъ еще не выданъ страхователю полисъ* (§ 32). Если же полисъ выданъ, то договоръ считается неоспоримымъ и страховщикъ отвѣтственъ; всякое иное соглашеніе считается несуществующимъ (gilt als nicht getroffen). Страховщикъ, не получающій первой преміи, вправѣ отказаться отъ договора, предупредивъ объ этомъ *за мѣсяцъ* страхователя. Если въ теченіе этого мѣсяца послѣдуетъ уплата, послѣдствія такого предупрежденія (Kündigung) не наступаютъ.

Просрочка послѣдующихъ премій не освобождаетъ eo ipso страховщика отъ отвѣтственности. Онъ обязанъ дать страхователю—на счетъ послѣдняго—отсрочку, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли. Условія отсрочки и послѣдствія неуплаты по истеченіи ея, страховщикъ обязанъ изложить письменно. Въ случаѣ наступленія „страхового события", по истеченіи отсрочки, страховщикъ, не отказавшійся еще отъ договора, освобождается отъ отвѣтственности, если премія не внесена до наступленія событія. По истеченіи отсрочки, страховщикъ вправѣ отказаться отъ договора безъ предупрежденія (§ 33).

Этими постановленіями защищается добросовѣстный страхователь, почему либо просрочившій уплату преміи, но пресѣкается недобросовѣстность и грубая небрежность: ожиданіе увеличенія риска для уплаты преміи или же явное не-

желаніе исполнять принятыя на себя обязательства нарушаютъ здоровое развитіе страхованія (Begründung, S. 84).

Должно отмѣтить, что подъ уплатой послѣ отсрочки Г. П. разумѣетъ прежде всего уплату *преміи*; уплата процентовъ и расходовъ страховщика связаны съ вышеуказанными послѣдствіями лишь тогда, если въ условіяхъ отсрочки указаны процентъ и сумма расходовъ.

Что касается выработаннаго страховой практикой и теоретиками положенія о недѣлимости преміи, то Г. П. не считаетъ возможнымъ принять его безусловно и считается съ нимъ лишь въ спеціальныхъ постановленіяхъ. Этотъ путь Г. П. оправдываетъ тѣмъ, что „при извѣстныхъ условіяхъ никоимъ образомъ нельзя оправдать предоставленіе страховщику права на премію цѣликомъ“ (*Begründung*, 85). Ш. П. признаетъ въ принципѣ недѣлимость преміи, но разрѣшаетъ иное соглашеніе сторонъ, а также ссылается на соотвѣтствующія спеціальныя постановленія. Русское страховое право также держится принципа недѣлимости.

Г. П. не признаетъ, напр., за страховщикомъ права на всю премію, если онъ въ теченіе срока договора (т. е. единицы этого срока—года, рейса etc. отказывается отъ договора; онъ вправѣ требовать лишь возмѣщенія расходовъ (angemessene Geschäftsgebühr, § 34). Точно также получаетъ страховщикъ лишь часть преміи въ томъ случаѣ, если надъ его имуществомъ открытъ конкурсъ (§ 34).

Принципъ недѣлимости преміи вытекаетъ несомнѣнно изъ существа страхованія: время наступленія опасности неизвѣстно, а вѣроятность этого наступленія налицо каждую минуту. Однако постановленія Г. П. должно признать цѣлесообразными. Цѣль страхового права—создать формы истинной защиты даннаго лица отъ непредвидѣнныхъ событій; этой цѣли противорѣчитъ уплата преміи отказывающемуся отъ договора или (въ случаѣ конкурса) безсильному исполнить его страховщику.

Въ случаѣ открытія обстоятельствъ, существенныхъ для объема риска, но bona fide не сообщенныхъ страхователемъ, страховщикъ вправѣ требовать повышенія преміи или отказать

отъ договора, предупредивъ за мѣсяцъ страхователя. Свое рѣшеніе страховщикъ обязанъ сообщить страхователю не позже мѣсяца съ момента полученія имъ свѣдѣній объ означенныхъ обстоятельствахъ (§ 35).

Важности постановленій о преміи вполнѣ соотвѣтствуетъ обязательность ихъ и воспрещеніе отступать отъ нихъ *къ невыгодѣ страхователя* (§ 36).

На страхователя возлагается страховымъ договоромъ цѣлый рядъ обязанностей по отношенію къ застрахованному риску. Онъ не долженъ увеличивать или—какъ думали нѣкоторые теоретики—даже измѣнять объема риска, о всякомъ вновь наступающемъ обстоятельствѣ онъ долженъ извѣщать страховщика, ждать его указаній, а пока стараться, чтобы данное обстоятельство не отразилось на объемѣ риска.

И здѣсь объективныя и субъективныя теоріи устанавливали различные „непоколебимые", „жизненные" принципы, и здѣсь эволюція права совершалась въ направленіи распредѣленія и установленія обязанностей, соотвѣтствующаго идеалу соціальной справедливости. Драконовскія правила, требовавшія отъ страхователя сообщенія о томъ, чего онъ, хотя и не знаетъ, но что долженъ (!) знать,—эти правила смѣнились постановленіями объ обязанности слѣдить за состояніемъ страхуемаго риска, избѣгать всѣми доступными средствами увеличенія объема его, и всякое замѣченное измѣненіе немедленно сообщать страховщику. Г. П. стоитъ на этой почвѣ, послѣдовательно караетъ злую волю и нежеланіе исполнять обязанности по договору; но добросовѣстный страхователь не карается за отсутствіе у него всевѣдѣнія (§§ 21, 25, 27 и др.). Важности этой обязанности [1]) вполнѣ соотвѣтствуетъ постановленіе о прекращеніи договора въ случаѣ невыполненія ея (§§ 21, 24): съ осторожнымъ и справедливымъ регулированіемъ обязанностей гармонично сочетается требованіе безусловнаго исполненія ихъ. Аналогичныя постановленія, но не столь ясно формулированныя, находимъ въ Ш. П. (§§ 28, 29). Русское страховое право не устанавливаетъ принципіаль-

---

[1] Ср. Prof. Lexis въ цит. Veröffentlichungen. 89.

ныхъ положеній, и полисы заключаютъ постановленія для каждаго вида страхованія,—постановленія, вытекающія изъ объективной теоріи обязанностей страхователя.

Въ случаѣ наступленія событія, предусмотрѣннаго страховымъ договоромъ, страхователь (или выгодопріобрѣтатель) долженъ немедленно извѣстить страховщика. Послѣдній имѣетъ право требовать отъ страхователя всякихъ свѣдѣній о наступившемъ событіи, а также доказательствъ о наступленіи, объемѣ, причинахъ убытка. Приэтомъ, страхователь долженъ дать лишь такія доказательства, „представленія которыхъ отъ него можно требовать по справедливости (billigerweise)“ (§ 38). Исполнившій свои обязанности страхователь получаетъ право на удовлетвореніе, и страховщикъ не имѣетъ права заставлять его ждать до рѣшенія дѣла судомъ, полюбовнаго соглашенія (Vergleich) и т. д. (§ 40). Если одна изъ сторонъ считаетъ вѣроятнымъ процессъ, то она можетъ воспользоваться предоставляемымъ ей (§ 39) правомъ установленія факта или размѣра обусловленной этимъ фактомъ отвѣтственности страховщика при помощи суда (gerichtliche Beweisaufnahme). Эта льгота дана сторонамъ въ виду трудности доказыванія впослѣдствіи (Begründung, 90).

Исковая давность истекаетъ чрезъ два, при личномъ страхованіи (за исключеніемъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ)—чрезъ пять лѣтъ (§ 10). Р. П. устанавливаетъ *годичный* срокъ давности, мотивируя его трудностью послѣдующаго доказыванія и интересами обществъ—желательностью возможной простоты счетоводства и необходимостью оставить время страховщику для предъявленія иска къ третьимъ лицамъ. Эти соображенія, говорящія несомнѣнно противъ десятилѣтней давности, еще ничего не говорятъ за годичную. При колоссальности Имперіи, при затруднительности доказыванія факта смерти во многихъ случаяхъ (напр. безвѣстнаго отсутствія), при недостаточной освѣдомленности рядового страхователя, годичный срокъ слишкомъ кратокъ.

Несомнѣнно цѣлесообразнѣе установленіе болѣе продолжительнаго срока давности, съ дарованіемъ возможности обезпеченія доказательствъ. Такой возможностью страхователю

дается, кромѣ того, защита закона при переговорахъ со страховщикомъ, который несравненно легче можетъ вести процессъ, чѣмъ рядовой страхователь; въ особенности, если (какъ это случилось въ Р. П.) не устранено право страховщика заставить жителя города Владивостока или Ташкента вести процессъ въ Петербургѣ. Страхователь, могущій обезпечить доказательства съ помощью суда въ мѣстѣ своего жительства, спокойно передаетъ въ случаѣ необходимости веденіе дѣла повѣренному изъ другого города: послѣдній будетъ имѣть тогда дѣло съ юридическими вопросами, и не будетъ поставленъ въ невозможное подчасъ положеніе—доказывать факты, случившіяся вдали и задолго до начала процесса.

Требованія, для которыхъ еще не истекла давность, подпадаютъ подъ указанныя постановленія Г. П., какъ и всѣ вообще правоотношенія, не прекращенныя послѣ вступленія закона въ силу. Здѣсь вновь видна тенденція рѣшительно и послѣдовательно урегулировать отношенія контрагентовъ страхового договора. При заключенныхъ на годы страхованіяхъ (напр. страхованіе жизни) еще одно поколѣніе могло бы остаться безъ защиты закона, если бы не указанное постановленіе (*Entwurf eines Einführungsgesetzes*, Art. 3). Страховщики должны будутъ, слѣдовательно, или прекратить рядъ страхованій, или заключить ихъ вновь на основаніи переработанныхъ полисныхъ условій.

***

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе *общей* части Г. П. Изложить всѣ 184 §§ его, а также измѣненія, вносимыя имъ въ морское страхованіе,—значило бы написать цѣлый трактатъ по страховому праву. Въ этой „филиграновой“ (Ehrenberg) работѣ находятся отвѣты на всѣ главные вопросы, возбужденные теоріей и практикой страхованія, но цѣлью предшествующаго изложенія было лишь указаніе на принципы Г. П., на его тенденціи. Установленіе дѣйствительной свободы договора устраненіемъ условной; защита рядового страхователя отъ мощи картелей и отдѣльныхъ страховщиковъ; провозглашеніе защиты *добросовѣстнаго*, *осто-*

рожнаго страхователя, вмѣненіе въ вину лишь злого умысла или грубой неосторожности,—вотъ исходные пункты Г. П.

Г. П. не является несправедливымъ урѣзываніемъ правъ страховщика. Давая ему возможность свободнаго развитія его дѣла тамъ, гдѣ это не связано съ ущербомъ для страхователей, законъ внушитъ послѣднимъ, столь рѣдкое нынѣ въ Германіи довѣріе къ страховщику, и тѣмъ самымъ будетъ способствовать развитію страхованія. Болѣе того: законъ этотъ устраняетъ свободу административнаго вмѣшательства въ дѣла страховщика. Комитетъ для надзора (Aufsichtsamt) за дѣятельностью частныхъ страховыхъ обществъ будетъ имѣть границы въ нормахъ закона, и—подъ страхомъ отвѣтственности—не станетъ преступать ихъ. Это положеніе дѣлъ устраняетъ всякое несправедливое вторженіе въ дѣла страховщика, который долженъ при веденіи своего дѣла имѣть въ извѣстныхъ границахъ полную свободу.

* * *

Изученіе Г. П. можетъ дать много полезныхъ указаній кодификатору страхового права другой страны; но заимствованія возможны лишь изъ области принциповъ, не изъ области отдѣльныхъ нормъ. Нѣтъ ничего болѣе губительнаго, чѣмъ заковать живой организмъ юридическаго института въ желѣзныя формы съ чужого плеча. Въ глубокомъ изученіи *данныхъ* жизненныхъ условій, въ инстинктивномъ пониманіи тенденцій развитія,—вотъ гдѣ трудность законодательной работы.

Страховое дѣло въ Россіи моложе и менѣе развито чѣмъ въ Западной Европѣ. Для нормальнаго теченія экономической жизни необходимо развитіе страхованія. Поэтому, должно избѣгать всего того, что дѣлаетъ невозможнымъ или труднымъ *здоровое* развитіе страхованія. Но всякую попытку искусственнаго увеличенія силы страховщика на счетъ страхователя, всякое стремленіе эксплоатировать страхователя, въ особенности слабаго при извѣстныхъ условіяхъ народной жизни,—все это вредное должно быть устранено изъ страхованія.

И это устраненіе обезпечено лишь *гражданскимъ закономъ*. Ни административное распоряженіе, имѣющее силу за-

кона (какъ полисныя условія нашихъ обществъ), ни административный надзоръ не въ силахъ обезпечить здоровое развитіе дѣла. Административныя распоряженія, какъ источникъ гражданскаго права, страдаютъ чрезвычайной пестротой нормъ и принциповъ, отсутствіемъ твердаго и послѣдовательнаго проведенія опредѣленныхъ цѣлей. Административный надзоръ, по существу своему предназначенный для отдѣльныхъ исключительныхъ случаевъ и положеній, лишенъ возможности при самомъ идеальномъ веденіи дѣлъ охватить всю массу каждодневныхъ, въ зародышѣ прекращающихся (волей сильной стороны), споровъ. Эти споры исчезаютъ при существованіи спеціальнаго закона, защищающаго слабаго, и возникаютъ сомнѣнія лишь тамъ, гдѣ законъ не полонъ или нарушенъ. Эти сомнѣнія разрѣшитъ судъ, вѣрный принципамъ закона, и своимъ рѣшеніемъ вновь напомнитъ принципы преступившему ихъ.

В. Идельсонъ.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРАВОВЫХЪ ЯВЛЕНІЙ [1]).

V.

Образованіе классовыхъ понятій и критеріи правильности теоретическихъ понятій и сужденій.

Для научнаго рѣшенія проблемъ, состоящихъ въ образованіи тѣхъ классовыхъ понятій, которыя имѣютъ быть центральными и основными для цѣлыхъ наукъ или ихъ частей и развѣтвленій, слѣдуетъ не только принципіально отличать эти проблемы отъ вопросовъ о томъ, что какъ въ какой либо лингвистической сферѣ называется, и тщательно избѣгать всякаго смѣшенія соотвѣтственныхъ, по существу совершенно различныхъ, точекъ зрѣнія, данныхъ и т. д., но и отрѣшиться вообще и прежде всего отъ такихъ или иныхъ собственныхъ или чужихъ привычекъ называнія объектовъ изслѣдуемыхъ областей и оставить вопросъ о называніи совсѣмъ въ сторонѣ. Классъ и его понятіе, съ одной стороны, названія классовъ съ другой стороны—совершенно различныя и другъ съ другомъ ничего общаго не имѣющія вещи, и очень важно къ вопросамъ о классахъ и классовыхъ понятіяхъ, какъ таковыхъ, не припутывать вопросовъ о словахъ, именахъ и называніяхъ.

Что такое классы и классовыя понятія мы опредѣлили выше (IV, стр. 92). Изъ этого опредѣленія видно, что всякая

---

[1]) См. Вѣстникъ Права, 1904 г., № 5, стр. 91 и слѣд.

мысль, соотвѣтствующая схемѣ: „все, что обладаетъ признакомъ *a*“ будетъ классовымъ понятіемъ, а всѣ мыслимые объекты (независимо отъ существованія въ дѣйствительности), соотвѣтствующіе такой идеѣ (всѣ объекты, обладающіе свойствомъ *a*), будутъ составлять классъ. Напр., „все бѣлое“, „черные предметы“, „круглыя вещи“, „предметы длиною въ аршинъ“, „птицы, несущія золотыя яйца“—классы, а соотвѣтствующія идеи—классовыя понятія.

Отсюда слѣдуетъ:

1. Что образованіе классовыхъ понятій и классовъ, какъ таковое, отнюдь не предполагаетъ какихъ бы то ни было умышленныхъ или неумышленныхъ порочныхъ круговъ (ср. выше IV, стр. 98); подставляя въ схему: „все, обладающее свойствомъ *a*“ вмѣсто *a* какой либо признакъ, мы вовсе не совершаемъ никакого логическаго круга и вообще никакой нелогичности.

2. Что для образованія классовыхъ понятій отнюдь не требуется обозрѣнія всевозможныхъ объектовъ ихъ для констатированія наличности какихъ либо всѣмъ имъ общихъ признаковъ. При правильномъ пониманіи существа классовыхъ понятій и ихъ образованія это оказывается не только неисполнимымъ, но и совершенно лишнимъ, лишеннымъ смысла. Подставляя въ нашу схему какіе либо признаки и образуя такимъ образомъ классовыя понятія, мы тѣмъ самымъ, безъ всякихъ вообще дальнѣйшихъ работъ, достигаемъ того, что всѣ объекты нашихъ классовыхъ понятій будутъ обладать общими признаками—на томъ простомъ основаніи, что только тѣ предметы, которые обладаютъ тѣмъ, что мы возвели въ классовый признакъ, и будутъ относиться къ данному классу. Напр., всѣ объекты образованнаго нами понятія „бѣлые предметы“ неизбѣжно будутъ обладать общимъ свойствомъ—бѣлизною, но не потому, чтобы мы для образованія этого понятія предварительно исполнили невозможную и нелѣпую работу осмотра всѣхъ бѣлыхъ предметовъ, а потому, что, образовавъ понятіе „бѣлые предметы“, такъ и слѣдуетъ относить къ этому классу отнюдь не черные и т. п., а конечно бѣлые и только бѣлые предметы. Между прочимъ, цѣнность классо-

выхъ понятій, какъ особыхъ орудій мышленія, добыванія и примѣненія познаній, состоитъ въ значительной степени, какъ яснѣе будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, въ томъ, что они обнимаютъ и будущія, еще не существовавшія и потому не имѣвшія возможности быть подвергнутыми наблюденію, явленія, и вслѣдствіе этого служатъ средствомъ предвидѣнія такихъ или иныхъ результатовъ разныхъ возможныхъ факторовъ и воздѣйствій, въ томъ числѣ такихъ или иныхъ поступковъ. Съ традиціонной точки зрѣнія осмотра объектовъ образуемаго понятія для констатированія наличности всѣмъ имъ общихъ признаковъ, понятія имѣли бы только такъ сказать ретроспективное, воспоминательное значеніе.

3. Точно также не требуется для образованія понятій исполненія (еще болѣе невозможной, если можно говорить о степеняхъ невозможности) работы обзора прочихъ, хотя бы только „сродныхъ" объектовъ для нахожденія отличительныхъ, у всѣхъ прочихъ объектовъ отсутствующихъ, признаковъ. При правильномъ пониманіи существа классовыхъ понятій и ихъ образованія и это оказывается не только неисполнимымъ, но и совершенно лишнимъ, лишеннымъ смысла. Подставляя въ нашу схему какіе либо признаки и образуя такимъ образомъ классовыя понятія, мы тѣмъ самымъ, безъ всякихъ вообще дальнѣйшихъ работъ, достигаемъ того, что всѣ объекты нашихъ классовыхъ понятій будутъ обладать отличительными признаками—на томъ простомъ основаніи, что всѣ тѣ предметы, которые обладаютъ тѣмъ признакомъ, который мы возвели въ классовый, будутъ относиться къ данному классу, стало быть, за предѣлами его останутся лишь предметы, не обладающіе этимъ признакомъ, стало быть, отличные отъ объектовъ нашего класса. Напр., всѣ объекты образованнаго нами понятія „бѣлые предметы" неизбѣжно будутъ отличаться своимъ цвѣтомъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, но не потому, чтобы мы исполнили невозможную и нелѣпую работу осмотра всѣхъ прочихъ или хотя бы только „сродныхъ", напр., свѣтло-сѣрыхъ и т. п. предметовъ, а потому, что, образовавъ понятіе „бѣлые предметы", мы и должны относить къ этому классу все бѣлое и не относить не-бѣлые предметы.

4. Изъ двухъ предыдущихъ положеній видно, что при надлежащемъ пониманіи и образованіи классовыхъ понятій не можетъ вовсе быть такихъ бѣдствій и затрудненій, борьба съ которыми представляетъ главное занятіе изслѣдователей, пытающихся образовать понятія права, нравственности, государства и множество другихъ безуспѣшно отыскиваемыхъ понятій, и которыя состоятъ въ томъ, что оказываются наличными такіе предметы, которые „противорѣчатъ" предлагаемымъ формуламъ, напр., „нормы права", которыя не обладаютъ признакомъ, объявленнымъ общимъ „всѣмъ нормамъ права", или такіе „нравы", которые обладаютъ тѣмъ, что объявлено отличительнымъ признакомъ „права" отъ „нравовъ"; одни предметы не подходятъ подъ выставленную формулу, такъ что приходится ихъ насильно, путемъ разныхъ, съ логической точки зрѣнія весьма рѣшительныхъ и болѣзненныхъ, операцій, подводить подъ понятіе, а другіе, непрошенные, предметы сами лѣзутъ въ рамки понятія, такъ что приходится разными отчаянными мѣрами заграждать имъ путь, не пускать. Эти затрудненія объясняются отсутствіемъ правильнаго пониманія существа классовыхъ понятій и надлежащихъ пріемовъ ихъ образованія и (какъ уже указано выше) отождествленіемъ проблемъ образованія понятій съ опредѣленіемъ того, что въ извѣстной лингвистической сферѣ по привычкѣ называется извѣстнымъ именемъ.

Если исходить изъ словъ и ихъ примѣненія, составлять коллекціи примѣровъ объектовъ называемыхъ такъ то и объектовъ называемыхъ иначе и заниматься отысканіемъ признаковъ, наличныхъ во всѣхъ примѣрахъ перваго рода и отсутствующихъ во всѣхъ примѣрахъ второго рода, тогда, конечно, часто должно случаться, что образованная по однимъ примѣрамъ формула не подойдетъ къ другимъ примѣрамъ примѣненія тѣхъ же словъ. Если же образовать классовыя понятія не по именамъ и привычкамъ ихъ примѣненія, а по свойствамъ предметовъ по указанной схемѣ и въ указанномъ смыслѣ, то никакихъ предметовъ, „противорѣчащихъ" образуемымъ такимъ образомъ понятіямъ, по самому существу дѣла быть не можетъ.

Вообще правильно понимаемое образованіе понятій, какъ таковое, не встрѣчаетъ никакихъ особыхъ препятствій и затрудненій и не предполагаетъ для ихъ устраненія или обхода ни какихъ либо „гносеологическихъ" или иныхъ тонкостей, ни какихъ либо умышленныхъ или неумышленныхъ логическихъ погрѣшностей и т. п. [1]). Вмѣсто обозрѣнія необозримаго множества предметовъ для образованія одного понятія (да и то съ нарушеніемъ общихъ началъ человѣческой логики), на самомъ дѣлѣ достаточно взгляда на одинъ какой либо предметъ, чтобы имѣть достаточно матеріала для логически вполнѣ корректнаго образованія множества классовыхъ понятій—путемъ подставленія въ общую схему понятій различнѣйшихъ признаковъ этого предмета (напр., предметы такой то формы,—такого то объема, предметы такого то вѣса,—состава, цвѣта, и проч. и проч.). Для этого не нужно даже подвергать что либо конкретное осмотру или изученію. Откуда бы и по какому бы поводу намъ ни пришли въ голову представленія какихъ либо свойствъ, признаковъ, мы можемъ ихъ возвести въ классовые признаки и образовать такимъ образомъ классовыя понятія и классы [2]).

Но далѣе возникаетъ выходящій уже за предѣлы общихъ началъ человѣческой логики, но весьма важный съ точки зрѣнія науки и научной методологіи, вопросъ такого свойства:

---

[1]) Ср. выше, IV. Разныя гносеологическія и логическія тонкости и осложненія, крайне запутывающія и затемняющія ученія современныхъ передовыхъ логиковъ объ образованіи понятій (ср., напр., наиболѣе выдающееся вообще руководство по логикѣ новѣйшаго времени, Sigwart, Logik, т. I §§ 40 и сл., т. II § 75 и сл., § 94), объясняются главнымъ образомъ ошибочными представленіями о существѣ понятій. Подробное изложеніе и разборъ разныхъ сюда относящихся современныхъ теорій и недоразумѣній потребовали бы здѣсь слишкомъ много мѣста; для нашей цѣли изложенныя выше и слѣдующія ниже замѣчанія, которыя, впрочемъ, содержатъ вмѣстѣ съ положительною теоріей образованія научныхъ понятій также implicite и критику разныхъ другихъ теорій, представляются достаточными.

[2]) Заниматься перечисленіемъ всевозможныхъ поводовъ образованія классовыхъ понятій, напр., всѣхъ сортовъ умственныхъ процессовъ, которые могутъ насъ привести къ концепціи такихъ или иныхъ классовыхъ понятій (куда, между прочимъ, относятся и сновидѣнія) было бы, очевидно, празднымъ дѣломъ, лишенною смысла тратою времени.

Далеко не всѣ безукоризненные съ обще-логической точки зрѣнія классовыя понятія и классы могутъ имѣть значеніе и цѣнность въ наукѣ, какъ таковой. И такія напр. классовыя понятія и классы, какъ: сигары въ 10 к. цѣною или—въ 10 лотовъ вѣсомъ, животныя съ длинными ногами и короткимъ хвостомъ и т. п. ничѣмъ не грѣшатъ противъ логики; но научное ихъ значеніе болѣе чѣмъ сомнительно.

И вотъ спрашивается: каковы условія и критеріи годности классовыхъ понятій (предполагая ихъ обще-логическую безпорочность) съ точки зрѣнія задачи научнаго познанія и объясненія явленій?

Мы уже знаемъ, что такимъ критеріемъ отнюдь не можетъ служить согласіе понятія съ общимъ, а тѣмъ болѣе съ профессіональнымъ или инымъ спеціально-практическимъ словоупотребленіемъ; но теперь требуется положительно указать, что нужно принимать во вниманіе, чтобы образовать надлежащія научныя понятія; что можетъ служить оправданіемъ и обоснованіемъ научной удовлетворительности предлагаемыхъ кѣмъ либо классовыхъ понятій; что является надлежащимъ масштабомъ для сознательно научной критики множества уже существующихъ, но еще надлежащей критикѣ не подвергнутыхъ понятій, и т. д.

Удовлетворяющими задачѣ научнаго познанія и объясненія явленій слѣдуетъ признавать такіе классовыя понятія и классы, относительно коихъ существуютъ или могутъ быть образованы адэкватныя научныя теоріи.

Подъ теоріями мы здѣсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи разумѣемъ утвержденія какихъ либо истинъ относительно классовъ объектовъ, будутъ ли это отдѣльныя сужденія этого рода, или большія или меньшія ихъ совокупности, или же цѣлыя самостоятельныя науки или болѣе или менѣе обширныя части ихъ; напр., біологія, соціологія, психологія суть теоріи въ нашемъ смыслѣ, поскольку онѣ содержатъ или стремятся создать совокупности истинъ, касающихся классовъ: явленія жизни, общественныя, психическія явленія и т. д. [1]). Научныя

---

[1]) Слово „теорія“ весьма часто примѣняется, но не имѣетъ не только въ

теоріи—сознательно-методически (и систематически) обоснованныя теоріи, или теоріи вмѣстѣ съ ихъ научно-методическими основаніями.

обиходномъ языкѣ, но и въ научной литературѣ, въ томъ числѣ юридической, характера имени опредѣленнаго класса, а употребляется въ различныхъ смыслахъ или вообще безъ ясно сознаваемаго смысла. Между прочимъ, Штаммлеръ, выступая въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи: „Die Lehre von dem richtigen Rechte", 1902, въ пользу учрежденія, въ качествѣ особой самостоятельной правовой науки, такой дисциплины, которая бы, въ отличіе отъ существующихъ юридическихъ наукъ, изучающихъ положительное право, какъ оно есть, развивала начала правильнаго, надлежащаго права, способнаго вызвать опредѣленные благіе результаты (ein gewisser Erfolg), предлагаетъ называть эту будущую науку „теоретическимъ правовѣдѣніемъ". Существующія уже юридическія дисциплины, въ томъ числѣ т. н. „общее ученіе о правѣ" („Allgemeine Rechtslehre oder jurist. Principienlehre", стр. 4) онъ называетъ „техническимъ правовѣдѣніемъ" („technische Rechtslehre"), стр. 3 и сл. Авторъ вообще обнаруживаетъ необычную въ нѣмецкой научной литературѣ склонность придавать путемъ особыхъ наименованій, особыхъ имѣющихъ своеобразный и подчасъ замысловатый видъ формулъ и т. п. внѣшнихъ средствъ оригинальный видъ идеямъ, которыя бы безъ такихъ масокъ не произвели впечатлѣнія оригинальныхъ идей. (Напр., идея, положенная Штаммлеромъ въ основу его сочиненія объ отношеніи хозяйства и права, „Wirthschaft und Recht", и формулированная имъ такъ, что право является „формою", а экономическія явленія „матеріею", какъ видно изъ разныхъ частей его же сочиненія, сводится, говоря болѣе ясными и опредѣленными терминами, къ той, уже предложенной и проведенной въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ юридико-экономическихъ изслѣдованій до появленія сочиненія Штаммлера, теоріи, по которой экономическія явленія опредѣляются правовою мотиваціей, мотивами массоваго поведенія, исходящими отъ права; подъ имѣющею весьма глубокомысленный и замысловатый видъ формулою выставленнаго Штаммлеромъ въ томъ же сочиненіи соціальнаго идеала: „общеніе свободно хотящихъ людей", „eine Gemeinschaft frei wollender Menschen" скрывается идеалъ любви, „свободы отъ эгоизма", ср. полемическія замѣчанія автора по этому вопросу по моему адресу въ его сочиненіи „Das Recht der Schuldverhältnisse". 1897, стр. 41, и проч. и проч.). Продуктомъ той же склонности является, повидимому, и идея желательности и необходимости основанія особой самостоятельной правовой науки, «теоретическаго правовѣдѣнія»; авторъ избѣгаетъ болѣе естественнаго и подходящаго имени «политика права», подъ которымъ до него предлагалось основаніе соотвѣтственной, самостоятельной, методической и систематической дисциплины, и предпочитаетъ имя теоріи права, теоретическаго правовѣдѣнія. Оказалось это возможнымъ потому именно, что слово «теорія» не имѣетъ характера установившагося научнаго термина съ опредѣленнымъ смысломъ.

Сравнительно ясный и опредѣленный смыслъ имѣютъ въ научной литературѣ выраженія «теоретическая точка зрѣнія», «теоретическія науки» и т. п. въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ противопоставляется «практическая точка зрѣнія», «практическія науки» и т. п. Въ такихъ контекстахъ «теоретическая точка

Подъ „адэкватными" научными теоріями мы разумѣемъ такія теоріи, въ которыхъ то, что высказывается (логическія сказуемыя, предикаты вмѣстѣ съ ихъ основаніями), истинно именно относительно того класса объектовъ, о которомъ оно высказывается (мыслится); такъ что, если о какомъ либо видѣ какого либо рода или объ его подвидѣ и т. д., высказывается нѣчто такое, что на самомъ дѣлѣ истинно относительно всего рода или вообще болѣе обширнаго класса, или имѣется на лицо обратное несоотвѣтствіе, то это не будутъ адэкватныя теоріи въ нашемъ смыслѣ.

Для пониманія существа и научнаго значенія адэкватности теорій въ нашемъ смыслѣ необходимо принять во вниманіе слѣдующее:

Такія сужденія о классахъ и теоріи вообще, даже очень обильныя теоріи, которыя не содержатъ въ себѣ никакой прямой неправды, которыя правильны лишь въ томъ смыслѣ, что утверждаемое относительно даннаго класса не можетъ быть (основательно) отвергнуто относительно всѣхъ или нѣкоторыхъ объектовъ этого класса, можно было бы легко создавать въ неограниченномъ множествѣ относительно всевозможнѣйшихъ классовъ, хотя бы образованныхъ совершенно наудачу и случайно.

Напримѣръ, относительно классовъ: „сигары вѣсомъ въ 10 лотовъ", „собаки съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей" и т. п. можно было бы высказать столь большія массы такихъ „истинъ", образовать столь обширныя теоріи этого рода, что ихъ изложеніе заполнило бы многіе толстые томы. Относительно „сигаръ, вѣсящихъ 10 лотовъ" можно, напр., утверждать, что

зрѣнія» означаетъ, согласно этимологіи слова, точку зрѣнія объективнаго наблюденія и изученія, констатирующаго сущее, какъ оно есть, въ отличіе отъ точки зрѣнія желательнаго, должнаго и т. п. Въ этомъ смыслѣ и констатированіе какого либо конкретно-единичнаго факта, напр., что Сократъ умеръ отъ яда, будетъ теоретическимъ сужденіемъ; исторія, географія и т. д. будутъ теоретическими науками и т. д. Такъ какъ для противопоставленія «практической точки зрѣнія» нѣтъ лучшаго выраженія нежели «теоретическая точка зрѣнія», то это словоупотребленіе можетъ быть сохранено на ряду съ понятіемъ и именемъ «теорія», «теоріи» (или «теорія въ тѣсномъ смыслѣ») въ смыслѣ объективныхъ сужденій о классахъ и совокупностей такихъ сужденій.

онѣ, будучи приведены въ движеніе, стремятся двигаться въ томъ же направленіи и съ такою же скоростью (инерція), что онѣ подвержены земному притяженію, падаютъ (стремятся падать, поскольку нѣтъ тренія воздуха и иныхъ осложненій) по такимъ то законамъ, что онѣ подвержены расширенію отъ теплоты и проч. и проч. (ср. содержаніе механики и физики вообще); далѣе можно высказать множество истинныхъ положеній относительно ихъ химическаго состава и соотвѣтственныхъ безчисленныхъ общихъ всѣмъ имъ вслѣдствіе наличности общихъ составныхъ элементовъ (напр., углерода) химическихъ свойствъ (напр., горѣнія, частичной несгораемости и т. п.); по поводу разныхъ элементовъ ихъ состава (въ томъ числѣ, напр., никотина) можно сверхъ того высказать немало положеній о вліяніи ихъ куренія, введенія въ желудокъ путемъ ѣды и т. п. на животный или спеціально человѣческій организмъ; слѣдующіе томы нашей воображаемой „науки о сигарахъ вѣсомъ въ 10 лотовъ“ можно было бы заполнить истинами біологическаго характера по поводу клѣточной структуры табачныхъ листьевъ, свертки коихъ представляютъ сигары; затѣмъ истинами спеціально-ботаническаго характера, сначала такими, напр., которыми интересуются спеціалисты по общей анатоміи растеній и т. п., затѣмъ такими, которыя интересуютъ тѣхъ, которые спеціально изучаютъ нѣкоторыя вѣтви растительнаго царства, причемъ на каждую ступень приближенія отъ весьма обширнаго класса: „растенія“ до (сравнительно очень узкаго) класса: „табакъ“ можно было бы предназначить по одному тому. Но этимъ еще далеко не было бы исчерпано содержаніе возможной „науки о сигарахъ вѣсомъ въ 10 лотовъ“. Дѣло въ томъ, что объ этомъ классѣ можно было бы еще установить немало истинъ такого характера и направленія, какіе свойственны разнымъ общественнымъ наукамъ, напр., политической экономіи; такъ можно, напр., утверждать, что рыночная цѣна „сигаръ въ 10 лотовъ вѣсомъ“ находится въ такой то зависимости отъ спроса и предложенія, въ такой то зависимости отъ заработной платы, ренты, процента на капиталъ, и проч. и проч. Даже юристы, констатировавъ, что „сигары въ 10 лотовъ

вѣсомъ“ относятся къ „движимымъ вещамъ“, къ „замѣнимымъ вещамъ“ и т. п., сумѣли бы обогатить кое какими свѣдѣніями нашу воображаемую „науку“. Такого же рода обширныя „науки“ могли бы быть образованы относительно „собакъ съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей“, относительно „оловянныхъ солдатиковъ“ и т. п.

Но такія „науки“ были бы пародіей науки и нагляднымъ образцомъ того, какъ не слѣдуетъ образовать теорій; онѣ были бы иллюстраціей промаховъ и пороковъ, которыхъ тщательно слѣдуетъ избѣгать при образованіи научныхъ теорій. Ненаучность подобныхъ теорій, ихъ научная порочность состояла бы въ неадэкватности ихъ, а именно въ томъ, что высказываемое въ нихъ (логическія сказуемыя) было бы отнесено къ неподходящимъ, слишкомъ узко очерченнымъ классамъ, между тѣмъ какъ оно правильно и должно было бы быть отнесено къ болѣе обширнымъ классамъ; напр., положенія объ инерціи, о притяженіи къ землѣ и т. д. высказаны только относительно сигаръ, да еще почему то относительно „сигаръ вѣсомъ въ 10 лотовъ“ или относительно „собакъ съ длиннымъ хвостомъ и короткой шеей“, между тѣмъ, какъ дѣло идетъ о томъ, что въ дѣйствительности относится ко всѣмъ физическимъ тѣламъ, т. е. къ гораздо болѣе обширному классу предметовъ.

Такія теоріи не даютъ надлежащаго научнаго свѣта и даже затемняютъ существо дѣла. Онѣ способны вводить въ заблужденія, создавая ошибочныя предположенія, будто то свойство, которое приписано объектамъ даннаго класса, представляетъ особенность этихъ предметовъ, нѣчто имъ спеціально принадлежащее, и вызываютъ, тоже ошибочную, идею о существованіи какой то связи между тѣмъ, что приписано предметамъ, обладающимъ извѣстнымъ признакомъ, и этимъ признакомъ.

Конечно, утвержденія въ родѣ „сигары въ 10 лотовъ вѣсомъ подвержены земному притяженію“, „люди низкаго роста не могутъ жить безъ воздуха“ едва ли кого либо введутъ въ заблужденіе, будто иныя сигары и вообще иные вещественные предметы не подвержены земному притяженію, будто

необходимость воздуха для поддержанія жизни зависитъ отъ роста человѣка, и т. п.—потому что ясно и хорошо извѣстно, что это не такъ; и другіе логическіе пороки и неправильности безвредны, если они ясны, если, напр., ясна правильность противоположнаго ошибочно утверждаемому, и проч. Но въ случаяхъ отсутствія достаточной освѣдомленности въ области, о которой идетъ рѣчь, если выставляются такія теоріи съ неправильно подобраннымъ классомъ, заблужденія указаннаго рода вполнѣ естественны и могутъ быть весьма вредными.

Какъ бы то ни было, надлежащими, совершенными научными теоріями слѣдуетъ признавать лишь такія, въ которыхъ то, что высказывается, отнесено къ надлежащему, а именно къ столь обширному классу, какъ это по содержанію и основаніямъ высказываемаго соотвѣтствуетъ существу дѣла.

Другими словами: въ основу образованія научныхъ теорій должно быть положено въ качествѣ принципа научной методологіи то правило, что слѣдуетъ заботиться объ адэкватности теорій въ смыслѣ отнесенія высказываемаго къ надлежащимъ, достаточно обширнымъ классамъ объектовъ.

Такія теоріи, которыя грѣшатъ противъ начала достаточно обширнаго класса, т. е. теоріи, въ которыхъ сказуемыя отнесены къ слишкомъ узко очерченнымъ кругамъ объектовъ, мы будемъ называть хромыми теоріями (онѣ напоминаютъ неэстетическіе образы большихъ и громоздкихъ предметовъ, положенныхъ на недостаточныя по размѣру или числу подставки—„подлежащія").

Благопріятную почву для появленія и размноженія хромыхъ сужденій и цѣлыхъ болѣе или менѣе обширныхъ ученій съ такимъ порокомъ представляютъ, между прочимъ, такія области теоретическаго творчества, въ которыхъ изслѣдованіе подчиняется профессіональнымъ привычкамъ называнія или инымъ словоупотребленіямъ, снабжающимъ однимъ именемъ разные избранные виды или подвиды, или разновидности какого либо рода (болѣе обширнаго класса) съ исключеніемъ прочихъ видовъ или подвидовъ, или разновидностей того же

рода (изъ за меньшей практической годности ихъ или т. п.). Общимъ для всѣхъ такихъ одноименныхъ предметовъ будетъ все то, что является общимъ для того рода, изъ области котораго сдѣланъ наборъ этихъ разныхъ видовъ, подвидовъ и т. д.; но всѣ сужденія, констатирующія такія общія свойства, и ихъ совокупности, будутъ непремѣнно хромыми ученіями, ибо они отнесены не къ роду, какъ слѣдовало бы по началу надлежащаго класса, а лишь къ нѣкоторой части этого класса. Напр., относительно зелени въ кулинарномъ смыслѣ можно, конечно, высказать много такихъ положеній ботаническаго характера, которыя будутъ истинны относительно всѣхъ сортовъ зелени, но эти ученія будутъ хромыми ученіями: то, что обще всѣмъ сортамъ зелени, на самомъ дѣлѣ является общимъ для болѣе обширнаго круга предметовъ. Такой же характеръ имѣла бы зоологическая теорія „дичи“ въ кулинарномъ или охотничьемъ смыслѣ, и т. д. Между прочимъ, такого рода ученія—не только хромыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мнимыя теоріи (съ объективной точки зрѣнія вообще не теоріи), т. е. кромѣ хроманія онѣ страдаютъ еще тѣмъ порокомъ, что онѣ суть сужденія о мнимыхъ, на самомъ дѣлѣ, въ смыслѣ объективнаго различія и сходства явленій, вообще не существующихъ классахъ объектовъ (каковой порокъ—естественное явленіе вообще въ тѣхъ областяхъ изслѣдованія, гдѣ существуетъ подчиненіе руководству словъ, наименованій).

Дальнѣйшимъ обильнымъ источникомъ хромыхъ теорій является привнесеніе въ теоретическія изслѣдованія разныхъ практическихъ точекъ зрѣнія и тенденцій. Тѣ группы предметовъ, съ которыми связаны какіе либо современные практическіе интересы, обращаютъ на себя главное или исключительное вниманіе не только „практичныхъ людей“, но и изслѣдователей, заслоняя собою прочее, по объективной природѣ однородное, и на почвѣ такого суженія научнаго горизонта процвѣтаютъ хромыя теоріи, какъ подлинныя такъ и мнимыя.

Ниже мы будемъ имѣть случай указать еще на другія обстоятельства, способствующія въ связи съ упомянутыми тому, что совокупность существующихъ теоретическихъ мнѣ-

ній, убѣжденій, ученій—весьма нуждается въ тщательномъ критическомъ пересмотрѣ и исправленіи съ точки зрѣнія принципа надлежащаго, достаточно обширнаго класса.

Что касается самого исправленія, то: 1) для приведенія въ надлежащее состояніе подлинныхъ, но хромыхъ теорій, очевидно, необходимо замѣнить наличныя въ нихъ слишкомъ узкія классовыя понятія (и классы) надлежащими высшими, болѣе обширными понятіями, напр., подвиды видами или родами и т. д. (какъ узнать, что данный классъ слишкомъ узокъ и каковъ надлежащій классъ, объ этомъ ниже); иногда можетъ оказаться достаточнымъ образованіе и подставленіе одного надлежащаго понятія для исправленія весьма обширной теоріи, обширной совокупности классовыхъ сужденій; иногда для этой цѣли необходимо образовать цѣлый рядъ, цѣлую іерархическую лѣстницу понятій разныхъ высотъ (степеней общности); послѣднее въ томъ случаѣ, если данная болѣе или менѣе обширная теорія, напр., цѣлая теоретическая наука, представляетъ смѣсь положеній различныхъ степеней хроманія, напр., изъ того, что высказано о видѣ, къ которому теорія отнесена, кое что истинно относительно рода, кое что—относительно надъ-рода, кое что—относительно еще болѣе высокаго класса и т. д.; 2) для приведенія въ надлежащій видъ хромыхъ и въ то же время мнимыхъ теорій, напр., сужденій и совокупностей сужденій о сборныхъ, какимъ либо профессіонально-практическимъ именемъ внѣшне-объединенныхъ группахъ, необходимо найти тотъ классъ, изъ элементовъ коего набрана данная эклектическая группа; иногда сверхъ соотвѣтственнаго, ближайшаго класса окажется необходимымъ еще образованіе болѣе обширныхъ классовъ (см. выше sub 1).

Что касается результатовъ такой ревизіи и исправленій, то они могутъ быть двоякаго рода:

1. Простое упраздненіе теоріи безъ какого либо новаго положительнаго пріобрѣтенія для науки. Таковъ будетъ результатъ исправленія хромой, подлинной или мнимой, теоріи въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ надлежащаго исправленія окажется, что въ какой либо наукѣ уже есть соотвѣтствен-

ная, вполнѣ правильная теорія (ср., напр., разныя положенія приведенной выше „науки о сигарахъ въ 10 лотовъ вѣсомъ“). Впрочемъ, уже само очищеніе науки отъ мусора хромыхъ или еще болѣе уродливыхъ умственныхъ продуктовъ—хромыхъ и въ то же время и мнимыхъ теорій—есть нѣчто цѣнное.

2. Большинство хромыхъ теорій, естественно, именно тѣмъ держится, что нѣтъ надлежащихъ теорій, и это способствуетъ незамѣтности ихъ порока. Поэтому обыкновеннымъ результатомъ исправленія хромыхъ, какъ подлинныхъ, такъ и мнимыхъ теорій, будетъ нѣчто еще болѣе цѣнное для науки, нежели простое упраздненіе неправильной теоріи, а именно замѣна теоріи сравнительно узкой по объему, по области приложенія и неправильной—теоріей, вполнѣ правильной и болѣе широкой, болѣе научнаго свѣта дающей, такой теоріей, которая совершенна сама по себѣ и къ тому же освѣщаетъ и такія пространства, которыя при прежней, хромой теоріи находились вообще въ научномъ мракѣ. Пріобрѣтенія тѣмъ цѣннѣе въ обоихъ смыслахъ, чѣмъ большей степенью хроманія страдала теорія до исправленія, чѣмъ, слѣдовательно, больше происшедшее расширеніе класса; напр., замѣна одного изъ подвидовъ цѣлымъ видомъ—цѣнное пріобрѣтеніе, а замѣна одного изъ подвидовъ цѣлымъ родомъ или еще болѣе общимъ понятіемъ—еще болѣе грандіозное научное пріобрѣтеніе, и т. д.

Если фактическое положеніе въ наукѣ таково, что существуетъ нѣсколько дисциплинъ (или нѣсколько вѣтвей одной дисциплины), изучающихъ разныя категоріи сродныхъ предметовъ, т. е. разные виды (или неполные виды, избранные, привилегированные случайно подвиды и т. п.) одного и того же рода (напр., наука о правѣ—наука о нравственности), а теоріи соотвѣтственнаго общаго рода (напр., рода „этическія явленія“, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ болѣе общій классъ, включающій въ себѣ и право, и нравственность) не существуетъ, и на этой почвѣ эти сродныя, соподчиненныя вѣтви знанія загрязняются хромыми теоріями (разное изъ того, что имъ удается найти, какъ истинное и общее для всѣхъ

ими спеціально изучаемыхъ объектовъ, на самомъ дѣлѣ истинно относительно общаго, высшаго рода, напр., свойственно не спеціально нравственности, какъ таковой, или праву, какъ таковому, а этическимъ явленіямъ вообще);—то результатомъ ревизіи и корректуры съ точки зрѣнія нашего методологическаго принципа должно быть: 1) образованіе новой высшей, въ одинаковомъ отношеніи верховности ко всѣмъ сроднымъ дисциплинамъ находящейся науки (или вообще высшей теоріи); 2) очищеніе всѣхъ сродныхъ дисциплинъ сразу отъ соотвѣтственныхъ хромыхъ теорій.

Вообще изъ общаго методологическаго закона надлежащей общности теоретическаго класса-подлежащаго вытекаетъ на ряду съ другими слѣдующая частная теорема:

Если есть n видовъ сродныхъ предметовъ, то теоретическихъ наукъ, вообще теорій, должно быть $n+1$; напр., при наличности 2-хъ видовъ требуется $2+1=3$ науки; при наличности 3 видовъ—4 науки и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, если классъ a (напр., правовыя явленія) и классъ b (напр., нравственныя явленія)—дѣйствительно классы сродныхъ явленій, т. е. на ряду со своими спеціальными особенностями имѣютъ и общія черты и свойства, относятся къ тому же высшему роду, то для надлежащаго познанія объектовъ того и другого класса, необходимо какъ знаніе родовыхъ, общихъ, такъ и специфическихъ свойствъ; но при наличности только двухъ дисциплинъ, теоріи a (напр., права) и теоріи b (нравственности) такое знаніе невозможно въ видѣ вполнѣ правильныхъ теорій, а неизбѣжно или полное отсутствіе знанія родовыхъ свойствъ или же наличность въ обѣихъ дисциплинахъ хромыхъ теорій; для избѣжанія того или другого необходима наряду съ двумя видовыми дисциплинами, изучающими и излагающими специфическія особенности класса a и класса b, еще одна высшая, родовая дисциплина C, изучающая и излагающая свойственное общему роду. Также можно доказать необходимость 4-хъ теорій для изученія трехъ классовъ сродныхъ явленій, 5-ти теорій для изученія 4-хъ сродныхъ классовъ и т. д., однимъ словомъ необходимость $n+1$ теорій для n сродныхъ классовъ.

Съ помощью этой простой теоремы было бы, между прочимъ, легко открыть и доказать наличность въ наукѣ вообще не мало вредныхъ пробѣловъ и методологическую необходимость построенія многихъ теорій и даже цѣлыхъ новыхъ наукъ, которыя теперь, къ сожалѣнію, отсутствуютъ, хотя подчасъ для построенія ихъ есть даже готовый сырой матеріалъ—въ видѣ разныхъ хромыхъ болѣе спеціальныхъ ученій. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ соотвѣтственныя дисциплины уже существуютъ или стремятся зародиться, но вслѣдствіе отсутствія сознанія приведенныхъ методологическихъ принциповъ подвергаются сомнѣнію, отрицанію, нападкамъ, сами не могутъ точно и ясно опредѣлить своей темы, своего особаго предмета и доказать такимъ образомъ свое право на существованіе, и т. п.

Въ такомъ состояніи находится, между прочимъ, какъ это ни странно, почтеннѣйшая по положенію среди наукъ дисциплина—философія. Въ древности философами назывались вообще люди, посвящавшіе себя научнымъ размышленіямъ, а „философія“ означала вообще науку; затѣмъ постепенное расширеніе и спеціализація знанія повели къ образованію и выдѣленію изъ „философіи“ разныхъ спеціальныхъ наукъ, и въ концѣ концовъ философія очутилась предъ вопросомъ, что̀ же для нея остается. Всѣ темы и предметы изученія, повидимому, разобраны: явленія физическаго міра изучаетъ физика и цѣлый рядъ другихъ спеціальныхъ наукъ, психическія явленія изучаетъ психологія и т. д. Еще сохраняется традиція считать нѣкоторыя науки (главнымъ образомъ психологію, этику, эстетику и логику въ связи съ такъ называемой теоріей познанія) „философскими“, принадлежащими къ философіи и составляющими ея область дисциплинами [1]). Но это равняется отрицанію философіи, какъ особой науки; и то же слѣдуетъ сказать объ отождествленіи философіи съ одной какой либо изъ этихъ наукъ, напр., съ

[1]) Ср. W. Windelband, Geschichte der Philosophie, 2-te Aufl. §§ 1, 3, который, впрочемъ, относитъ къ философіи еще и разныя другія матеріи: „философію общества“, „философію исторіи“ и т. д.

теоріей познанія, этикой и т. п. Не спасаетъ философіи, какъ особой науки, и весьма распространенное мнѣніе, по которому особою задачею философіи является приведеніе въ общую, единую, согласную систему знаній, добываемыхъ отдѣльными науками [1]). Для такой функціи заведенія идейнаго порядка и системы между науками нѣтъ надобности въ спеціальной дисциплинѣ, потому что объ этомъ должны заботиться сами соотвѣтственныя науки безъ всякой посторонней указки (ср. выше III). Еще менѣе могутъ служить оправданіемъ и научнымъ опредѣленіемъ философіи и ея предмета разныя туманныя изреченія о задачѣ „выработки міросозерцанія" (Weltanschaung), „житейской мудрости" (Lebensweisheit), „житейскаго міросозерцанія" (Lebensansicht) и т. п.

Въ виду отсутствія научнаго оправданія философіи путемъ надлежащаго выдѣленія и опредѣленія для нея особаго предмета и особой области изслѣдованія, вполнѣ естественно, что многіе вообще относятся къ философіи отрицательно, не признаютъ совсѣмъ ея права на существованіе. Положимъ, несмотря на это, отъ времени до времени философія дѣлается не только терпимою, но даже и популярною и модною „наукою", и голоса скептиковъ заглушаются голосами приверженцевъ философіи (хотя они и не могутъ точно опредѣлить предмета своихъ симпатій); но это зависитъ отъ моды (отъ которой не зависятъ другія, болѣе прочно обоснованныя науки), а моды проходятъ...

Какъ бы то ни было вопросъ о предметѣ и задачѣ философіи и даже вопросъ о самомъ правѣ на существованіе философіи— до сихъ поръ спорные вопросы. Съ точки зрѣнія теоремы о необходимости $n+1$ наукъ для надлежащаго изученія n видовъ предметовъ вопросы эти получаютъ несомнѣнное, благопріятное для философіи, и притомъ ясно и точно опредѣленное рѣшеніе. А именно, съ точки зрѣнія этой методологиче-

---

[1]) Ср. напр., Wundt, Einleitung in die Philosophie §§ 1 и 2, который, впрочемъ, сверхъ того, относитъ къ философіи также „сведеніе примѣняемыхъ въ наукѣ общихъ методовъ и посылокъ познанія къ ихъ основнымъ началамъ"; такимъ образомъ и у него, какъ и у Виндельбанда, философія получаетъ сборный, эклектическій характеръ—характеръ суммы разнородныхъ темъ.

ской теоремы оказывается, что само представленіе о томъ, будто всѣ предметы изученія уже разобраны разными спеціальными науками, покоится на недоразумѣніи. Несмотря на то, что дѣйствительно физическіе предметы относятся къ области вѣдѣнія физики (въ общемъ смыслѣ наукъ, изучающихъ физическія явленія), а психическіе—къ вѣдѣнію психологіи (въ такомъ же общемъ смыслѣ), или точнѣе: именно потому, что къ области физическихъ наукъ относятся спеціально физическія, а къ области психологическихъ наукъ спеціально психическія явленія, необходима еще одна наука для изслѣдованія еще одного класса явленій, не относящагося къ вѣдѣнію этихъ наукъ. Этотъ классъ есть родъ, обнимающій собою какъ физическія, такъ и психическія явленія, какъ виды, подъ-классы, а именно классъ реальнаго вообще (все, что реально, все, что существовало, существуетъ или будетъ существовать). Иными словами: философія (здѣсь подъ философіей мы разумѣемъ „теоретическую философію" о такъ называемой практической философіи" см. ниже) есть или, точнѣе, должна быть спеціальною теоріею реальнаго (какъ единаго класса, высшаго, нежели классы: матеріальное и духовное) въ смыслѣ науки, спеціально изучающей то, что свойственно этому классу, въ отличіе отъ другихъ наукъ, изучающихъ иные классы: классъ физическихъ явленій (физика въ общемъ смыслѣ), классъ психическихъ явленій (психологія въ общемъ смыслѣ) [1].

---

[1]) Изъ предложеннаго понятія философіи какъ теоріи, имѣющей предметомъ своего особаго изученія классъ реальнаго вообще, вытекаетъ, между прочимъ:

1) Что философія принципіально отличается отъ какой то хотя бы въ стройнѣйшую систему приведенной компиляціи содержанія или главнаго содержанія всѣхъ наукъ (къ чему сводится наиболѣе распространенное теперь опредѣленіе философіи, слова „компиляція" впрочемъ естественно не примѣняющее). Философія—это спеціальная наука со спеціальнымъ содержаніемъ, такъ что ни одно положеніе какой бы то ни было другой науки не можетъ относиться, какъ таковое, къ ея содержанію, и ни одно положеніе философіи не можетъ, какъ таковое, быть (надлежащимъ) элементомъ, тезисомъ какой либо другой науки. Такое отношеніе рѣзкаго разграниченія, принципіальнаго несмѣшенія, существуетъ (должно существовать) и по отношенію къ наиболѣе сроднымъ наукамъ, къ наукамъ того же класса, т. е. къ теоріямъ, напр., къ физикѣ и психологіи. Даже

Сверхъ отсутствія порока хроманія для полной правильности теоріи требуется еще, чтобы то, что въ ней высказывается, было отнесено только къ тому классу предметовъ, относительно котораго оно правильно, а не къ болѣе широкому кругу предметовъ; требуется, чтобы теоретическія подлежащія были не только не слишкомъ узкими, но и не слишкомъ широкими по своему объему.

Такія теоріи, которыя страдаютъ порокомъ, состоящимъ въ отсутствіи ограниченія высказываемаго областью его истинности, въ распространеніи его за эти предѣлы, могутъ быть

теоретическіе предикаты, какъ таковые, должны быть принципіально различны въ этихъ наукахъ: въ случаѣ фактическаго совпаденія чего либо утверждаемаго въ философіи (т. е. относительно соотвѣтствующаго класса) съ утверждаемымъ въ физикѣ, психологіи или какой бы то ни было другой наукѣ слѣдовало бы предположить: или 1) что соотвѣтственное утвержденіе физика, психолога или т. п.—хромая теорія (напр., неправильно отнесено спеціально къ физическимъ явленіямъ то, что на самомъ дѣлѣ относится и къ не-физическимъ явленіямъ), или 2) что утвержденіе философа ошибочно, а именно о реальномъ, какъ родѣ, высказывается то, что правильно лишь относительно какого либо вида этого рода, напр., только относительно физическихъ или только психическихъ явленій („прыгающая теорія", ср. ниже). A fortiori это начало несмѣшенія относится къ наукамъ, которыя вообще не относятся къ классу теорій, высказываютъ совсѣмъ иного рода сужденія. Особеннаго упоминанія здѣсь заслуживаетъ въ этомъ направленіи наука, изучающая грандіознѣйшій конкретно-индивидуальный предметъ (сложный предметъ, комплексъ), включающій въ себѣ, въ качествѣ частицы землю и даже весь нашъ солнечный міръ, солнечную систему, а именно наука, изучающая весь „космосъ" міровыхъ тѣлъ. Заслуживаетъ особаго упоминанія, что философія и отъ этой науки принципіально отлична, что ея положенія ничего не имѣютъ общаго и съ положеніями этой науки, въ виду того, что въ разсужденіяхъ о философіи постоянно повторяются слова „міросозерцаніе", „Weltanschaung" и т. п. Для пріобрѣтенія правильнаго представленія о мірѣ, конечно, нужно знать разныя астрономическія и космографическія истины, но къ содержанію философіи эти истины совсѣмъ не относятся.

2) Что къ содержанію философіи спеціально относится отысканіе и констатированіе того, что истинно по отношенію ко всякому явленію, будетъ ли это, напр., паденіе камня или полетъ фантазіи въ душѣ поэта, любовь, ненависть и т. п. На отысканіе общей „природы", общихъ чертъ, общихъ свойствъ всѣхъ явленій, всего реальнаго—и должны быть направлены сознательныя и методическія усилія философскаго мышленія, и отъ успѣха такихъ изысканій, отъ нахожденія и научнаго обоснованія соотвѣтственныхъ истинъ, и зависитъ фактическое достиженіе философіи—въ смыслѣ научной теоріи реальнаго.

Возникаетъ вопросъ, особенно, напр., при мысли о столь непохожихъ другъ

названы, въ противоположность хромающимъ, прыгающими теоріями (въ нихъ сказуемыя совершаютъ прыжки чрезъ свои естественныя границы въ чуждыя области).

И этотъ, противоположный хроманію, порокъ представляетъ не только въ обыденномъ, житейскомъ мышленіи, но даже и въ наукѣ далеко не рѣдкость. Особенно распространенъ онъ въ области общественныхъ и вообще гуманитарныхъ наукъ. Это относится прежде всего къ такъ называемой соціологіи, „наукѣ объ обществѣ". Здѣсь мы имѣемъ предъ собою картину все возрастающаго множества конкурирующихъ теорій, изъ которыхъ каждая возводитъ какой либо

на друга явленіяхъ, какъ паденіе камня и мысль, есть ли вообще что либо общее (и спеціально свойственное) всему реальному, и этотъ вопросъ есть вопросъ to be or not to be для философіи.

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить: до сихъ поръ соотвѣтственныхъ истинъ научно найти и установить не удалось, но мы не знаемъ научныхъ основаній, по которымъ можно было бы утверждать, что этого не удастся достигнуть въ будущемъ; можетъ быть надлежащія сознательныя и методическія изслѣдсванія и увѣнчаются успѣхомъ; во всякомъ случаѣ соотвѣтственная проблема, какъ таковая, и притомъ, какъ вполнѣ серіозная и достойная вниманія научная проблема, существуетъ.

Между прочимъ, въ философской литературѣ различаются издревле два главныхъ направленія, двѣ главныя школы: матеріализмъ (болѣе древняя школа) и идеализмъ. Матеріализмъ представляетъ въ существѣ дѣла не что иное, какъ своеобразную теорію интересующаго насъ класса; ибо существо матеріалистической философіи сводится къ утвержденію, что все существующее, бывающее, въ томъ числѣ всѣ духовныя явленія имѣютъ одну природу, а именно матеріальную; всѣ явленія какъ физическія, такъ и психическія, по этой теоріи собственно—физическія явленія, сводятся къ матеріи и ея движенію. Это ученіе представляетъ не научно обоснованную теорію, а произвольное утвержденіе, и потому оно не можетъ считаться философіей въ смыслѣ науки философіи, научной философіи. Но если бы эту теорію удалось научно обосновать, то мы бы были въ обладаніи научной философіи въ установленномъ выше смыслѣ. Идеализмъ, идеалистическая философія тоже подходитъ подъ наше опредѣленіе если не философіи, въ смыслѣ науки, то во всякомъ случаѣ въ смыслѣ философіи, какъ особой темы для изслѣдованія; существо этого ученія (которое правильнѣе называть спиритуализмомъ) сводится къ тому, что все реальное имѣетъ духовную природу, есть проявленіе одного общаго духовнаго начала. Нѣкоторые спиритуалисты, напр., Шопенгауеръ, Гартманнъ, Вундтъ, усматриваютъ это духовное начало въ „волѣ" (волюнтаризмъ), другіе въ разумѣ, интеллектѣ (интеллектуализмъ). Но и эти теоріи, къ сожалѣнію,—произвольныя, научно не обоснованныя утвержденія, такъ что и научной идеалистической философіи не существуетъ.

особый факторъ или элементъ человѣческой жизни въ „основу" всей общественной жизни и ея исторіи, всѣхъ общественныхъ процессовъ; одни соціологи утверждаютъ, что основою всего въ человѣческомъ обществѣ, факторомъ, опредѣляющимъ всѣ прочія явленія (напр., право, нравственность, религію, науку и т. д.) являются условія производства матеріальныхъ благъ, производительныя силы и орудія производства (т. н. экономическій матеріализмъ, соціологическій марксизмъ); другіе все сводятъ къ подражанію со стороны членовъ общенія болѣе выдающимся и проявляющимъ личное творчество индивидамъ (Тардъ и др.); третьи все сводятъ къ столкновенію и покоренію однихъ племенъ и иныхъ общественныхъ группъ другими (Гумпловичъ); четвертые считаютъ рѣшающими борьбу за существованіе и естественный подборъ (соціологи-дарвинисты); пятые корень всего видятъ въ свойствахъ расы, шестые въ физико-географическихъ условіяхъ жизни даннаго общества, и проч. и проч. Не требуется болѣе подробнаго изученія и критики этихъ и т. п. въ изобиліи фабрикуемыхъ въ соціологической литературѣ теорій, а достаточно очень простыхъ общихъ соображеній, чтобы сказать, что соціологія представляетъ своего рода музей научной патологіи, а именно обильную коллекцію разныхъ прыгающихъ теорій. Если бы смыслъ этихъ и т. п. теорій состоялъ только въ утвержденіи, что такой то, облюбованный данною теоріей, факторъ имѣетъ свою, такую то, область дѣйствія и долю значенія въ общественной жизни и ея исторіи, то всѣ или многія изъ такихъ теорій могли бы быть истинными. Но такъ какъ онѣ имѣютъ не такой скромный смыслъ, а заявляютъ такія притязанія, которыя находятся другъ съ другомъ въ коллизіи, другъ друга исключаютъ, а именно одна теорія утверждаетъ, что въ общественныхъ явленіяхъ все—*а* (всеопредѣляющимъ является такой то факторъ), другая, что отнюдь не *а*, а напротивъ *в*, третья, что все—*с* (но отнюдь не *а* и не *в*) и т. д., то по основному „закону логики", т. н. закону противорѣчія, онѣ не могутъ быть одновременно истинными, а должны быть всѣ, кромѣ одной (если не всѣ), ложными сужденіями; ихъ ложность можетъ

быть или абсолютная, или относительная; абсолютная въ томъ случаѣ, если облюбованный данною соціологическою теоріею факторъ: *а* или *в*, или *с* и т. д. или не существуетъ, или не играетъ никакой роли въ общественной жизни, не вызываетъ въ этой области никакихъ послѣдствій; относительная— если факторъ существуетъ и не лишенъ причинныхъ свойствъ, вызываетъ свои послѣдствія въ общественной жизни, но только его дѣйствія скромнѣе, уже, чѣмъ полагаетъ данный соціологъ (т. е. его теорія—прыгающая теорія).

Какъ ни велика научная легкомысленность утвержденій, господствующая въ соціологической литературѣ, но ужъ a priori невѣроятно было бы предположить перваго рода ложность всѣхъ или хотя бы значительной части этихъ теорій; и въ дѣйствительности дѣло идетъ о факторахъ и явленіяхъ несомнѣнно существующихъ и не лишенныхъ каузальныхъ свойствъ въ общественно-исторической жизни людей. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ производствомъ и скопленіемъ прыгающихъ теорій. То же можно было бы доказать (тоже не теряя времени на разборъ соотвѣтственныхъ теорій въ отдѣльности) на основаніи общихъ соображеній о причинной связи явленій, о необходимомъ участіи даже въ простѣйшихъ явленіяхъ, напр., при паденіи камня, множества причинныхъ факторовъ (напр., наличности воздуха, солнца и т. п.), и притомъ участія, такъ сказать, на равныхъ правахъ; причемъ изъ соотвѣтствующихъ общихъ соображеній можно было бы вывести даже больше, чѣмъ изъ закона противорѣчія, а именно, что всѣ теоріи указаннаго рода (а не всѣ кромѣ развѣ одной) необходимо должны быть прыгающими теоріями (развѣ, что нѣкоторыя еще хуже—абсолютно-ложны); и что вообще такого рода творчество и направленіе мысли, которое вошло въ обычай въ соціологіи, только и можетъ вести къ созданію научно-патологическихъ продуктовъ—прыгающихъ теорій [1]).

[1]) Съ другой стороны, было бы ненаучно думать, что можно было бы создать науку соціологіи путемъ принятія во вниманіе и перечисленія тѣхъ милліоновъ факторовъ, которые являются дѣйствительно факторами въ общественной жизни и исторіи; такая соціологія была бы очень длиннымъ (но всетаки неполнымъ) каталогомъ всевозможныхъ вещей. Къ вопросу о научной постановкѣ проблемы соціологіи авторъ имѣетъ въ виду возвратиться въ другомъ сочиненіи.

Путемъ аналогочныхъ соображеній (съ точки зрѣнія общихъ началъ логики или съ точки зрѣнія природы причинной связи явленій) можно было бы обнаружить и въ разныхъ другихъ гуманитарныхъ наукахъ и разныхъ ихъ частяхъ наличность множества прыгающихъ теорій (напр., относительно происхожденія и развитія права въ правовѣдѣніи,—нравственности въ наукѣ о нравственности, религіи въ такъ называемой „философіи религіи" и т. д.).

Меньше всего такого рода научной патологіи изъ общественныхъ наукъ имѣется, повидимому, въ (теоретической) политической экономіи—наукѣ, вообще наиболѣе успѣшной и научной изъ всѣхъ общественныхъ дисциплинъ. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе состоянія нѣкоторыхъ ея ученій, хотя бы, напр., такихъ, какъ ученіе о цѣнности, о рентѣ, о предпринимательской прибыли, показало бы, что даже и эта общественная наука не мало страдаетъ отъ тенденціи образованія прыгающихъ теорій. А если принять во вниманіе, съ одной стороны, содержаніе ея положительныхъ и весьма цѣнныхъ теоретическихъ продуктовъ, напр., закона спроса и предложенія и т. п., а съ другой стороны, существующія опредѣленія того, о чемъ собственно толкуетъ наука политической экономіи, теоріей чего она себя считаетъ, опредѣленія „хозяйства", „хозяйственныхъ явленій", то окажется, что эта наука, какъ цѣлое,—прыгающая теорія. Ибо ея ученія весьма цѣнны и превосходны во многихъ отношеніяхъ,—но только они истинны лишь по отношенію къ частицѣ того, что она считаетъ своимъ предметомъ, что она опредѣляетъ, слѣдуя руководству словоупотребленія, какъ „хозяйство", „хозяйственное явленіе" и т. п. Въ дѣйствительности ея истины—дѣйствительно истины только по отношенію къ той частицѣ „хозяйственныхъ" явленій въ смыслѣ обычнаго словоупотребленія и пытающихся опредѣлить смыслъ и объемъ соотвѣтственныхъ именъ (впрочемъ, несогласныхъ другъ съ другомъ) опредѣленій экономистовъ, которая представляетъ индивидуальное и массовое поведеніе людей, опредѣляемое типическою мотиваціею, исходящею изъ институтовъ гражданскаго права (институтовъ частной собственности, обязатель-

но-договорнаго права, семейственнаго и наслѣдственнаго права)[1].

Вообще некритическое подчиненіе привычкамъ наименованія (вмѣсто самостоятельнаго образованія научно-подходящихъ классовыхъ понятій) является обильнымъ источникомъ не только хромыхъ (ср. выше), но и прыгающихъ теорій. Разъ данная теоретическая наука, выставляя такія или иныя общія утвержденія, опредѣляетъ классъ, къ которому эти утвержденія относятся не по существу дѣла, а по тому, къ чему какое либо слово примѣняется въ качествѣ общаго имени въ такой или иной лингвистической сферѣ, то естественно, что часто должны получиться разныя несоотвѣтствія: то опредѣленный такимъ образомъ классъ будетъ слишкомъ узкій (и теорія будетъ хромать), то онъ будетъ слишкомъ широкій (и теорія будетъ прыгать).

Въ частности и подчиненіе профессіональнымъ и инымъ спеціально-практическимъ привычкамъ называнія—хотя природѣ этого явленія болѣе соотвѣтствуетъ хроманіе теорій (сравн. выше)—порождаетъ нерѣдко и противоположное несоотвѣтствіе, бываетъ источникомъ прыгающихъ теорій. Если данная теоретическая дисциплина руководствуется спеціально-практическими именами, обнимающими сборныя группы разнохарактерныхъ предметовъ, принимаемыхъ вслѣдствіе ихъ одноименности за одинаковые по своей объективной природѣ, то это весьма благопріятная почва для отнесенія разныхъ мнѣній и утвержденій, составившихся на почвѣ изученія такихъ или иныхъ элементовъ этой сборной группы ко всей одноименной группѣ, т. е. и къ такимъ ея частямъ, которыя имѣютъ иной характеръ и являются для соотвѣтственнаго сказуемаго неподходящею областью. Эта тенденція образованія прыгающихъ (и въ данномъ случаѣ въ то же время мнимыхъ теорій, ср. выше стр. 98) теорій получаетъ естественно особенно упорный характеръ въ томъ случаѣ, если какой либо изъ разныхъ элементовъ сборной одноименной группы

---

[1]) Ср. L. v. Petrażycki, Lehre v. Einkommen II, 1895 г., Anhang: Entwurf (II), Civilpolitik und politische Oekonomie.

по какимъ либо причинамъ обращаетъ на себя главное вниманіе, является главнымъ источникомъ примѣровъ и образцовъ, путемъ изученія коихъ составляются общія мнѣнія и утвержденія. Если, напр., въ данной дисциплинѣ, посвященной изученію сборной одноименной группы $A + b + c$, элементы b и c остаются обыкновенно въ тѣни, а главную роль играетъ элементъ A, то чѣмъ больше A преобладаетъ и закрываютъ собою b и c, тѣмъ лучше почва для появленія прыгающихъ теорій (и тѣмъ болѣе правильное и однообразное направленіе получитъ прыганіе сказуемыхъ: прыжки будутъ направляться именно отъ A къ b и c, а не отъ b или c на цѣлую группу [1]).

И привнесеніе практическихъ точекъ зрѣнія и тенденцій въ теоретическія изслѣдованія представляетъ обильный источникъ не только хромыхъ, но и прыгающихъ теорій. Если практическое значеніе какихъ либо объектовъ превращаетъ ихъ въ привилегированный предметъ изученія, въ привилегированное подлежащее для предикатовъ, которые должны были бы быть относимы къ болѣе обширнымъ классамъ, то мы имѣемъ хромыя теоріи; но бываетъ и такъ, что практически привилегированная группа бываетъ спеціальнымъ источникомъ добыванія сказуемыхъ, относимыхъ къ болѣе обширному классу, по отношенію къ которому они являются прыгающими утвержденіями. Правовѣдѣніе представляетъ главнымъ образомъ совокупность дисциплинъ, посвященныхъ толкованію и обработкѣ современнаго дѣйствующаго права для примѣненія его на практикѣ, въ судахъ, и т. д.; но тѣ сужденія, которыя образуются на этой почвѣ, упорно стремятся распространиться на право вообще, или, смотря по спеціаль-

[1]) Какъ увидимъ ниже, въ правовѣдѣніи роль A въ сборной группѣ „право въ юридическомъ смыслѣ" играетъ оффиціально внутри государства дѣйствующее право, а роль b международное право, и вотъ разныя мнѣнія и утвержденія, возникающія на почвѣ изученія этого A, напр., о необходимости для права признанія со стороны органовъ госуд. власти, со стороны надлежащаго начальства (каковаго въ международной области вообще не существуетъ), о повелительной природѣ права, о принудительности правовыхъ нормъ (о существованіи организованнаго принужденія со стороны надлежащаго начальства) и проч.— упорно распространяются на всю одноименную группу, на все „право" въ смыслѣ юридически-профессіональнаго словоупотребленія.

ности, на государственное право и государство вообще, и т. п., хотя то, что правильно относительно современнаго государства, современнаго права, далеко не всегда можетъ быть утверждаемо о правѣ, о государствѣ вообще. Очень распространенный видъ прыгающихъ теорій представляютъ такія, въ которыхъ что либо утверждается, какъ общій законъ, напр., что каждое дѣйствіе предпринимается для какой либо цѣли, что цѣлью всякаго дѣйствія бываетъ достиженіе извѣстной пользы или избѣжаніе вреда (утилитаризмъ), или достиженіе извѣстнаго удовольствія или избѣжаніе страданія (гедонизмъ) и т. п.—потому что данному изслѣдователю кажется, что иное было бы практически нелѣпымъ, безсмысленнымъ и т. п. [1]).

Исправленіе прыгающихъ теорій, очевидно, должно состоять въ замѣнѣ слишкомъ широкихъ круговъ предметовъ

---

[1]) Что теоріи, по которымъ всякое дѣйствіе опредѣляется цѣлью, и цѣль всегда состоитъ въ достиженіи пользы,—удовольствія и т. п. суть прыгающія теоріи, см. ниже. Къ числу представителей этихъ прыгающихъ теорій и соотвѣтственнаго смѣшенія практической и теоретической точки зрѣнія относятся, между прочимъ, и наиболѣе выдающіеся логики новаго времени: Милль и Зигвартъ. По мнѣнію Зигварта (Vorfragen der Ethik, стр. 6), „вполнѣ свободная отъ эгоизма воля есть нѣчто невозможное. Совершенно правильно указываютъ на то, что созданіе эффекта, отъ котораго бы ни для кого не было никакой пользы и которое бы не вызывало ни у кого чувства удовольствія, не можетъ быть разумнымъ образомъ цѣлью (vernünftigerweise kein Zweck sein kann); но если къ этому присоединяется оговорка, что человѣкъ долженъ стремиться къ достиженію не удовольствія для себя, а счастья для другихъ, то и это невозможное требованіе. Онъ не можетъ по своей природѣ въ дѣйствительности желать чего либо такого, что не доставляетъ ему личнаго чувства удовлетворенія; онъ желаетъ въ извѣстномъ смыслѣ себя самого, своего собственнаго блага, и это относится ко всякой волѣ... Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ утверждать, что не только эвдемонизмъ, сообразованіе поведенія съ чувствами удовольствія вообще, но и эгоизмъ, сообразованіе поведенія съ собственнымъ личнымъ удовольствіемъ, необходимо содержится во всякой человѣческой волѣ“ и проч.

Если авторитетнѣйшій изъ современныхъ логиковъ полагаетъ, что соображеніе о томъ, что можетъ быть разумною цѣлью, есть научное доказательство того, что люди всегда такою цѣлью и руководятся, то нельзя удивляться, если нѣкоторые юристы, особенно, напр., Іерингъ и наиболѣе вѣрные его подражатели, вообще не обнаруживаютъ способности различать вопросовъ о томъ, что практично, цѣлесообразно, съ одной стороны, что есть, бываетъ, съ другой стороны, если они на каждомъ шагу возводятъ кажущееся имъ практичнымъ, цѣлесообразнымъ и т. п. въ законы сущаго, въ общія (прыгающія) теоріи.

надлежащими, болѣе узкими классами. По отношенію къ подлиннымъ, но прыгающимъ, теоріямъ дѣло сводится къ замѣнѣ даннаго слишкомъ обширнаго рода видами, подвидами, разновидностями и т. д., смотря по степени прыганія теоріи или разныхъ ея элементовъ. Если данная теорія не только прыгающая, но въ то же время и мнимая, то слѣдуетъ опредѣлить соотвѣтственный подлинный классъ и затѣмъ дѣлить его на виды, подвиды и т. д.—пока не найдутся надлежащіе болѣе узкіе классы для элементовъ прыгающей и мнимой теоріи.

Результатомъ ревизіи и исправленія прыгающихъ теорій, съ точки зрѣнія начала надлежащаго, не слишкомъ широкаго класса, будетъ иногда: простое очищеніе науки отъ неправильныхъ ученій (ср. выше стр. 99); обыкновенно: замѣна неправильныхъ болѣе скромными, но зато вполнѣ правильными положеніями. Иногда прежняя сложная прыгающая теорія превратится отъ такого исправленія въ нѣсколько видовыхъ, подвидовыхъ и т. д. теорій: то, что прежде ошибочно было относимо къ роду *A* (или къ сборной группѣ какого либо рода), окажется послѣ дѣленія рода *A* на виды *a* и *b* относящимся отчасти къ *a*, отчасти къ *b*, такъ что вмѣсто неправильной теоріи *A* получатся правильная теорія *a* + правильная теорія *b*; а кое какія положенія, можетъ быть, окажутся прыгающими даже въ случаѣ отнесенія къ этимъ видамъ, и вполнѣ правильными лишь по отношенію къ дальнѣйшимъ, болѣе дробнымъ развѣтвленіямъ рода; такимъ образомъ вмѣсто прежней, въ одной плоскости находящейся (къ одному дѣйствительному или мнимому, но слишкомъ широкому классу относимой) смѣси положеній разныхъ степеней прыганія получится цѣлая развѣтвляющаяся внизъ система правильныхъ теорій.

Теоремѣ о необходимости еще одной теоріи, родовой, при наличности нѣсколькихъ соподчиненныхъ, видовыхъ теорій, можно вообще здѣсь противопоставить теорему о необходимости, сверхъ теоріи рода еще столькихъ, ей подчиненныхъ, видовыхъ теорій, сколько есть въ данномъ родѣ видовъ, могу-

щихъ дать почву для научно-цѣнныхъ, именно этимъ видамъ соотвѣтствующихъ, теорій.

Если данная сложная теорія, напр., цѣлая теоретическая дисциплина, представляетъ смѣсь прыгающихъ и хромающихъ теорій (чего, какъ видно изъ сопоставленія сказаннаго на стр. 97 и на стр. 110, a priori можно ожидать относительно такой дисциплины, которая имѣетъ дѣло со сборною группою, принимая ее за подлинный классъ изъ за наличности одного имени), то исправленіе такого ученія съ точки зрѣнія начала надлежащаго класса будетъ построеніемъ теорій и вверхъ, и внизъ отъ данной плоскости, т. е. образованіемъ новыхъ, отчасти высшихъ, болѣе общихъ, отчасти же нисшихъ, болѣе спеціальныхъ ученій.

На ряду съ соединеніемъ въ одной сложной теоріи и хромыхъ, и прыгающихъ ученій, возможно соединеніе обоихъ пороковъ въ одной и той же простой теоріи, въ одномъ и томъ же классовомъ утвержденіи.

Если, напр., что либо утверждается относительно одноименной сборной группы разнохарактерныхъ предметовъ, то легко можетъ случиться, что высказываемое: 1) правильно не относительно всѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ элементовъ группы, (прыгающая мнимая теорія), и въ то же время оно 2) правильно не только относительно этихъ, но и относительно другихъ (однородныхъ, но не включенныхъ въ группу, напр., по практическимъ основаніямъ) предметовъ (хромающая и мнимая теорія). Если бы кто, наивно повѣривъ имени „зелень" или „дичь" въ кулинарномъ смыслѣ, сталъ писать диссертацію: „анатомія зелени" или „физіологія дичи", то онъ, вѣроятно, произвелъ бы не мало образцовъ такихъ теорій, которыя одновременно отличались бы и хроманіемъ, и прыганіемъ.

Исправленіе такихъ теорій, очевидно, должно состоять въ суженіи объема ненадлежащихъ теоретическихъ подлежащихъ въ одномъ и въ расширеніи ихъ въ другомъ направленіи. Для этого надо образовать высшій классъ, включающій въ себѣ всѣ объекты, относительно коихъ правильно данное утвержденіе, и затѣмъ раздѣлить этотъ высшій классъ

на виды (эвентуально далѣе на подвиды и т. д.) для полученія того класса, который будетъ обнимать всѣ и въ то же время только тѣ объекты, относительно коихъ правильно данное сказуемое.

Для полноты нашего очерка патологіи теоретическихъ ученій и наукъ и классификаціи неправильныхъ теорій необходимо, наконецъ, еще упомянуть о такихъ теоріяхъ, въ коихъ то, что утверждается относительно какого либо подлиннаго или мнимаго класса, неправильно въ полномъ объемѣ, ложно относительно всего класса-подлежащаго.

Такія теоріи мы можемъ назвать абсолютно-неправильными теоріями—въ отличіе отъ хромыхъ и прыгающихъ теорій, которыя можно здѣсь соединить въ одинъ классъ теорій съ ненадлежащимъ объемомъ подлежащаго—подъ общимъ именемъ относительно-неправильныхъ теорій.

Бываютъ и такія, абсолютно-неправильныя теоріи не только въ области житейскаго мышленія (особенно у темнымъ и необразованныхъ людей, напр., теорія, по которой люди послѣ смерти продолжаютъ нуждаться въ пищѣ, напиткахъ, женахъ, рабахъ, оружіи, мстятъ за нарушеніе своихъ правъ и т. п., чѣмъ объясняются многіе, отчасти весьма жестокіе обычаи разныхъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ, напр., сожженіе или закапываніе женъ, рабовъ, коней и разныхъ вещей вмѣстѣ съ трупомъ господина), но и въ области науки.

Но роль и значеніе такихъ теорій въ наукѣ, а равно источники ихъ происхожденія—иные, нежели относительно-неправильныхъ теорій.

Теоретическая наука вообще, особенно та обширная вѣтвь ея, которая носитъ имя гуманитарныхъ и общественныхъ наукъ, положительно кишитъ отъ относительно-неправильныхъ теорій; пороки хроманія и прыганія играютъ серьезнѣйшую (отрицательную) роль въ наукѣ и требуютъ сообразно съ этимъ внимательнѣйшаго методологическаго изученія ихъ причинъ, средствъ лѣченія и предупрежденія и т. д. Напротивъ, абсолютная ложность теорій не только въ наукѣ вообще, но даже и въ особенно мало (пока) удачной вѣтви ея, въ обществовѣдѣніи въ собирательномъ смыслѣ, есть сравни-

тельно рѣдкое явленіе; во всякомъ случаѣ не общераспространенное и эпидемическое, какъ хроманіе и прыганіе теорій, а лишь спорадическое, а въ большинствѣ наукъ, пожалуй, совершенно исключительное или даже небывалое явленіе.

Это различіе въ степени распространенности находится въ связи съ различіемъ въ источникахъ происхожденія тѣхъ и другихъ научныхъ пороковъ.

Построеніе теорій съ вполнѣ надлежащими классовыми понятіями предполагаетъ, вообще говоря, ясное и опредѣленное методологическое сознаніе существа проблемъ образованія надлежащихъ классовыхъ понятій и критеріевъ правильнаго ихъ рѣшенія и методическое примѣненіе этого знанія и этихъ критеріевъ на дѣлѣ. Но вмѣсто этого условія образованія вполнѣ правильныхъ теорій въ наукѣ существуютъ разныя затемняющія существо дѣла недоразумѣнія относительно существа процесса образованія понятій, а въ области фактическаго образованія классовыхъ понятій господствуютъ въ научныхъ сферахъ такія методологическія привычки, которыя прямо и положительно способствуютъ размноженію и процвѣтанію хромыхъ и прыгающихъ теорій.

Для избѣжанія абсолютно-ложныхъ теорій, какъ таковыхъ, не требуется образованія вполнѣ правильныхъ, какъ разъ подходящихъ классовъ и классовыхъ понятій и знанія всего того, что для этого требуется, а достаточно, вообще говоря, не утверждать того, чего на дѣлѣ вообще не бываетъ, держаться фактовъ, опыта и наблюденія и воздерживаться отъ произвольныхъ фантазій, фикцій и т. д.

Такъ какъ представители науки, особенно современной науки, вообще къ легкомысленному выдумыванію, безпочвенному фантазированію и т. п. не склонны, а, напротивъ, отличаются противоположными умственными склонностями и качествами, то абсолютно-неправильныя теоріи могутъ находить благопріятную сферу для размноженія и господства въ разныхъ, особенно въ болѣе темныхъ и суевѣрныхъ слояхъ общества и человѣческихъ группахъ, но отнюдь не въ наукѣ.

Лишь въ видѣ исключенія, вслѣдствіе исключительно неблагопріятнаго для данной вѣтви науки стеченія обстоятельствъ, вслѣдствіе наличности въ данной области какихъ либо особыхъ факторовъ, систематически искажающихъ зрѣніе, упорно порождающихъ и поддерживающихъ какіе либо оптическіе—въ буквальномъ или въ общемъ смыслѣ—обманы, можетъ получиться и въ наукѣ такое явленіе, что въ данной спеціальной области получится скопленіе абсолютно-неправильныхъ теорій. Въ такомъ исключительно-неблагопріятномъ положеніи находится какъ разъ наука о правѣ. Объ этомъ и о тѣхъ пріемахъ изслѣдованія конкретныхъ правовыхъ явленій, которые необходимы для избѣжанія фантастическихъ построеній, фикцій и т. п. и постановки нашей науки на почву фактовъ и ихъ надлежащаго наблюдательнаго и экспериментальнаго изученія, мы уже говорили выше (§§ 1 и 2). Въ дальнѣйшемъ обсужденіи проблемы образованія научныхъ классовыхъ понятій и теорій, въ томъ числѣ понятія и теоріи права, мы будемъ исходить изъ того, что въ качествѣ основы и матеріала для образованія общихъ понятій и теорій имѣется знаніе или во всякомъ случаѣ возможность познанія путемъ обыкновеннаго или экспериментальнаго наблюденія конкретныхъ явленій, фактовъ, какъ таковыхъ, а не принятіе разныхъ несуществующихъ предметовъ и явленій (напр., особой воли, души и т. п. у казны, государства и т. п.) за существующіе.

Сводя теперь во едино изложенное по поводу понятія адэкватныхъ теорій, мы можемъ сказать:

Адэкватныя теоріи суть такія теоріи, которыя (не будучи абсолютно-ложными, что само собою разумѣется) вполнѣ свободны какъ отъ порока хроманія, такъ и отъ порока прыганія, т. е. теоріи, въ которыхъ то, что высказывается (мыслится), отнесено не къ слишкомъ узкому, но и не къ слишкомъ широкому, а какъ разъ къ соотвѣтствующему классу, т. е. къ классу, обнимающему область объективной правильности теоретическаго сказуемаго.

Только адэкватныя теоріи, но зато всѣ адэкватныя теоріи суть вполнѣ правильныя, совершенныя теоріи: адэкватность

есть необходимый и достаточный критерій правильности теорій.

Въ области критики существующихъ и построенія новыхъ теорій слѣдуетъ руководствоваться, какъ общимъ и основнымъ методологическомъ принципомъ, какъ верховнымъ закономъ теоретическаго мышленіи, тѣмъ требованіемъ, чтобы наши теоріи были адэкватны.

Этотъ принципъ не только является критеріемъ правильности отдѣльныхъ теорій, ихъ содержанія и объема, и показателемъ того, къ чему мы должны стремиться и чего избѣгать для того, чтобы наши теоріи были вполнѣ правильны по своему содержанію и объему, но въ то же время содержитъ въ себѣ и верховное руководящее начало надлежащей систематизаціи теоретическаго знанія.

Наука есть систематическое мышленіе и знаніе. Она должна быть не безпорядочною смѣсью разнородныхъ свѣдѣній безъ сознанія ихъ связи и зависимости, а, напротивъ, системою, соединяющею однородныя, раздѣляющею разнородныя положенія и располагающею разныя группы однородныхъ положеній сообразно ихъ взаимной связя и зависимости, ихъ подчиненности и соподчиненности.

И вотъ принципъ адэкватности теорій содержитъ въ себѣ и верховное руководящее начало для устроенія такой упорядоченности теоретическаго знанія.

Между тѣмъ какъ несоблюденіе принципа адэкватности теорій ведетъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, къ смѣси положеній разныхъ порядковъ, примѣненіе принципа адэкватности (и вытекающихъ изъ него слѣдствій, положенія о $n+1$ теорій при n видахъ предметовъ, и т. д.) ведетъ неизбѣжно къ пріуроченію каждаго теоретическаго положенія къ надлежащей области, къ надлежашему классу и къ расположенію отдѣльныхъ теорій въ надлежащемъ порядкѣ іерархическаго верховенства и подчиненія, соподчиненія и т. д. (ср. выше, стр. 114).

Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе критерія адэкватности теорій ведетъ къ очищенію системы теоретическаго знанія отъ лишнихъ положеній, отъ теоретическихъ плеоназмовъ (ср. выше,

стр. 99, 113) и къ достиженію надлежащей полноты системы теоретическихъ наукъ, къ обнаруженію и устраненію пробѣловъ въ системѣ теоретическаго знанія и изслѣдованія—въ видѣ отсутствія необходимыхъ дисциплинъ или необходимыхъ вѣтвей (видовыхъ, подвидныхъ теорій) въ предѣлахъ существующихъ наукъ (стр. 102, 113).

Въ томъ же, простомъ и незамысловатомъ, но, какъ видно изъ вышеизложеннаго, весьма важномъ, методологическомъ принципѣ, въ началѣ адэкватности теорій, содержится и тотъ искомый методологическій свѣтъ, который необходимъ для надлежащаго и методически-сознательнаго образованія классовъ и классовыхъ понятій въ области научно-теоретическаго знанія и изслѣдованія.

А именно изъ этого верховного начала теоретическаго мышленія вытекаютъ для методологическаго ученія объ образованіи научно-теоретическихъ классовыхъ понятій слѣдующія положенія:

1. Въ предѣлахъ каждой опредѣленной сферы теоретическаго знанія и изслѣдованія, каждаго опредѣленнаго теоретическаго ученія (какъ отдѣльныхъ теоретическихъ утвержденій, такъ и совокупностей таковыхъ, въ томъ числѣ цѣлыхъ самостоятельныхъ наукъ) проблема образованія надлежащихъ классовыхъ понятій сводится къ задачѣ опредѣленія (отнюдь не области примѣненія такого или иного общаго имени, напр., словъ „право", „нравственность", „хозяйство", и т. п., *а*) тѣхъ классовъ объектовъ, при отнесеніи къ коимъ соотвѣтственныхъ утвержденій или ихъ совокупностей получатся не прыгающія или хромающія, а вполнѣ адэкватныя теоріи.

Такіе классы мы можемъ назвать адэкватными классами и сказать, что въ предѣлахъ опредѣленныхъ сферъ теоретическаго знанія проблема образованія научныхъ классовыхъ понятій сводится къ отысканію и опредѣленію адэкватныхъ этимъ сферамъ классовъ.

Научнымъ оправданіемъ и обоснованіемъ такихъ или иныхъ существовавшихъ уже раньше безъ сознательно-научнаго обоснованія или вновь образуемыхъ центральныхъ для всей науки или ея вѣтвей классовыхъ понятій можетъ и должно быть

доказательство отнюдь не того, что все, называемое такъ то, напр., правомъ, хозяйствомъ и т. п., обладаетъ такими то признаками, а того, что предлагаемый путемъ указанія такихъ то классовыхъ признаковъ классъ есть именно адэкватный классъ для той науки или той ея части, о которой идетъ рѣчь.

Научными аргументами противъ существовавшихъ раньше или вновь предлагаемыхъ кѣмъ либо для опредѣленной теоретической области понятій могутъ и должны быть доказательства неадэкватности соотвѣтственныхъ классовъ данной теоретической дисциплинѣ или данной ея вѣтви (а отнюдь не указаніе на то, что предлагаемое понятіе противорѣчитъ такому или иному словоупотребленію [1]), и т. д.

2. Если имѣть въ виду не опредѣленныя теоретическія ученія, а образованіе понятій, годныхъ для теоретическаго познанія вообще, то съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ утверждать, что критеріемъ научности теоретическихъ классовыхъ понятій является ихъ годность для образованія адэкватныхъ теорій, т. е. ихъ адэкватность какимъ-либо теоретическимъ сказуемымъ.

Отсюда видно, что вообще научное оправданіе и обоснованіе теоретическихъ классовыхъ понятій должно происходить путемъ приведенія такихъ теорій, подлежащими коихъ являются предлагаемыя понятія, и доказательства адэкватности этихъ теорій (а не путемъ доказательства, что то, что называется такъ то, обладаетъ такими то признаками, и т. д.).

Порядокъ образованія и обоснованія научно-теоретическихъ классовъ и классовыхъ понятій можетъ быть, какъ видно изъ изложеннаго, двоякій:

1. Или мы исходимъ изъ какой-либо существующей теоріи (отдѣльныхъ теоретическихъ утвержденій или ихъ совокупности, напр., цѣлой теоретической науки) и по содержанію теорети-

---

[1]) Поэтому, напр., упомянутая выше, недавно произведенная Лабандомъ и другими путемъ ссылокъ на примѣненіе имени Staat къ сѣвероамериканскимъ штатамъ и т. д. революція въ теоріи государства, должна быть признана съ научной точки зрѣнія мнимою, научно не обоснованною, только на недоразумѣніи основанною.

ческихъ утвержденій (сказуемыхъ) опредѣляемъ адэкватное классовое подлежащее, напр., приходимъ къ выводу, что существующія ученія, относимыя къ такому то кругу предметовъ, образуютъ не адэкватныя, а хромающія или прыгающія, дѣйствительныя или мнимыя теоріи, а если замѣнить этотъ кругъ предметовъ такимъ то классомъ, то получится надлежащее, адэкватное ученіе.

2. Или мы установляемъ (хотя бы сначала наудачу, ср. выше стр. 87) какое либо классовое понятіе, а затѣмъ съ успѣхомъ образуемъ и обосновываемъ по отношенію къ соотвѣтственному классу адэкватныя теоретическія положенія, и этимъ создаемъ для этого понятія и класса научную легитимацію.

Существо всего изложеннаго ученія объ образованіи классовыхъ понятій и классовъ можетъ быть сведено къ слѣд. двумъ основнымъ тезисамъ:

1. Для образованія классовыхъ понятій и классовъ вообще не нужно всего того, что традиціонно для этого требуется, а достаточно составленіе любой мысли, любой идеи по схемѣ: объекты съ признакомъ *a* (каково содержаніе признака *a* и откуда пришла въ голову мысль о немъ, вообще безразлично).

2. Для научно-теоретической лигетимаціи образованныхъ такимъ образомъ понятій и классовъ требуется еще, говоря схематически, доказать, что тому, чему свойственно *a*, вмѣстѣ съ тѣмъ спеціально свойственно еще что либо, напр., *b* или *b*, *c*, *d* и т. д. [1]).

---

[1]) Тезисъ второй имѣетъ въ виду принципіально только тѣ науки, которыя мы условились называть теоріями, и методологіи коихъ посвящено спеціально наше изложеніе. Но поскольку другія науки—теоретическія въ общемъ смыслѣ (ср. выше стр. 93 прим.), но не классовыя, а индивидуальныя (напр., космографія, географія, исторія), а равно практическія прикладныя науки для своихъ выводовъ нуждаются въ теоріяхъ, какъ посылкахъ, изложенное имѣетъ косвенное значеніе и для этихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе въ области методологіи нѣкоторыхъ наукъ, не представляющихъ собой теорій, необходимы особыя начала образованія надлежащихъ понятій, отличныя отъ 2-го тезиса нашего ученія. Необходима выработка особыхъ началъ образованія группъ объектовъ, годныхъ для составленія и изложенія правилъ поведенія, практическихъ рецептовъ (такими группами здѣсь

VI.

О называніи классовъ.

Ни первый, ни второй тезисъ нашего ученія объ образованіи классовъ (классификаціи) и классовыхъ понятій (стр. 121) не предполагаютъ наличности особыхъ названій для образуемыхъ классовъ и классовыхъ понятій и пользованія такими названіями въ какомъ бы то ни было смыслѣ и направленіи: все наше ученіе объ образованіи классовъ и классовыхъ понятій вполнѣ эманципировано отъ какой бы то ни было зависимости отъ общаго народнаго языка или какихъ-либо профессіональныхъ или иныхъ спеціальныхъ привычекъ называнія.

Не мысль должна сообразоваться со словами, а слова съ мыслью. Это относится ко всякой мысли, а къ научной мысли и подавно.

могутъ быть не только классы, но и сборныя группы). Для нашихъ цѣлей разсмотрѣніе подлежащихъ вопросовъ не требуется. Укажемъ только по адресу спеціалистовъ по логикѣ и методологіи, что и для правилъ поведенія можно и должно установить начало адэкватности въ смыслѣ надлежащаго (не слишкомъ широкаго, но и не слишкомъ узкаго) объема соотвѣтственныхъ сужденій, и вывести изъ него аналогичныя установленнымъ нами для теорій частныя теоремы, въ томъ числѣ, напр., теорему о необходимости $n+1$ практическихъ дисциплинъ при наличности n спеціальныхъ цѣлей, подчиненныхъ высшей, болѣе общей цѣли (каковою, напр., является „счастіе" по отношенію къ цѣлямъ: „здоровье", „имущественное благосостояніе" и т. п.). Такъ называемая „практическая философія" есть практическая дисциплина, находящаяся въ такомъ же отношеніи къ другимъ практическимъ дисциплинамъ, какъ теоретическая философія къ прочимъ теоріямъ; это наука о высшей цѣли жизни и соотвѣтственныхъ (адэкватныхъ) началахъ поведенія. Если исходить изъ (имѣющей свои разумныя основанія) уніи, соединенія двухъ самихъ по себѣ существенно различныхъ дисциплинъ: теоретической философіи и практической философіи въ лицѣ однихъ и тѣхъ же мыслителей, то можно сказать, что философія = теорія высшаго рода сущаго + практическое ученіе о высшей цѣли или: Philosofia = summa theoria + summa teleologia. На аналогичныхъ соображеніямъ основано предложенное нами понятіе философіи права: philosofia juris = summa theoria + summa teleologia (politica) juris.

Практически годною группою объектовъ въ сферѣ рецептовъ является такая группа, по отношенію къ коей существуетъ или можетъ быть образованъ адэкватный рецептъ (правило поведенія).

Съ этой точки зрѣнія вопросъ о называніи можетъ для насъ имѣть разумный смыслъ лишь въ видѣ вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли образуемыя (совершенно независимо отъ указки языка) понятія снабжать особыми именами и если да, то какими.

По поводу этого, съ точки зрѣнія научной мысли и ея методовъ побочнаго, словеснаго вопроса замѣтимъ слѣдующее:

1. Для громаднаго большинства образуемыхъ нами и могущихъ быть образованными въ обыденной жизни и въ наукѣ классовыхъ понятій и классовъ нѣтъ никакихъ особыхъ названій, и нѣтъ разумныхъ основаній таковыя сочинять. Зачѣмъ обременять свою или чужую память особыми названіями, напр., для классовъ: „бѣлые предметы", „птицы съ длиннымъ клювомъ", „смутныя представленія", „ясныя понятія", „завистливые и недоброжелательные люди", „вещества, удѣльный вѣсъ которыхъ меньше удѣльнаго вѣса ртути" и т. п. Для мышленія чего либо о такихъ и безчисленныхъ тому подобныхъ классахъ (и для сообщенія своихъ мыслей другимъ) можно вѣдь съ полнымъ успѣхомъ пользоваться самими понятіями, опредѣленіями соотвѣтственныхъ классовъ, не прибѣгая къ особымъ, замѣняющимъ понятія, кличкамъ. И это на каждомъ шагу дѣлается въ обыденномъ мышленіи и въ наукѣ. Обыденное и научное мышленіе кишитъ безымянными, не имѣющими особыхъ названій классами и ихъ опредѣленіями (понятіями) [1].

---

[1]) Ученіе объ образованіи классовыхъ понятій излагается обыкновенно въ руководствахъ логики подъ именемъ ученія объ опредѣленіи (definitio). Традиціонныя правила опредѣленія и вообще все ученіе о definitio основаны на игнорированіи существованія безчисленнаго множества классовыхъ понятій безъ особаго названія и приноровлены къ опредѣленію смысла классовыхъ названій. Съ нашей точки зрѣнія, всѣ идеи по схемѣ „то, что обладаетъ признаковъ a" („бѣлые предметы" „дома съ соломеными крышами" и т. п.) суть классовыя опредѣленія, опредѣленія соотвѣтственныхъ классовъ. Съ точки зрѣнія традиціоннаго ученія логиковъ объ опредѣленіи требуется, чтобы оно непремѣнно было **сужденіемъ**, однимъ изъ членовъ которыхъ является какое-либо названіе, а другимъ изъясненіе его смысла. Напр., „бѣлые предметы" по этому ученію не было бы признано опредѣленіемъ. Но если бы, напр., по какимъ-либо причинамъ составилось какое-либо особое названіе для бѣлыхъ предметовъ, напр., „альбы", то

2. Существуетъ надобность въ особыхъ названіяхъ главнымъ образомъ для тѣхъ сравнительно немногихъ изъ безчисленныхъ образуемыхъ нами на каждомъ шагу классовъ и классовыхъ понятій, къ которымъ намъ приходится часто возвращаться, много думать, говорить, писать о нихъ, такъ что желательно

имѣлось бы мѣсто для опредѣленія въ смыслѣ традиціонныхъ ученій, а именно таковымъ бы было: „альбы суть бѣлые предметы". Если бы для класса геометрическихъ фигуръ: „прямоугольникъ, имѣющій равныя стороны" случайно не было особой клички „квадратъ", то не было бы мѣста и для „опредѣленія" соотвѣтственнаго класса въ смыслѣ современной логики.

Вообще традиціонное ученіе логиковъ о понятіяхъ представляетъ какую-то смѣсь логики съ филологіей; отъ этого смѣшенія понятій и ученій слѣдовало бы освободиться и въ томъ случаѣ, если бы (какъ это иногда въ логикахъ прямо высказывается) всякому классовому понятію соотвѣтствовало особое наименованіе, а всякому общему имени особый объективный классъ объектовъ; на самомъ дѣлѣ спеціальныя общія названія существуютъ лишь для весьма микроскопической доли образуемыхъ нами классовыхъ понятій и классовъ; съ другой стороны, общимъ наименованіямъ соотвѣтствуютъ часто отнюдь не особые классы однородныхъ предметовъ, а то, что мы назвали сборными, эклектическими группами; и тѣмъ не менѣе логики никакъ не могутъ эмансипировать ученіе о понятіяхъ и опредѣленіи отъ зависимости отъ названій.

Нѣкоторые логики, въ частности Милль и Зигвартъ, между прочимъ, прямо указываютъ на то, что общимъ именамъ подчасъ не соотвѣтствуютъ классы однородныхъ предметовъ, и тѣмъ не менѣе и у нихъ вопросы о понятіяхъ и опредѣленіяхъ перепутаны съ вопросами о названіяхъ (ср. ученія Милля объ именахъ, объ опредѣленіи и т. д.; Зигвартъ возводитъ въ существенный признакъ понятій „Sicherheit und Allgemeingültigkeit seiner Wortbezeichnung", Logik I § 40; а по его ученію о пріемахъ образованія понятій оказывается, что надо исходить изъ языка, т. е. названій, а затѣмъ вращаться въ логическомъ кругѣ между абстракціей и индукціей—„in einem Cirkel bewegen zwischen Abstraktion und Induktion", Logik II § 77, стр. 242 изд. 1893 г.—и все-таки получаются лишь „гипотетическіе" результаты, ср. выше стр. 91 прим.).

Слѣдуетъ отмѣтить, что наряду съ безчисленнымъ множествомъ безъимянныхъ, т. е. не имѣющихъ спеціальныхъ названій, понятій есть немало и такихъ понятій, которыя не только фактически переживаются, мыслятся вообще безъ словъ и безъ представленія какихъ бы то ни было словъ, но и не могутъ быть выражены словами (невыразимыя понятія). Увидавъ какой-либо предметъ своеобразнаго и не имѣющаго особаго названія цвѣта, я могу тотчасъ же образовать и мыслить соотвѣтственный классъ и классовое понятіе, опредѣленіе соотвѣтствующаго класса по схемѣ „то, что обладаетъ такимъ цвѣтомъ", хотя не имѣю въ распоряженіи ни особаго названія для предметовъ этого класса, ни названія для ихъ своеобразнаго цвѣта, ни вообще словъ для описанія и сообщенія другимъ того, что я имѣю въ виду. Между прочимъ, множество невыразимыхъ понятій переживаемъ мы тогда, когда думаемъ не о предметахъ внѣш-

сберечь время замѣною повторныхъ указаній классовыхъ признаковъ (опредѣленій) краткимъ условнымъ значкомъ. Съ точки зрѣнія теоретической науки достойными крещенія особымъ име-

няго міра, а о разныхъ внутреннихъ переживаніяхъ. Языкъ такъ бѣденъ здѣсь словами (ср. выше IV стр. 119), что для безчисленныхъ видовъ внутреннихъ переживаній и ихъ свойствъ нѣтъ словъ, ни спеціальныхъ названій, ни средствъ описанія.

По поводу невыразимыхъ понятій возникаетъ, между прочимъ, вопросъ, какъ быть въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ не о мышленіи, какъ таковомъ (для этого годны и безсловесныя понятія), а о сообщеніи другимъ своихъ мыслей, напр., въ научныхъ лекціяхъ или сочиненіяхъ психологическаго содержанія. Для этого не лишне было бы основать и развить особое техническое ученіе (особенно важное для сознательнаго и надлежащаго преподаванія и писательства въ области общей психологіи, но необходимое и въ области спеціальныхъ наукъ: о правовыхъ, нравственныхъ, эстетическихъ явленіяхъ и т. п., ср. ниже). Вообще для сообщенія другимъ безсловеснаго понятія надо стараться заставить другого пережить то, что необходимо для самостоятельнаго составленія совпадающаго по содержанію понятія. Въ области внѣшнихъ предметовъ средствами для этой цѣли могутъ быть показываніе соотвѣтственныхъ предметовъ или рисунки съ подчеркиваніемъ того, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ психологической области надо стараться снабдить слушателей или писателей матеріаломъ для самонаблюденія въ тѣсномъ или въ воспоминательномъ смыслѣ путемъ указыванія на такія обстоятельства, при которыхъ обыкновенно переживается то, что мы имѣемъ въ виду, но не можемъ описать словами; при томъ слѣдуетъ самимъ подборомъ примѣровъ и другими средствами стараться достигнуть того, чтобы вниманіе было обращено именно на то, на тѣ стороны, на тѣ свойства переживанія, которыя необходимы для понятія. Здѣсь слѣдуетъ признать по началу „крайней необходимости“ допустимыми и такія средства, которыя вообще въ наукѣ, особенно въ области опредѣленій классовъ, въ области понятій, какъ таковыхъ, надо считать недопустимыми: образныя, метафорическія выраженія, сравненія вмѣсто прямого названія того, что имѣется въ виду и т. п., поскольку такія средства: 1) не принимаются самимъ авторомъ и не выдаются имъ за опредѣленія понятія (какъ это, между прочимъ, въ психологической литературѣ обыкновенно бываетъ), 2) поскольку они такъ комбинируются другъ съ другомъ и другими средствами, что въ психикѣ слушателей или читателей возникаетъ желательная идея, отчетливое знаніе по самонаблюденію (а не по этимъ метафорамъ и т. п., какъ таковымъ), о чемъ идетъ рѣчь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для невыразимаго понятія, для явленій, которыя не поддаются словесному опредѣленію и описанію, существуетъ особое названіе (напр. „голодъ“, „жажда“, „гнѣвъ“ и т. п.), имѣющее характеръ классоваго имени, надо дорожить такими названіями, какъ средствами взаимнаго пониманія. Образованіе научныхъ понятій и здѣсь должно быть независимо отъ названій, но для сообщенія другимъ соотвѣтственныхъ понятій можно исходить изъ названій, какъ опоры и основного средства для достиженія взаимнаго пониманія.

немъ являются во всякомъ случаѣ тѣ изъ образуемыхъ классовъ, относительно коихъ можно образовать болѣе или менѣе обширныя адэкватныя теоріи [1]).

Что касается самаго называнія, то оно можетъ состоять въ образованіи новаго или въ заимствованіи какого либо существующаго уже въ той или иной лингвистической сферѣ имени.

Нѣтъ необходимости сочинять новыя названія, если въ существующемъ языкѣ есть такія имена, которыми можно воспользоваться и для названія образованныхъ нами понятій.

Прежде всего можно и слѣдуетъ заимствовать такія имена, область примѣненія коихъ вообще совпадаетъ съ кругомъ объектовъ нашего понятія [2]).

Въ случаѣ заимствованія имени для образованнаго нами не по указкѣ языка, а по изложеннымъ выше началамъ понятія, изъ обыденной жизни или т. п., получается такой же конечный результатъ, какой бы получился въ томъ случаѣ, если бы мы послѣдовали обычнымъ пріемамъ опредѣленія, а именно, исходя изъ обычнаго примѣненія слова, удачно опредѣлили область его примѣненія.

Ниже намъ придется, образовавъ понятіе отличающихся извѣстными признаками психическихъ явленій, заимствовать для нихъ существующее уже, вполнѣ подходящее имя „право", причемъ мы имѣемъ въ виду заимствованіе не изъ профес-

---

[1]) Имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса о надобности особой клички также сложность и длиннота самого понятія (опредѣленія), а также его полная или частичная невыразимость (ср. выше, стр. 125 прим.).

[2]) Подъ „совпаденіемъ" мы разумѣемъ въ текстѣ не абсолютное тождество областей примѣненія, а лишь относительное совпаденіе, которое можно констатировать въ томъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ метафорическое примѣненіе слова, а равно неизбѣжныя у разныхъ людей различныя индивидуальныя отклоненія отъ общей тенденціи обычнаго словоупотребленія.

Лингвистическія сферы заимствованія могутъ быть различныя: общенародный языкъ, классовое, сословное, профессіональное словоупотребленіе и т. д. Совпаденіе съ общенароднымъ словоупотребленіемъ (и соотвѣтственное заимствованіе) вообще цѣннѣе (и чаще можетъ имѣть мѣсто въ теоретическихъ наукахъ, ср. выше, стр. 110), чѣмъ совпаденіе съ какимъ-либо профессіональнымъ или вообще менѣе общимъ словоупотребленіемъ.

сіонально-практическаго словоупотребленія, а изъ общенароднаго языка.

Такое же понятіе и съ такимъ же названіемъ получилось бы у насъ и въ томъ случаѣ, если бы мы послѣдовали примѣру предшественниковъ по образованію понятія права съ тѣмъ только отступленіемъ, что мы бы постарались опредѣлить, что называется „правомъ" не въ профессіональныхъ сферахъ, а въ общенародномъ языкѣ.

Тѣмъ не менѣе, т. е. несмотря на совпаденіе конечныхъ результатовъ, дѣло идетъ о существенно различныхъ умственныхъ операціяхъ, и второй способъ слѣдуетъ признать принципіально научнымъ.

Какъ уже мы упомянули выше (IV), въ наукѣ существуетъ множество вполнѣ удачныхъ понятій, добытхъ путемъ словотолкованія благодаря классификаціонной безсознательной мудрости языка.

Но и эти, сами по себѣ удачныя, понятія надо для достиженія ихъ полной научности подвергнуть такъ сказать повторному акту производства; добывъ ихъ разъ въ видѣ подарковъ безсознательно-мудраго языка, наукѣ надо создать ихъ второй разъ собственнымъ умомъ, научно-методическимъ путемъ.

Эти повторныя производства понятій должны двигаться въ противоположномъ первичнымъ актамъ ихъ добыванія направленіи. Исторія происхожденія этихъ понятій такова, что дѣло началось со слова, по названію собирались и изучались предметы, находились ихъ общіе признаки, изъ общихъ выбирались отличительные и въ концѣ концовъ получались формулы, смыслъ которыхъ сводится къ удачному опредѣленію смысла слова. Научно-ревизіонное новое производство должно, напротивъ, исходить изъ извѣстныхъ классовыхъ признаковъ (которые eo ipso будутъ общими и отличительными для соотвѣтственнаго класса, ср. выше) и доказательства адэкватности соотвѣтственнаго понятія и кончаться актомъ крещенія добытыхъ понятій (въ данномъ случаѣ готовымъ уже именемъ). При этомъ собственно научную мыслительную работу научнаго образованія и опредѣленія класса слѣдуетъ считать за-

конченною до акта наименованія (какъ человѣкъ существуетъ уже до крещенія). Наименованіе есть, какъ уже указано выше, по большей части вообще излишній, иногда же нужный съ словесно-технической точки зрѣнія добавочной актъ лингвистическаго свойства не затрагивающій самого понятія, самого опредѣленія и его научной легитимаціи [1]).

Допустимо заимствованіе готоваго названія не только въ случаѣ полнаго, но и въ случаѣ приблизительнаго совпаденія областей примѣненія, т. е. и въ случаѣ частичнаго разногласія, а иногда даже въ случаѣ большого разногласія, если имя по своему этимологическому смыслу или инымъ основаніямъ для нашихъ цѣлей удобно, и нѣтъ въ конкретномъ случаѣ основаній опасаться, что это будетъ порождать недоразумѣнія и смѣшенія различныхъ вещей [2]).

---

[1]) Схема всего процесса такова:

1) Предлагаемъ понятіе: „предметы съ признакомъ а" (этимъ образованъ классъ и дано его опредѣленіе; разговоръ объ общности и отличительности признака а былъ бы наивенъ, ср. выше стр. 88, и въ научномъ изслѣдованіи не долженъ имѣть мѣста).

2) Научное основаніе и оправданіе предложеннаго нами понятія состоитъ въ томъ, что относительно этого класса можно обосновать такія то адэкватныя теоріи (этимъ достигнута научная легитимація сдѣланнаго предложенія и вообще этимъ закончена собственно-научная работа).

3) Для словесно-техническихъ цѣлей удобно имѣть для предложеннаго и научно опредѣленнаго нами понятія краткій условный значекъ. Назовемъ образованный классъ такъ то; эвентуальное дальнѣйшее поясненіе: это словечко удобно потому, что оно уже примѣняется къ такого же рода объектамъ въ обиходной жизни, или т. п.

По традиціонной теоріи опредѣленія, какъ мы уже упомянули выше, къ обряду опредѣленія непремѣнно относится указаніе названія: „Право есть то то", „Государство есть то то" и т. п.

Съ нашей точки зрѣнія соотвѣтственныя положенія: „объекты, обладающіе такими то признаками, мы назовемъ (будемъ называть въ дальнѣйшемъ изложеніи) правомъ", „... государствомъ" и т. д.—суть соединенія опредѣленій съ добавочными актами наименованія.

[2]) Вообще слѣдуетъ принимать вовниманіе, что людямъ, особенно менѣе сильнымъ въ области самостоятельнаго и критическаго мышленія, бываетъ трудно относиться сознательно и критически къ словамъ, ясно различать понятія и слова, не смѣшивать различныхъ предметовъ, несмотря на ихъ одноименность, на совпаденіе именъ, и т. п. Вслѣдствіе этого заимствованіе старыхъ именъ для новыхъ классовъ слѣдуетъ производить съ большою осторожностью; въ случаѣ болѣе или менѣе существеннаго разногласія прежнихъ привычекъ называнія и новаго понятія предположеніе говоритъ скорѣе въ пользу введенія новаго слова.

Въ случаѣ заимствованія для образованнаго по научнымъ критеріямъ класса стараго имени, несмотря на нѣкоторое несовпаденіе областей примѣненія, получается такой же конечный результатъ, какой бы получился въ томъ случаѣ, если бы мы послѣдовали обычнымъ пріемамъ опредѣленія, т. е. воспользовались руководствомъ словоупотребленія, но не обратили вниманія на примѣненіе или непримѣненіе слова къ нѣкоторымъ объектамъ и вслѣдствіе такого неумышленнаго недосмотра или умышленнаго игнорированія получили какъ разъ то понятіе, которое въ данномъ случаѣ требуется принципомъ адэкватности.

Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ о двухъ принципіально различныхъ пріемахъ, и научнымъ слѣдуетъ признать не отправленіе отъ слова и умышленное или неумышленное измѣненіе его смысла, а только самостоятельное образованіе понятія съ добавочнымъ актомъ наименованія (ср. выше стр. 127).

Фактически много изъ попавшихъ въ науку изъ обыденной рѣчи названій съ теченіемъ времени измѣнили здѣсь вслѣдствіе ошибочнаго словотолкованія, постепеннаго измѣненія привычекъ называнія и т. п., свой смыслъ и при томъ такъ, что путемъ этихъ модификацій были достигнуты вполнѣ адэкватныя для соотвѣтственныхъ областей знанія понятія.

И въ наукѣ, какъ и въ другихъ сферахъ соціально-психическаго обмѣна, происходятъ безсознательно-цѣлесообразный подборъ и удачное приспособленіе разныхъ идейныхъ образованій къ потребностямъ, которымъ они удовлетворяютъ. Это относится и къ понятіямъ и словамъ, попадающимъ въ научныя сферы изъ другихъ сферъ, и въ наукѣ происходитъ безсознательно-удачная эволюція особаго, своеобразнаго языка, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ сферѣ разныхъ практическихъ профессій и т. п. [1]). Поэтому вполнѣ воз-

[1]) Иногда метаморфозы, которымъ въ наукѣ подвергаются значенія словъ, имѣютъ довольно радикальный характеръ. Напримѣръ, слово „чувство", въ обыденной жизни означающее разнороднѣйшія внутреннія переживанія (ср. выше IV стр. 127), сдѣлалось въ психологіи съ теченіемъ времени спеціальнымъ именемъ для переживаній положительныхъ и отрицательныхъ удовольствій (для наслажденій и страданій, Lust, Unlust).

можны, напр., такія явленія, что извѣстное имя имѣетъ одно значеніе въ общемъ языкѣ, другое въ какомъ либо практически профессіональномъ и третье въ научномъ языкѣ. При составленіи опредѣленій (образованіи понятій) ученые руководствуются обыкновендо своими привычками называнія, и поскольку эти привычки называнія получили въ силу указаннаго процесса своеобразный, отличный отъ обыкновеннаго, приноровленный къ научному дѣлу характеръ, въ результатѣ получаются нерѣдко вполнѣ удачныя понятія съ названіями, отличающимися по смыслу отъ тѣхъ же словъ въ обыденномъ языкѣ, и т. п.

Впрочемъ, такія разногласія научныхъ и иныхъ словоупотребленій бываютъ въ наукѣ нерѣдко причиною разныхъ недоразумѣній, великихъ споровъ на словесной почвѣ, смѣшенія понятій и т. п. непорядковъ.

Дѣло въ томъ, что въ такихъ случаяхъ нерѣдко въ наукѣ проявляется одновременное дѣйствіе разныхъ привычекъ называнія, спеціально-научныхъ и общежитейскихъ и т. п. (особенно если соотвѣтственныя общежитейскія привычки называнія крѣпко укорены, а отличныя отъ нихъ тенденціи научнаго языка еще не вполнѣ окрѣпли). Достигнутое путемъ безсознательно-удачнаго подбора научное понятіе подвергается оспариванію со стороны тѣхъ, которыя замѣчаютъ, что соотвѣтственное имя примѣняется въ жизни и къ такимъ предметамъ, которые не подходятъ подъ установившееся понятіе; подъ рубрику даннаго понятія подводятся по житейскимъ привычкамъ называнія такіе предметы, которые не слѣдовало бы подводить подъ эту рубрику, и проч. и проч. [1]).

---

[1]) Напримѣръ, присмотрѣвшись ближе къ тѣмъ специальнымъ видамъ психическихъ переживаній, которыя психологи подводятъ подъ рубрику „чувствъ", можно было бы найти немало примѣровъ такихъ психологическихъ актовъ, которые ничего общаго съ удовольствіями и страданіями (ср. выше, стр. 129 прим.) не имѣютъ, но называются въ публикѣ чувствами и подъ вліяніемъ давленія соотвѣтственныхъ привычекъ называнія попадаютъ и у психологовъ въ разрядъ чувствъ. Съ другой стороны, отсутствіе яснаго методологическаго сознанія относительно необходимости образованія и сохраненія такихъ понятій, которыя годны для образованія адэкватныхъ теорій, заставляетъ разныхъ психо-

И такія понятія, которыя установились въ наукѣ путемъ измѣненія смысла заимствованныхъ изъ разныхъ лингвистическихъ сферъ словъ, должны, для провѣрки ихъ научной доброкачественности (адэкватности), для созданія для нихъ сознательно-научнаго оправданія и для предохраненія ихъ отъ эвентуальнаго оспариванія и порчи по наивно-лингвистическимъ мотивамъ—быть подвергнуты вторичному, независимому отъ привычекъ называнія, методологически - сознательному производству. Вообще къ нимъ относится изложенное выше о понятіяхъ съ именами, вполнѣ согласными съ обыденнымъ словоупотребленіемъ, съ тою лишь разницею, что при добавочномъ актѣ крещенія не лишне предупреждать о необходимости остерегаться смѣшенія разныхъ смысловъ даннаго имени [1].

логовъ отъ времени до времени возбуждать споръ противъ установившагося въ психологіи научно-цѣннаго понятія чувствъ и доказывать, что чувствами являются еще (сверхъ положительныхъ и отрицательныхъ удовольствій) и разныя другія переживанія (разные психологи вносятъ различныя постороннія примѣси).

[1]) Между прочимъ, Милль, исходя изъ положеній, что опредѣленіе есть „анализъ имени", что оно „даетъ указанія относительно обычнаго употребленія словъ",—что „всѣ опредѣленія касаются именъ и только именъ" и т. п. и вообще построивъ свое ученіе объ опредѣленіи на почвѣ словотолкованія, затѣмъ указываетъ на разные недостатки обыденнаго словоупотребленія и на эвентуальную необходимость ихъ исправленія и доходитъ въ одномъ мѣстѣ (Логика, кн. I, гл. VIII, § 7) даже до такого смѣлаго изреченія: „Нѣтъ, цѣль ихъ (опредѣленій)—не столько опредѣлить, каково значеніе имени, сколько установить, каково оно должно быть".

Странно, что такой глубокій и послѣдовательный мыслитель могъ построить столь непослѣдовательное ученіе. Убѣдившись, въ концѣ концовъ, въ необходимости „исправленія" словоупотребленія, ему слѣдовало зачеркнуть все предыдущее ученіе; т. е. уже изъ признанія факта наличности разныхъ недостатковъ словоупотребленія и необходимости ихъ „исправленій" вытекаетъ то простое логическое слѣдствіе, что, стало быть, есть самостоятельные и независимые отъ привычекъ называнія критеріи образованія понятій и опредѣленія, и на почвѣ этихъ критеріевъ, выяснивъ ихъ надлежащимъ образомъ, и слѣдуетъ строить соотвѣтственныя методологическія ученія. Въ противномъ случаѣ, получается странный кругъ: для образованія понятій намъ надо слушаться указаній языка, а языкъ долженъ слушаться нашихъ указаній.

Впрочемъ, съ точки зрѣнія изложенныхъ выше методологическихъ воззрѣній, рѣчь можетъ идти отнюдь не объ „исправленіи" недостатковъ языка, а только о заимствованіи изъ языка именъ для называнія самостоятельно образу-

Въ томъ случаѣ, когда для образованнаго нами понятія нѣтъ въ существующемъ запасѣ словъ никакого подходящаго наименованія, а для соотвѣтственнаго класса желательно все-таки имѣть особое имя, приходится таковое сочинить, изобрѣсти.

Это, между прочимъ, весьма часто бываетъ въ области естественныхъ наукъ по поводу открытія новыхъ, прежде неизвѣстныхъ, явленій природы, веществъ, растеній, животныхъ и т. п., но случается и въ другихъ наукахъ при образованіи разныхъ новыхъ теорій, добываніи новыхъ цѣнныхъ истинъ и т. п. Фактически наука создала въ теченіе вѣковъ большое множество новыхъ классовыхъ именъ (съ помощью корней и словъ латинскаго и греческаго языковъ, именъ первооткрывателей—ср. напр., рентгеновскіе лучи,—и другихъ лингвистическихъ средствъ), образовавъ такимъ образомъ новые классы и классовыя понятія, очевидно, не путемъ обозрѣнія того, что было раньше принято называть опредѣленнымъ именемъ.

Характерно, что именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣтъ „руководства" для образованія понятій въ видѣ готовыхъ привычекъ называнія, какъ напр., въ случаяхъ открытій новыхъ явленій природы, не замѣчается вообще такихъ бѣдствій, какія, напр., испытываетъ правовѣдѣніе по поводу опредѣленія понятія права и другихъ общихъ понятій, политическая экономія по поводу понятій „хозяйственное явленіе", „хозяйство", соціологія по поводу понятія „общество" и проч. и проч.

Вообще въ такъ называемыхъ естественныхъ наукахъ классовыя понятія находятся фактически въ сравнительно

емыхъ адэкватныхъ понятій, несморя на несовпаденіе обыденнаго значенія слова съ нашими понятіями.

При этомъ мы отнюдь не предъявляемъ претензіи на то, чтобы общій языкъ или иное какое словоупотребленіе, напр., профессіонально-практическое, отказывалось отъ своихъ, можетъ быть вполнѣ удачныхъ въ своей области, привычекъ называнія. Мы только требуемъ для науки освобожденія отъ слѣдованія чьимъ либо указкамъ, въ томъ числѣ отъ подчиненія такимъ или инымъ словамъ и обычаямъ ихъ примѣненія.

удовлетворительномъ состояніи. Напротивъ, въ такъ называемыхъ гуманитарныхъ и общественныхъ наукахъ системы классовыхъ понятій—чуть ли не сплошная научная патологія. Весьма способствуютъ этой неурядицѣ и мѣшаютъ вообще прогрессу этихъ наукъ именно разныя, сбивающія ученыхъ съ толку, готовыя привычки называнія. Здѣсь особенно важно ясно сознавать и на дѣлѣ систематически примѣнить такіе критеріи образованія научныхъ понятій, которые бы освобождали научную мысль отъ подчиненія словамъ и указывали ей путь самостоятельнаго, соотвѣтствующаго существу дѣла творчества.

Откуда бы мы ни взяли имя для образованнаго нами адэкватнаго класса и классоваго понятія, будетъ ли это впервые образованное слово (или сложное выраженіе) или старое слово, перенесенное нами въ нашу научную область, несмотря на то, что въ области заимствованія это слово имѣло иное значеніе, или старое слово, означающее вообще тѣ же предметы и въ области, откуда мы его заимствовали,—во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ одинаково слѣдуетъ смотрѣть на данное имя, какъ на новую и самостоятельную лингвистическую величину, какъ на условный значекъ для образованнаго научнаго понятія и только для него, а эвентуальныя старыя привычки называнія, ассоціаціи идей и проч. слѣдуетъ принципіально оставить въ сторонѣ, никоимъ образомъ ихъ не припутывать къ дѣлу [1]).

[1]) Это правило относится какъ къ самимъ ученымъ изслѣдователямъ, такъ и къ тѣмъ, которые имѣютъ дѣло съ чужими научными изслѣдованіями, къ слушателямъ и читателямъ. Если авторъ, образовавъ какое-либо научное понятіе и классъ, назвалъ его опредѣленнымъ образомъ, напр., правомъ, нравственностью и т. п. и дальше оперируетъ этимъ именемъ въ тѣхъ или иныхъ контекстахъ, то для правильнаго пониманія его мыслей, для надлежащаго усвоенія соотвѣтственныхъ теорій, для научной критики ихъ и т. д. необходимо къ этимъ именамъ относиться исключительно какъ къ обозначеніямъ установленныхъ и такъ названныхъ авторомъ понятій: отъ своихъ домашнихъ привычекъ называнія, отъ привычки обозначать такимъ же словомъ, напр. словомъ „нравственность" или „право" и разное такое, что не подходитъ подъ установленное авторомъ понятіе или отъ непревычки называть этимъ словомъ то, для чего авторъ избралъ данное названіе и т. д., слѣдуетъ принципіально отрѣшиться. Въ частности было бы

Такія названія, которыя имѣютъ характеръ условныхъ словесныхъ значковъ для самостоятельно образованныхъ науч-

---

наивно спорить и критиковать понятіе и теорію автора путемъ приведенія примѣровъ такихъ явленій, которыя „тоже называются такъ то", напр., правомъ, но не подходятъ подъ ученіе, установленное авторомъ, или, наоборотъ, „называются не правомъ а иначе", а по ученію автора оказываются „правомъ". Еще наивнѣе была бы критика путемъ ссылки на то, что такія то явленія несомнѣнно „суть" или „не суть правовыя", а по автору дескать выходитъ иначе. Въ послѣднемъ случаѣ къ непониманію того, какъ слѣдуетъ относиться къ научнымъ понятіямъ и названіямъ, присоединялось бы принятіе иной привычки называнія за нѣчто, имѣющее объективное значеніе, дѣлающее одно истиннымъ правомъ, другое не правомъ и т. д. (ср. выше IV).

Дѣйствительно научною критикою установленнаго авторомъ понятія и соотвѣтственныхъ теорій будетъ лишь такая критика, которая, оставляя слова, какъ таковыя, въ сторонѣ, направлена на провѣрку научной адэкватности предлагаемаго авторомъ понятія и его теоріи.

Кромѣ этой критики по существу возможно, впрочемъ, и разсмотрѣніе сравнительно неважнаго и побочнаго, чисто словеснаго вопроса, состоящаго въ томъ, удачно ли избрано авторомъ названіе для предложеннаго имъ понятія, напр., вопроса, раціонально ли поступаетъ авторъ, назвавъ образованный имъ классъ явленій „правомъ" или „нравственностью", не слѣдовало ли ему избрать лучше иную кличку, напр., образовать новое слово, и т. д.

Указанныя правила пониманія и критики предполагаютъ, впрочемъ, соотвѣтственное научное отношеніе самого автора къ своимъ понятіямъ и названіямъ.

Какъ видно изъ изложеннаго выше о томъ, что теперь юристы, моралисты и т. д. понимаютъ подъ опредѣленіемъ права, нравственности и т. д., ихъ „опредѣленія" и примѣняемыя ими имена: „право", „нравственность" и т. д., имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой предполагается въ только что изложенныхъ правилахъ научнаго отношенія къ понятіямъ и именамъ. А именно обычныя опредѣленія „права" юристовъ имѣютъ смыслъ утвержденій, что то, что въ профессіонально-юридическомъ языкѣ принято называть „правомъ", имѣетъ такія то общія и отличительныя свойства. Опредѣленія „нравственности" у моралистовъ означаютъ утвержденія, что то, что обыденное словоупотребленіе относитъ къ нравственности, обладаетъ такими то общими и отличительными свойствами, и т. д. Это собственно не понятія въ нашемъ смыслѣ, а своеобразныя теоріи лингвистическаго характера (понятія и опредѣленія въ нашемъ смыслѣ не суть вообще утвержденія, сужденія, а лишь элементы для сужденій). Противъ такихъ теорій дѣйствительно можно и должно спорить такъ, какъ обыкновенно противъ нихъ спорятъ и ихъ опровергаютъ, а именно, напр., въ области правовѣдѣнія, путемъ ссылокъ на разныя явленія, относимыя профессіонально-юридическимъ словоупотребленіемъ къ праву, но, вопреки утвержденію автора, не обладающія такими то признаками, и т. д.

И наше правило о томъ, что для пониманія научнаго сочиненія, въ которомъ образовано извѣстное классовое понятіе и для него условлено извѣстное

ныхъ (адэкватныхъ) понятій (а не словъ, по профессіональной или иной привычкѣ называнія примѣняемыхъ къ объектамъ какого-либо рода или какой-либо сборной группы), мы будемъ называть научными терминами.

Въ научныхъ изслѣдованіяхъ и сочиненіяхъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы тѣ имена, смыслъ коихъ имѣетъ существенное значеніе въ данной области, были научными терминами въ указанномъ смыслѣ этого выраженія, а не словами общаго или профессіональнаго языка съ соотвѣтственными привычками называнія и представленіями [1]).

сокращенное названіе, нужно имѣть въ виду не обычное значеніе слова и т. п., а только установленное понятіе, не примѣняется къ тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ опредѣленія имѣютъ смыслъ попытки толкованія такихъ или иныхъ словъ профессіональнаго или обыденнаго словоупотребленія. Авторы такихъ сочиненій, напр., о „правѣ", о „нравственности" и т. п., примѣняя соотвѣтственныя имена, имѣютъ въ виду то, что̀ такъ въ соотвѣтственной лингвистической сферѣ называется. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ понимать ихъ словоупотребленіе. Нерѣдко, особенно, напр., въ юридической литературѣ, бываетъ такъ, что предложенное въ одномъ изъ начальныхъ параграфовъ опредѣленіе предмета, о которомъ дальше идетъ рѣчь, напр., „права", дальше никакой роли не играетъ, не принимается и самимъ авторомъ во вниманіе (большинство опредѣленій понятія права таковы, что при подстановкѣ ихъ вмѣсто слова „право" въ дальнѣйшемъ изложеніи получились бы совершенно невозможные результаты, явныя противорѣчія и т. п.). Мало того, нерѣдко уже въ томъ мѣстѣ изложенія, гдѣ устанавляется опредѣленіе, послѣднее тотчасъ же подвергается своеобразной кассаціи— путемъ указанія на разные объекты, которые не подходятъ подъ установленное понятіе, но тоже называются авторомъ (по примѣру другихъ) такъ то (напр., правомъ), а потому подтягиваются авторомъ путемъ разныхъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ мѣръ подъ то же понятіе, т. е. причисляются къ той же одноименной группѣ. Очевидно, для правильнаго пониманія дальнѣйшаго изложенія въ такихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду то, что авторъ называетъ примѣняемымъ имъ именемъ, а не предложенную имъ формулу опредѣленія, не имѣющую по существу рѣшающаго значенія.

[1]) Требовать, чтобы всѣ имена въ научномъ сочиненіи, даже, напр., примѣняемыя въ пояснительныхъ примѣрахъ, побочныхъ замѣчаніяхъ и т. п., были научными терминами въ нашемъ смыслѣ, было бы нелѣпымъ педантизмомъ.

Но, съ другой стороны, сочиненія подъ заглавіемъ „этика", „энциклопедія права", „учебникъ гражданскаго права" и т. п., въ которыхъ слова: „нравственность", „право" и т. п.—не термины, а профессіональныя или общежитейскія слова, даже безъ соотвѣтственнаго, т. е. словотолковательнаго, опредѣленія— трудно относить къ научной въ строгомъ смыслѣ слова литературѣ, въ частности къ такой литературѣ, изученіе коей прививаетъ навыки научнаго мышленія, пріучаетъ къ методическому, ясному и точному мышленію, и т. д.

Изъ вышеизложеннаго, между прочимъ, слѣдуетъ, что, приступая къ научно-теоретическому изслѣдованію какихъ-либо явленій, по отношенію къ коимъ существуютъ въ такой или иной лингвистической сферѣ такія или иныя привычки называнія и имена, напр., „право", „нравственность", „общество", „хозяйство", „государство" и т. п., слѣдуетъ принципіально исходить изъ возможности, что для научно-теоретическихъ цѣлей придется не только произвести иную группировку, иную классификацію явленій, но и отбросить существующія имена, хотя бы столь почтенныя, какъ „право", „нравственность" и т. п., и создать для новыхъ, образованныхъ по началу адэкватности понятій и классовъ новыя имена въ качествѣ научныхъ терминовъ (ср. имена: „зелень", „дичь" и т. п., съ одной стороны, терминологію ботаники и зоологіи, съ другой стороны).

Уже въ самой постановкѣ такихъ проблемъ, что дескать надо прежде всего опредѣлить, что такое „право", что такое „нравственность", что такое „государство" и т. п., скрывается обыкновенно принципіальное методологическое заблужденіе, а именно, въ основѣ лежитъ некритическая вѣра въ то, 1) что разъ есть такое то слово, то есть и соотвѣтственный классъ, и 2) какъ разъ этотъ классъ и долженъ быть возведенъ въ центральный для подлежащей науки.

Все это отнюдь не необходимо, хотя (послѣ надлежащаго изслѣдованія) и можетъ оказаться такое удачное совпаденіе, что соотвѣтственныя слова годятся не только для областей ихъ фактическаго примѣненія, но и для возведенія въ рангъ научныхъ терминовъ [1]).

---

[1]) Въ другихъ сочиненіяхъ авторъ надѣется, между прочимъ, показать, что слово „общество" не заслуживаетъ чести возведенія въ центральный научный терминъ для особой науки „соціологіи", и что то же относится къ слову „хозяйство" (или къ выраженіямъ „хозяйственное явленіе", „хозяйственное благо" и т. д.) въ области экономической теоріи. Къ слову „право" это случайно не относится—потому что это слово въ общенародномъ языкѣ имѣетъ область примѣненія, вообще соотвѣтствующую такому понятію и классу, который является адэкватнымъ для особой теоретической науки (важной и для практической юриспруденціи, хотя ея слово „право" имѣетъ гораздо болѣе узкій смыслъ—смыслъ

VII.

Образованіе и обоснованіе адэкватныхъ теорій.

Выше мы познакомились съ принципомъ адэкватности теорій и убѣдились, что этотъ принципъ содержитъ въ себѣ критеріи и верховныя руководящія начала какъ для надлежащаго образованія (и научной критики) теорій, такъ и для надлежащаго исполненія вспомогательныхъ работъ теоретическаго мышленія, извѣстныхъ въ логикѣ и методологіи подъ именами: образованія понятій, опредѣленія и классификаціи.

Въ виду такой важности для всѣхъ работъ въ области теоретическаго мышленія начала адэкватности большое значеніе получаютъ вопросы о техническихъ средствахъ діагноза (распознанія) адэкватности или неадэкватности теорій и нахожденія и обоснованія адэкватныхъ теоретическихъ положеній.

Между прочимъ, если всмотрѣться ближе въ существо традиціоннаго ученія объ образованіи общихъ понятій и опредѣленій путемъ обзора конкретныхъ предметовъ извѣстнаго рода, напр., правовыхъ, нравственныхъ явленій, констатированія общихъ всѣмъ имъ признаковъ, выбора среди этихъ признаковъ отличительныхъ чертъ путемъ сравненія этихъ предметовъ съ другими, особенно „сродными", и т. д., то оказывается, что это ученіе есть своеобразный рецептъ образованія особаго рода адэкватныхъ теорій, а именно теоретическихъ утвержденій по схемѣ: „все то, что называется такъ-то, и только оно обладаетъ такими-то свойствами".

Если признать „все, что называется, такъ-то" ужъ изъ-за общности наименованія (хотя бы дѣло шло о разнороднѣйшихъ объективно вещахъ) особымъ классомъ предметовъ и назвать такіе классы лингвистическими классами, то можно сказать, что традиціонные рецепты образованія понятій (опредѣленій) права, нравственности и т. п. представляютъ рецепты отыскиванія адэкватныхъ сказуемыхъ для соотвѣтственныхъ лингви-

---

сборной группы, соединяющей въ себѣ лишь нѣкоторыя, сравнительно незначительныя части соотвѣтственнаго класса).

стическихъ классовъ (каковыя предпріятія иногда не удаются и не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, потому что иногда, кромѣ общности имени, никакихъ общихъ и отличительныхъ свойствъ у предметовъ „лингвистическаго класса" нѣтъ).

Мы отвергли это ученіе въ качествѣ ученія объ образованіи понятій и опредѣленіи (за каковое оно себя по недоразумѣнію принимаетъ), не можемъ признать научнымъ дѣломъ и образованіе теорій по лингвистическимъ классамъ, и сами имѣемъ въ виду образованіе адэкватныхъ теорій не относительно лингвистическихъ, а относительно объективныхъ классовъ, т. е. не относительно того, „что называется такъ-то", а относительно того, „что обладаетъ такими-то объективными свойствами", но тѣмъ не менѣе для насъ возникаетъ вопросъ: не приходится ли намъ заимствовать соотвѣтственный рецептъ въ качествѣ рецепта образованія адэкватныхъ теорій, измѣнивъ его въ томъ отношеніи, что вмѣсто общаго названія слѣдуетъ исходить изъ общихъ объективныхъ свойствъ (напр., состава, формы предметовъ и т. п.) и обозрѣвать и сравнивать съ другими не одноименные, а объективно однородные предметы.

По этому поводу напомнимъ прежде всего то, указанное нами уже выше (IV) обстоятельство, что предметы классовыхъ понятій принципіально необозримы, что къ нимъ относятся и будущіе, еще не бывшіе предметы, поскольку они будутъ обладать классовыми признаками, и т. д.

Но затѣмъ для пониманія существа и методовъ добыванія теоретическихъ знаній въ высшей степени важно принять во вниманіе еще слѣдующее:

Отнюдь не слѣдуетъ думать, будто теоретическія, т. е. классовыя, истины утверждаютъ непремѣнно что-либо такое, что можетъ быть найдено въ каждомъ, доступномъ конкретному изученію, экземплярѣ класса путемъ наблюденія.

Относительно класса: „физическія тѣла" добыто наукою много цѣнныхъ истинъ, напр., формулъ ихъ движенія, паденія и т. д. Но смыслъ этихъ формулъ—„законовъ" вовсе не тотъ, будто фактически движущіяся тѣла, напр., брошенные вверхъ и потомъ падающіе внизъ камни, совершаютъ именно

тѣ движенія, которыя предусмотрѣны этими формулами. Напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что фактическія движенія безчисленныхъ физическихъ тѣлъ на землѣ и въ другихъ мѣстахъ всегда происходитъ иначе, чѣмъ гласятъ эти формулы. Безчисленные факторы (напр., наличность воздуха на землѣ, луны, солнца и безчисленныхъ другихъ небесныхъ тѣлъ) вносятъ въ каждое реальное движеніе на землѣ и въ другихъ мѣстахъ міра безчисленныя отклоненія и осложненія, и ни одно тѣло не падаетъ, вообще не движется фактически такъ, чтобы можно было путемъ наблюденія констатировать осуществленіе какой либо формулы механики. Если даже въ какомъ либо конкретномъ случаѣ изслѣдователю покажется, что онъ констатировалъ путемъ наблюденія точное осуществленіе какого либо закона механики, то можно сказать съ увѣренностью, что онъ ошибся, напр., вслѣдствіе того, что инструменты, которыми онъ пользовался для измѣренія, слишкомъ грубы, не показываютъ малыхъ разницъ, отступленій, или т. п.

Въ области общественныхъ наукъ пока мало найдено такихъ истинъ, которыя бы заслуживали имени научныхъ теорій, но есть все таки нѣкоторыя положенія и здѣсь, которымъ, повидимому, нельзя отказать въ такой чести; таковъ характеръ нѣкоторыхъ положеній наиболѣе счастливой изъ общественныхъ наукъ—политической экономіи, напр., „закона спроса и предложенія". И относительно этихъ формулъ можно сказать, что онѣ въ дѣйствительности вовсе не осуществляются, а если бы кто въ конкретномъ случаѣ констатировалъ осуществленіе какого либо изъ экономическихъ законовъ, то слѣдовало бы предположить наличность ошибокъ въ его наблюденіяхъ или вычисленіяхъ, или разсужденіяхъ.

Хотя такимъ образомъ разные „законы" природы и общественныхъ явленій, можно сказать, утверждаютъ то, чего никогда въ дѣйствительности не бываетъ, они все таки имѣютъ вообще великую цѣнность для объясненія того, что дѣйствительно бываетъ (а равно для предвидѣнія будущаго, для сообразованія съ этимъ поведенія, для достиженія разныхъ цѣнныхъ техническихъ и иныхъ продуктовъ и эффектовъ и т. д.).

Смыслъ такихъ формулъ состоитъ въ указаніи того, что бы было, если бы не было разныхъ осложняющихъ условій, и къ чему въ тѣмъ большей степени должна приближаться и приближается дѣйствительность, чѣмъ слабѣе отклоняющіе факторы по сравненію съ тѣмъ факторомъ, законъ дѣйствія котораго представляетъ данная формула, вообще чѣмъ менѣе существенную роль играютъ осложняющія условія.

Хотя фактически обыкновенно дѣйствуютъ легіоны отклоняющихъ факторовъ, но для теоретическихъ цѣлей познанія и объясненія явленій, а равно для практическихъ цѣлей можно громадное большинство этихъ факторовъ игнорировать, принимать за=о, такъ что остается лишь нѣсколько, обыкновенно сравнительно немного важныхъ, рѣшающихъ факторовъ. Если мы знаемъ законы этихъ, рѣшающихъ факторовъ, то мы, вообще, хозяева положенія дѣла въ смыслѣ возможности объясненія дѣйствительности, предвидѣнія, сообразованія поведенія и т. д.—съ достаточною относительною точностью, съ достаточнымъ приближеніемъ.

Сообразно указанной природѣ соотвѣтственныхъ „законовъ" ихъ иногда въ подлежащихъ научныхъ сферахъ называютъ тенденціями, стремленіями и вводятъ соотвѣтственныя указанія въ самыя формулы: „каждое движущееся тѣло стремится продолжать движеніе съ тою же скоростью по прямой линіи" и т. п.

Сообразно съ этимъ и общій законъ причинной связи иногда формулируется такъ, что „всякое явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ опредѣленнымъ явленіемъ или другими опредѣленными явленіями, *если къ тому нѣтъ препятствій*", и т. п.

Впрочемъ, указанное несовпаденіе теоретическихъ истинъ и конкретныхъ объектовъ наблюденія относится не только къ тѣмъ положеніямъ, которыя принято подводить подъ законъ причинности и называть „законами природы" (въ общемъ смыслѣ, обнимающемъ и законы общественныхъ явленій). Напр., геометрическія истины тоже de facto никогда не осуществляются. Въ природѣ нѣтъ такихъ случаевъ, въ которыхъ бы осуществлялись геометрическія теоремы относительно

круговъ, шаровъ, конусовъ и т. п. Случаются только въ извѣстныхъ областяхъ (главнымъ образомъ въ области человѣческой техники, ср. также явленія кристаллизаціи) такія приближенія къ ихъ осуществленію, что разныя необходимыя неправильности и осложненія не играютъ существенной роли, напр., не мѣшаютъ архитекторамъ предвидѣть съ достаточною относительною точностью количество необходимаго для постройки матеріала и т. п. Геометрическія теоремы, можно сказать, тоже выражаютъ тенденцію; онѣ указываютъ, что̀ должно было бы быть въ дѣйствительности, если бы не было неизбѣжныхъ осложненій...

Какъ бы то ни было теоретическое знаніе вообще отнюдь не есть какая то копія или протоколъ дѣйствительности и содержитъ въ себѣ принципіально отличное отъ того, что̀ могло бы быть констатировано путемъ наблюденія.

Тамъ, гдѣ путемъ наблюденія, какъ таковаго, пришлось бы только констатировать хаосъ безконечнаго разнообразія и измѣнчивости, и нельзя было бы найти никакой правильности и ничего общаго между явленіями, теорія находитъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же, общихъ и элементарныхъ факторовъ и ихъ правильныхъ и неизмѣнныхъ тенденцій. Можетъ быть и обратное: то, что̀ наблюденію представляется однороднымъ, одинаковымъ, съ точки зрѣнія теоретическаго знанія и пониманія окажется принципіально различнымъ, осуществленіями принципіально разнородныхъ элементарныхъ тенденцій и ихъ сочетаній.

Но если бы между теоретическимъ знаніемъ и наблюденіями и не было указаннаго принципіальнаго различія, если бы теоретическое знаніе не говорило вовсе о не поддающихся наблюденію и принципіально отличныхъ отъ наблюдаемаго въ дѣйствительности тенденціяхъ, а касалось бы исключительно такого рода объектовъ, какіе могутъ быть и бываютъ предметами наблюденія, все таки каждая теорія, какъ таковая содержала бы въ себѣ нѣчто принципіально отличное отъ того, что можетъ быть констатировано путемъ наблюденія; ибо теоріи—классовыя сужденія, т. е. онѣ содержатъ утвержденія не о тѣхъ объектахъ, которые существовали или су-

ществуютъ и случайно были подвергнуты наблюденію, а о классахъ, т. е. о чемъ то принципіально безконечно большемъ, чѣмъ то, что могло быть подвергнуто наблюденію, хотя бы такихъ наблюденій были сдѣланы милліоны (ср. выше, IV).

Тѣ пріемы изслѣдованія, о которыхъ традиціонно идетъ рѣчь въ области ученія объ опредѣленіи, которые примѣняются для отысканія общихъ и отличительныхъ свойствъ права, нравственности, государствъ и т. п., и вообще всякіе пріемы изученія, которые сводятся къ протоколированію (и, эвентуально, сокращенному выраженію) констатированнаго въ дѣйствительности, могутъ быть годными и достаточными методами только въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ дѣло идетъ именно объ описаніи или пересказѣ наличнаго или бывшаго въ конкретной дѣйствительности (въ области конкретныхъ, описательныхъ и повѣтствовательныхъ наукъ), но не въ области классовыхъ наукъ, теорій. Съ точки зрѣнія классовыхъ наукъ положенія, добытыя путемъ простого констатированія фактовъ, въ томъ числѣ путемъ нахожденія общихъ чертъ въ подвергнутомъ наблюденію объектахъ извѣстнаго рода (хотя бы и сравнительно весьма многочисленныхъ), въ лучшемъ случаѣ представляютъ сырой фактическій матеріалъ, могущій быть утилизированнымъ для извѣстныхъ теоретическихъ предположеній, выводовъ и т. д.

Для того, чтобы образовать и обосновать какую либо правильную теорію, недостаточно констатировать какое либо фактическое бываніе, а надо установить наличность необходимой логической или причинной связи (тенденціи) между специфическимъ признакомъ (differentia specifica) какого-либо класса объектовъ (теоретическаго подлежащаго) и чѣмъ-либо другимъ (тѣмъ, что относительно этого класса высказывается, теоретическимъ сказуемымъ).

Для доказательства правильности и выясненія значенія этого методологическаго тезиса замѣтимъ слѣдующее:

1. Если установлено, что между какимъ либо признакомъ *a* какого либо класса A и чѣмъ либо другимъ b существуетъ необходимая логическая связь, такъ что изъ пред-

положенія наличности *a* вытекаетъ неизбѣжно наличность b, то тѣмъ самымъ доказано, что всѣ мыслимые A связаны съ b, что, стало быть, теорія, приписывающая b классу A не можетъ быть прыгающею теоріею. Точно также если доказано, что между какимъ-либо свойствомъ извѣстнаго класса и чѣмъ либо другимъ существуетъ необходимая причинная связь, то тѣмъ самымъ доказано, что теорія, приписывающая всему классу соотвѣтственное причинное свойство не можетъ быть прыгающею теоріею; напр., если установлено, что свойству a класса A присуща причинная тенденція b, то тѣмъ самымъ доказано, что всѣмъ прошедшимъ (въ томъ числѣ намъ неизвѣстнымъ) A была свойственна тенденція b, что будущимъ A будетъ свойственна тенденція b, и вообще, что всѣмъ мыслимымъ A свойственна (должна быть мысленно приписана) тенденція b, т. е. что теорія, приписывающая классу A какъ таковому тенденцію b не есть прыгающая теорія. Вообще установленіе необходимой логической или причинной связи между какимъ либо признакомъ теоретическаго (классоваго) подлежащаго и теоретическимъ сказуемымъ есть *достаточная гарантія* противъ порока прыганія теоріи.

Съ другой стороны, установленіе такой связи есть *единственная* гарантія противъ порока прыганія теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, если что либо, приписываемое извѣстному классу, не связано необходимо ни съ какимъ признакомъ этого класса, въ такомъ случаѣ возможны, мыслимы объекты этого класса безъ того, что приписано классу, а въ такомъ случаѣ соотвѣтствевная теорія есть прыгающая теорія.

Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣтимъ, что установленныя положенія о гарантіи противъ порока прыганія предполагаютъ такое пониманіе и образованіе классовыхъ понятій, какое выше, стр. 87 и сл., было указано, какъ правильное и ведущее къ тому, что приписанные классу признаки являются неизбѣжно абсолютно общими признаками для всѣхъ объектовъ класса (стр. 88).

На почвѣ подвергнутаго выше критикѣ традиціоннаго

пониманія и образованія классовыхъ понятій доказательство необходимой связи между какимъ либо приписаннымъ классу признакомъ и чѣмъ либо другимъ отнюдь не являлось бы гарантіей противъ прыганія теоріи, ибо нѣтъ никакой гарантіи, что дѣло идетъ объ общихъ всѣмъ членамъ класса признакахъ (ср. выше, стр. 90). Если бы, напр., юристы или моралисты образовывали свои теоретическія утвержденія о правѣ или нравственности путемъ установленія необходимой связи между приписанными имъ праву или нравственности въ соотвѣтственныхъ опредѣленіяхъ признаками и чѣмъ либо другимъ, все-таки къ ихъ теоріямъ наше положеніе о гарантіи противъ прыганія вовсе бы не относилось. Ибо ихъ утвержденія, что праву или нравственности общи такіе то признаки (утвержденія, основанныя на обзорѣ и сравненіи лишь нѣсколькихъ „правовыхъ" или „нравственныхъ", т. е. такъ называемыхъ, явленій, бездоказательны и обыкновенно даже явно ошибочны, такъ что необходимая связь чего либо другого съ такими признаками вовсе не обосновываетъ свободы теоріи отъ порока прыганія.

2. Установленіе необходимой, логической или причинной, связи между какимъ либо классовымъ свойствомъ теоретическаго подлежащаго и теоретическимъ сказуемымъ является (при условіи правильнаго пониманія и образованія классовыхъ понятій) надлежащею гарантіею противъ прыганія теоріи, но отнюдь не заключаетъ въ себѣ необходимо гарантіи противъ хроманія теоріи. Напротивъ, нѣкоторыя теоріи, высказываемыя на основаніи необходимой связи между классовыми свойствами теоретическихъ подлежащихъ и сказуемымъ, неизбѣжно должны быть хромыми и лишь нѣкоторыя—свободными отъ этого порока.

Въ этомъ отношеніи важно различать два рода классовыхъ признаковъ: а. признаки, общіе всѣмъ членамъ даннаго класса, но не имъ однимъ, т. е. признаки, свойственные какому либо болѣе общему, высшему классу: роду, видомъ котораго является данный классъ, надъ-роду и т. д.—„родовые признаки". Напр., въ классѣ прямоугольные треугольники наличность трехъ угловъ есть родовой признакъ—свой-

ственный не только прямоугольнымъ, но вообще всѣмъ треугольникамъ; въ классѣ: прозрачныя жидкости признакъ жидкаго состоянія есть родовой признакъ, признакъ матеріальной природы—тоже (это надъ-родовой признакъ, ибо онъ свойственъ не только всѣмъ жидкостямъ—ближайшему высшему роду, но еще болѣе обширному классу—физическимъ тѣламъ вообще, въ томъ числѣ и твердымъ и газообразнымъ); b. признаки, спеціально свойственные даннымъ классамъ, отличающіе ихъ отъ всѣхъ другихъ классовъ — „видовые", „специфическіе признаки", „специфическія отличія" (differentia specifica); напр., въ только что приведенныхъ примѣрахъ прямоугольность треугольника, прозрачность жидкости суть видовые признаки, видовыя отличія. Въ классѣ: бѣлыя круглыя тѣла, признаки: тѣлесная природа, бѣлизна, круглая форма въ отдѣльности, а равно и комбинаціи по два: тѣлесность + бѣлизна (бѣлыя тѣла), тѣлесность + круглая форма (круглыя тѣла) суть родовые признаки, но комбинація сразу всѣхъ трехъ признаковъ есть специфическое отличіе даннаго класса.

Сообразно съ этимъ слѣдуетъ различать два рода теорій, основанныхъ на наличности необходимой логической связи между классовыми признаками теоретическаго подлежащаго и сказуемыми.

a. Теоріи, сказуемыя коихъ связаны (логически или причинно) съ родовыми признаками классовыхъ подлежащихъ. Всѣ такія теоріи могутъ (на основаніи пункта 1 выше стр. 142) быть расширены путемъ отнесенія сказуемыхъ къ тѣмъ высшимъ классамъ, для которыхъ данные родовые признаки все еще остаются общими признаками, безъ введенія порока прыганія; слѣдовательно въ настоящемъ видѣ всѣ эти теоріи суть хромыя теоріи. Степень ихъ хроманія тѣмъ больше, чѣмъ выше тотъ послѣдній классъ, для котораго данные родовые признаки все еще остаются общими признаками, по отношенію къ тому классу, къ которому теперь пріурочены сказуемыя. Если къ виду отнесено то, что связано съ признаками, общими всему роду и только ему, то имѣется хроманіе 1-й степени; если дѣло идетъ о признакахъ, общихъ не только для рода, но и для надъ-рода, то имѣется

хроманіе 2-й степени, и т. д. Напр., если относительно класса: „прозрачныя жидкости“ высказывается что либо такое, что причинно связано съ жидкимъ состояніемъ тѣлъ, то имѣется хроманіе 1-й степени, если же то, что высказывается о прозрачныхъ жидкостяхъ, связано съ матеріальною ихъ природою, то имѣется хроманіе 2-й степени, и т. п.

b. Теоріи, сказуемыя коихъ связаны не съ родовыми, а съ видовыми признаками, со специфическими отличіями теоретическихъ подлежащихъ. Такія теоріи не допускаютъ расширенія путемъ отнесенія сказуемыхъ къ болѣе обширнымъ классамъ, ибо въ противномъ случаѣ получились бы неизбѣжно прыгающія теоріи (выше стр. 143), слѣдовательно онѣ свободны отъ порока хроманія.

Предыдущее положеніе предполагаетъ такое пониманіе и образованіе классовыхъ понятій, при которомъ имѣется гарантія, что классовое опредѣленіе (соотвѣтствующій признакъ или совокупность признаковъ) отличаетъ всѣ объекты класса отъ всѣхъ прочихъ объектовъ, дѣйствительно содержитъ въ себѣ специфическое отличіе. На почвѣ подвергнутаго выше критикѣ традиціонна го пониманія и образованія классовыхъ понятій доказательство необходимой связи между какими либо, приписанными классу въ качествѣ отличительныхъ, признаками и чѣмъ либо другимъ отнюдь не доказывало бы свободы теоріи отъ порока хроманія, ибо нѣтъ никакой гарантіи, что дѣло идетъ о признакахъ, дѣйствительно отличающихъ объекты, о которыхъ говорится, отъ всѣхъ прочихъ объектовъ (ср. выше, стр. 90). Если бы, напр., юристы или моралисты образовывали свои теоретическія утвержденія о правѣ или нравственности путемъ установленія необходимой связи между приписанными ими праву или нравственности въ соотвѣтственныхъ опредѣленіяхъ отличительными признаками и чѣмъ либо другимъ, все таки къ ихъ теоріямъ наше положеніе о свободѣ отъ порока хроманія не относилось бы. Ибо ихъ утвержденія, что праву или нравственности спеціально свойственны въ отличіе отъ „сродныхъ“ и вообще всѣхъ другихъ явленій такіе то признаки (утвержденія основанныя, на обзорѣ и сравненіи нѣсколькихъ „правовыхъ“ или „нравственныхъ“, т. е. такъ

называемыхъ, явленій съ нѣсколькими иначе называемыми и принимаемыми за сродныя явленіями) бездоказательны и обыкновенно даже явно ошибочны такъ что необходимая связь чего либо другого съ такими признаками вовсе не обосновываетъ свободы теоріи отъ порока хроманія.

Иное положеніе дѣла получается въ томъ случаѣ, если исходить изъ установленнаго выше, стр. 87 и сл., пониманія существа классовыхъ понятій и ихъ образованія; въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ исполненіи неисполнимой работы обзора всѣхъ сродныхъ съ опредѣляемыми объектовъ для отысканія отличительныхъ признаковъ, и тѣмъ не менѣе есть абсолютная гарантія въ томъ, что классовыя опредѣленія содержатъ въ себѣ дѣйствительно специфическія отличія, что возведенные въ опредѣленія признаки (или: совокупности признаковъ) свойственны только объектамъ даннаго класса и ничему другому въ мірѣ (стр. 89 sub 3), такъ что есть гарантія и въ томъ, что связанное логически или причинно съ такими признаками находится въ связи именнно со специфическою, единственною въ своемъ родѣ, природою объектовъ даннаго класса, и что, поэтому, утверждаемое вмѣстѣ съ его основаніями не можетъ быть безъ ошибки отнесено къ болѣе обширному классу [1]).

---

[1]) По поводу изложеннаго можетъ возникнуть вопросъ, можно ли утверждать, что своеобразныя, чуждыя всему прочему, свойства извѣстныхъ объектовъ должны влечь за собою и своеобразныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что къ составу господствующаго ученія о причинахъ и причинной связи относится, между прочимъ, воззрѣніе, по которому разныя причины могутъ вести къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ: смерть можетъ послѣдовать отъ пули, отъ яда, отъ погруженія въ воду, въ безвоздушное пространство, отъ различнѣйшихъ болѣзней, и проч. Если исходить изъ этого, повидимому, несомнѣннаго и весьма убѣдительно и наглядно доказываемаго примѣромъ разныхъ причинъ смерти положенія въ такомъ случаѣ на поставленный вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Но намъ само ученіе о тождественныхъ послѣдствіяхъ различныхъ причинъ представляется покоящимся на недоразумѣніи. Дѣйствительно, смерть можетъ послѣдовать и отъ пули, и отъ яда, и т. д. Но тѣмъ не менѣе ударъ пули влечетъ за собою совсѣмъ иныя послѣдствія, чѣмъ ядъ, и т. п., какъ это, между прочимъ наглядно показываетъ даже чисто внѣшнее сравненіе труповъ. Судебная и клиническая экспертиза уже при современномъ состояніи знаній умѣетъ путемъ из,

Такъ какъ при правильномъ пониманіи и образованіи понятій существуетъ гарантія, что специфическое отличіе есть абсолютно общій всему классу признакъ, а теоріи, основанныя на необходимой связи сказуемыхъ съ общими признаками класса не могутъ быть прыгающими теоріями (стр. 143), то получается то положеніе, что теоріи, основанныя на необходимой связи сказуемыхъ со специфическими отличіями клас-

---

слѣдованія трупа рѣшить не только, напр., вопросъ, послѣдовала ли смерть отъ утопленія или удушенія, или отъ яда, или отъ естественной болѣзни, но и вопросъ, отъ какого изъ многихъ извѣстныхъ ядовъ, отъ какой изъ многихъ извѣстныхъ болѣзней послѣдовала смерть,—потому что разные яды, разныя болѣзни и т. д. производятъ разныя измѣненія въ организмѣ, вызываютъ разные специфическіе процессы, влекутъ за собою разныя послѣдствія. Если бы разныя причины порождали тѣ же послѣдствія, тогда вообще о научномъ или вообще сколько нибудь достовѣрномъ опредѣленіи причинъ по послѣдствіямъ, т. е. о томъ, что въ жизни и въ наукѣ на каждомъ шагу съ успѣхомъ дѣлается, не могло бы быть рѣчи. Мало того, тогда мы бы никогда не были въ состояніи съ увѣренностью утверждать, что что либо было, напр., что вчера или только что произошло какое либо событіе: ибо всякое утвержденіе о прошедшемъ есть въ существѣ дѣла утвержденіе о причинахъ на основаніи послѣдствій; даже если мы были очевидцами чего либо и по памяти высказываемъ соотвѣтственное утвержденіе, то наше утвержденіе есть утвержденіе о бывшей причинѣ по наличнымъ теперь послѣдствіямъ—по памяти, по образамъ, которые теперь возникаютъ въ нашей психикѣ, какъ послѣдствія бывшаго прежде. Если даже я теперь вижу солнечный свѣтъ или слышу колокольный звонъ и утверждаю, что свѣтитъ солнце, звенитъ колоколъ, то это мое утвержденіе есть своего рода экспертиза по послѣдствіямъ о причинѣ (о причинѣ моихъ свѣтовыхъ, звуковыхъ ощущеній, и т. д.). Съ точки зрѣнія теоріи объ одинаковыхъ послѣдствіяхъ различныхъ причинъ всѣ такія и т. п. утвержденія должны были бы быть признаны лишь догадками, ничего не доказывающими и не удостовѣряющими, ибо изъ особенностей послѣдствій отнюдь не вытекаетъ наличности опредѣленной особенной причины. Недоразумѣніе, лежащее въ основаніи этого ученія, состоитъ въ томъ, что за совпаденіе слѣдствій здѣсь принимается частичное сходство въ какихъ либо (различныхъ) элементахъ и звеньяхъ различныхъ процессовъ, вызванныхъ различными причинами. Съ практическо-житейской точки зрѣнія обыкновенно безчисленныя различія процессовъ, вызываемыхъ различными причинами, не представляются важными (громадное большинство ихъ вообще обыкновенно неизвѣстно, и это относится даже и къ наукѣ при современномъ ея состояніи), а важна лишь одна какая сторона дѣла, или обращаютъ на себя вниманіе лишь нѣкоторыя стороны дѣла, и съ этой точки зрѣнія разговоры объ однихъ и тѣхъ же послѣдствіяхъ разныхъ причинъ психологически вполнѣ понятны и извинительны. Но въ наукѣ слѣдовало бы отличать послѣдствія отъ того, что намъ въ какой либо стадіи процесса-слѣдствія случайно бросится въ глаза и покажется похожимъ на другое.

совыхъ подлежащихъ, суть адэкватныя (не хромающія и не прыгающія) теоріи. Изъ предыдущаго вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ, что только эти теоріи (и при томъ только при предположеніи надлежащаго пониманія и образованія классовыхъ понятій) могутъ быть утверждаемы, какъ вполнѣ правильныя, какъ свободныя отъ пороковъ хроманія и прыганія теоріи.

Изъ этихъ положеній между прочимъ видно, сколь важную роль должны играть специфическія классовыя отличія при научно-методическомъ образованіи теоретическихъ ученій, въ томъ числѣ цѣлыхъ теоретическихъ наукъ о какихъ либо объектахъ, напр., о правѣ, нравственности, государствѣ, и т. д. Специфическія отличія изучаемыхъ классовъ должны представлять научные базисы всѣхъ теоретическихъ построеній и тезисовъ; они истинныя fundamenta theoriae. Содержаніе научной теоріи должно состоять въ изложеніи того, что связано логически или причинно со специфическимъ отличіемъ изучаемаго класса и въ выясненіи и доказательствѣ этихъ связей [1]).

---

[1]) Прежніе логики придавали большое значеніе правилу опредѣленія, которое гласитъ, что definitio fit per genus et differentiam specificam: опредѣлять слѣдуетъ путемъ названія ближайшаго высшаго рода и указанія специфическаго отличія даннаго класса (вида). Само собою разумѣется, это правило не относится къ тому случаю, когда данный классъ представляетъ высшій родъ, такой классъ, надъ которымъ нѣтъ высшаго, такъ что указаніе genus proximum не можетъ имѣть мѣста.

Новые логики относятся къ этому правилу скептически. Главная основа критики состоитъ въ существующемъ въ современной логикѣ представленіи, что понятіе чего либо это полное и совершенное знаніе этого предмета, знаніе всѣхъ его свойствъ. „Для того, чтобы имѣть ясныя идеи, необходимо знать всѣ общія свойства вещей, относимыхъ нами къ одному классу. Это должно сдѣлать наше понятіе о классѣ не только яснымъ, но и полнымъ“ (Милль, Система логики, кн. IV, гл. II § 5, ср. Sigwart, Logik II § 77 и др.). Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, указаніе рода и специфическаго отличія не даетъ еще „полнаго“ понятія. Съ этой же точки зрѣнія вообще надлежащія понятія нѣчто такое, о достиженіи чего едва ли когда либо можетъ быть рѣчь (для этого нужна была бы увѣренность во всезнаніи). Это—идеалы, къ которымъ знаніе человѣческое можетъ лишь, по мѣрѣ своего обогащенія и усовершенствованія, приближаться.

Но въ основѣ этого ученія лежитъ смѣшеніе разнородныхъ вещей, а именно смѣшеніе классовыхъ понятій съ полными, до совершенства развитыми теоріями этихъ классовъ. Классовыя понятія суть только элементы сужденій, звенья для

Предыдущіе методологическіе тезисы исходятъ изъ предположенія, что имѣется на лицо (надлежаще образованное

составленія теорій; они вовсе не утверждаютъ, что „когда есть на лицо то то, то есть и другое" или „всему, что обладаетъ такими то признаками, присущи еще и такія то свойства", а тѣмъ болѣе не заключаютъ въ себѣ всѣхъ возможныхъ истинныхъ утвержденій такого рода; они образуютъ только начала такихъ сужденій: „всякій разъ когда есть на лицо то то", „все, чему свойственно то то".

Замѣчательно, что представленіе о понятіяхъ, какъ о какихъ то всезнаніяхъ о соотвѣтственныхъ классахъ, уживается въ современныхъ логикахъ съ другимъ, тоже неправильнымъ, но несравненно болѣе скромнымъ ученіемъ о понятіяхъ и опредѣленіяхъ, по которому дѣло сводится къ словамъ, ихъ значенію и толкованію этого значенія (ср., напр., приведенное только что положеніе Милля о полныхъ понятіяхъ съ положеніями, упомянутыми выше, стр. 131 прим.; между прочимъ, у Милля находимъ также возраженіе противъ правила о genus и differentia и съ точки зрѣнія опредѣленія, какъ „анализа имени", т. е. толкованія смысла слова; для толкованія смысла слова вовсе нѣтъ надобности непремѣнно указывать родъ и видовое отличіе, а достаточно „замѣнить одно слово (опредѣляемое), соозначающее заразъ цѣлый рядъ признаковъ, двумя или болѣе словами, соозначающими тѣ же признаки, только взятые по одиночкѣ или меньшими группами", Система, кн. I гл. VIII §§ 1—3).

Неудовлетворительность обѣихъ точекъ зрѣнія и ихъ совмѣщеніе, несмотря на несовмѣстимость по существу, должны естественно порождать хаосъ и путаницу въ ученіяхъ о понятіяхъ и опредѣленіяхъ. Впрочемъ, воззрѣніе на понятія, какъ на знаніе „всѣхъ общихъ свойствъ" у большинства логиковъ (въ томъ числѣ, напр., у Милля) не оказываетъ серьезнаго вліянія на соотвѣтственныя методологическія ученія. При послѣдовательномъ примѣненіи этой точки зрѣнія въ ученіе объ образованіе понятій слѣдовало бы собственно вмѣстить всю логику и методологію. Зачатки такой „послѣдовательности" находимъ, между прочимъ, въ логикѣ Зигварта. У него въ ученіе объ образованіе понятій привлечена индукція (Logik II, § 77), и въ изложеніе правилъ объ индуктивныхъ умозаключеніяхъ включенъ кусокъ ученія объ образованіи понятій (тамъ же § 94). Съ этимъ естественно связаны повторенія одного и того же и темнота и запутанность обоихъ, перемѣшанныхъ другъ съ другомъ, ученій (ср. упомянутое уже выше, стр. 124 прим., ученіе Зигварта о необходимости отправленія при образованіи понятій отъ существующаго языка, о вращеніи въ логическомъ кругѣ между абстракціей и индукціей и о провизорности и гипотетичности результатовъ такихъ операцій).

Съ нашей точки зрѣнія по поводу правила, что опредѣленія слѣдуетъ составлять путемъ указанія ближайшаго высшаго рода, къ которому данный классъ относится и указанія специфическаго отличія даннаго вида, приходится замѣтить слѣдующее:

1. Поскольку въ основѣ этого правила лежитъ представленіе, что при опредѣленіи приходится исходить изъ какого то готоваго и даннаго класса и розыскивать, къ какому роду данные предметы относятся и каково ихъ специфиче-

классовое понятіе, и дѣло идетъ объ образованіи относительно соотвѣтственнаго класса адэкватныхъ теорій.

ское отличіе, то противъ него имѣютъ силу всѣ тѣ возраженія, которыя мы привели выше по поводу традиціоннаго воззрѣнія на образованіе понятій (IV).

2. Къ тому же это правило имѣетъ обыкновенно тотъ смыслъ, что дѣло идетъ о названіи, о кличкѣ рода. Схема соотвѣтственныхъ опредѣленій такова: А (названіе опредѣляемаго класса)=В (названіе ближайшаго рода)+такое то свойство; напр., квадратъ есть прямоугольникъ, который имѣетъ равныя стороны. Въ этомъ заключаются то ошибочное предположеніе, будто каждый классъ имѣетъ свособое названіе (ср. выше, стр. 123).

3. Съ другой стороны, при правильномъ пониманіи и образованіи понятій всякое понятіе заключаетъ и неизбѣжно должно заключать въ себѣ специфическое отличіе, т. е. указаніе того, что свойственно образованному классу и только ему (выше, стр. 89).

4. Если въ понятіе входятъ (explicite или implicite) нѣсколько признаковъ, напр. „прозрачныя жидкости" (прозрачность, жидкое состояніе, матеріальная природа), круглые предметы (матеріальная природа, бѣлизна, круглая форма), то въ составъ понятія входятъ непремѣнно и родовые признаки, и въ этомъ смыслѣ указаніе genus или даже нѣсколькихъ genera разныхъ степеней высоты (тѣла, прозрачныя тѣла, жидкія тѣла и т. д.), потому что, отбросивъ одинъ изъ признаковъ, мы получимъ ближайшій высшій родъ, отбросивъ два признака получимъ надъ-родъ, и т. д. Если понятіе заключаетъ въ себѣ лишь одинъ признакъ, то оно представляетъ summum genus, высочайшій родъ, и тогда, конечно родовыхъ признаковъ въ отличіе отъ видовыхъ въ немъ нѣтъ. Это, замѣтимъ, не можетъ имѣть мѣста ни при классификаціи психическихъ, ни при классификаціи физическихъ явленій уже потому, что во всѣхъ классахъ перваго рода указывается или подразумѣвается признакъ духовной, во всѣхъ классахъ второго рода—признакъ физической матеріальной природы. Если поэтому оставить въ сторонѣ исключительный случай summum genus, то можно сказать, что, конечно, definitio fit per genus et differentiam.

5. Указаніе родовыхъ признаковъ, конечно, не возбраняется замѣнить названіемъ соотвѣтствующаго рода, если оно имѣетъ смыслъ именно названія опредѣленнаго класса, есть сокращенное выраженіе опредѣленныхъ признаковъ; напр. противъ опредѣленій „*прямоугольникъ*, имѣющій равныя стороны", „*право*, которое отличается отъ другихъ видовъ права тѣмъ то" и т. п. ничего нельзя возразить, если названіе „прямоугольникъ", „право" суть научные термины съ опредѣленнымъ смысломъ (а не просто слова съ привычками называнія, но безъ понятій). Мало того, такія опредѣленія слѣдуетъ признать особенно удачно приноровленными къ задачамъ теоретическаго мышленія и знанія. А именно они подчеркиваютъ и выдвигаютъ специфическое отличіе, которое, какъ показано въ текстѣ, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду при образованіи теорій даннаго класса, какъ надлежащую основу теоретическихъ построеній, съ другой стороны, названіемъ ближайшаго рода эти опредѣленія напоминаютъ, что къ объектамъ даннаго класса относится также и все то, что извѣстно относительно объектовъ ближайшаго высшаго класса. Если этотъ ближайшій родъ, въ свою очередь, опредѣленъ

Но фактически теперь многія теоріи и даже цѣлыя науки, напр., о правѣ, о нравственности, о государствѣ, и т. п., представляютъ болѣе или менѣе значительныя, съ теченіемъ времени возрастающія, совокупности сужденій, пріуроченныхъ къ соотвѣтственнымъ названіямъ, къ словамъ: „право“, „нравственность“, „государство“, и т. п., которымъ не соотвѣтствуютъ какія либо опредѣленныя и прочно установившіяся въ наукѣ понятія, такъ что о значеніи этихъ словъ идутъ безконочные споры, происходятъ поиски за удачнымъ опредѣленіемъ ихъ смысла, и т. д. Какъ ни ненормально состоянія науки, которая представляетъ скопленія сказуемыхъ безъ опредѣленнаго теоретическаго подлежащаго, и какъ оно ни далеко отъ условій подлежащаго методически-сознательнаго построенія теоретическихъ наукъ, все таки можно предполагать (на основаніи тенденціи безсознательно-удачнаго подбора и приспособленія), что такія науки, особенно имѣющія столь длинную исторію развитія, какъ, напр., наука о правѣ, наука о нравственности, заключаютъ въ себѣ разныя цѣнныя отложенія вѣковой коллективной мысли, въ частности, что разныя теоретическія сказуемыя такихъ дисциплинъ, пріуроченныя пока къ именамъ, вмѣсто понятій, даже къ такимъ именамъ, которымъ объективно соотвѣтствуетъ не особый классъ, а лишь эклектическая группа разныхъ

путемъ имени слѣдующаго высшаго класса и differentia specifica, то этимъ, въ свою очередь, указывается, что слѣдуетъ относить спеціально къ нему (ближайшему роду перваго класса) и что къ слѣдующему, еще болѣе широкому классу, и т. д.

Такимъ образомъ въ старинномъ правилѣ definitio fit per genus at differentiam заключается (наряду съ нѣкоторою наивностью въ пониманіи существа дѣла) своего рода безсознательная практическая мудрость.

Что касается противопоставляемаго этому правилу положенія, что понятіе должно заключать въ себѣ не специфическое отличіе, а знаніе всѣхъ общихъ свойствъ вещей, относимыхъ нами къ одному классу, то къ сказанному выше прибавимъ еще, что такое „понятіе“ не только не было бы понятіемъ, а совокупностью теорій, но оно было бы къ тому же смѣсью разнородныхъ и долженствующихъ быть отнесенными къ различнымъ классамъ теорій. „Полныя понятія“, образованныя по соотвѣтственному рецепту, представляли бы то, что мы изобразили выше стр. 96, какъ пародію науки, для того чтобы указать, какъ не слѣдуетъ образовать теорій.

видовъ объектовъ какого либо рода, могли бы быть утилизированы для составленія подлежащихъ теорій, если бы удалось найти для нихъ надлежащее, вполнѣ адэкватное теоретическое подлежащее.

И вотъ по поводу такихъ ученій и другихъ случаевъ неизвѣстности и сомнѣнія, къ какому классу объектовъ должно отнести извѣстное теоретическое сказуемое, возникаетъ методологическій вопросъ: что требуется исполнить для того, чтобы по теоретическому сказуемому опредѣлить адэкватное ему классовое подлежащее (разумѣется, если таковое вообще существуетъ, т. е. если данное сказуемое вообще годно для образованія адэкватной теоріи)?

Для рѣшенія такихъ теоретическихъ задачъ надо опредѣлить, каковы необходимыя (съ точки зрѣнія причинной или логической связи) предположенія того, что имѣется въ виду въ сказуемомъ, съ чѣмъ послѣднее необходимо связано; результатъ такого изслѣдованія покажетъ, въ чемъ состоятъ общія и отличительныя свойства искомаго класса, т. е. каковъ искомый классъ. Это вытекаетъ изъ того, доказаннаго выше, положенія, что такія теоріи, въ которыхъ сказуемыя находятся въ необходимой логической или причинной связи съ общими и отличительными свойствами теоретическаго подлежащаго, и только эти теоріи, суть адэкватныя теоріи.

Изъ всего вышеизложеннаго вообще видно, что въ основѣ всѣхъ теоретическихъ построеній должно лежать знаніе и пониманіе причинныхъ и логическихъ связей и зависимостей между разными объектами мысли.

Что касается, наконецъ, средствъ и пріемовъ опредѣленія такихъ зависимостей, то дѣло идетъ о техникѣ человѣческаго мышленія вообще, и въ этомъ отношеніи мы должны указать, какъ на пособія для болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, на учебники и руководства по логикѣ, ограничиваясь здѣсь лишь слѣдующими краткими замѣчаніями:

Основою установленія и доказательства необходимыхъ логическихъ и причинныхъ связей являются дедуктивныя и индуктивныя умозаключенія. Ни тѣ, ни другія не имѣютъ ничего общаго съ обзоромъ всѣхъ или хотя бы множества чле-

новъ какого либо класса для нахожденія того, что имъ всѣмъ свойственно, и т. д. Дедуктивныя умозаключенія исходятъ вообще не отъ конкретныхъ фактовъ, а изъ самоочевидныхъ общихъ истинъ (аксіомъ, ср. напр., геометрію) и иныхъ общихъ положеній. Индуктивныя умозаключенія исходятъ изъ частныхъ данныхъ, въ томъ числѣ отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ, но для нихъ важно не количество фактовъ, а ихъ качество, точнѣе наличность особыхъ отношеній между фактами. Основныя правила индукціи Милль формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

1. Методъ сходства: если два или болѣе случая подлежащаго изслѣдованію явленія имѣютъ общимъ лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство, въ которомъ только и согласуются всѣ эти случаи, есть причина (или слѣдствіе) даннаго явленія.

2. Методъ различія. Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, сходны во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося лишь въ первомъ случаѣ, то это обстоятельство, въ которомъ одномъ только и разнятся эти два случая, есть слѣдствіе, или причина, или необходимая часть причины явленія.

3. Методъ сопутствующихъ измѣненій. Всякое явленіе, измѣняющееся опредѣленнымъ образомъ всякій разъ, когда нѣкоторымъ особеннымъ образомъ измѣняется другое явленіе, есть либо причина, либо слѣдствіе этого явленія, либо соединено съ нимъ какою либо причинною связью [1]).

Изъ этихъ правилъ, между прочимъ, видно, что для установленія причинной связи можетъ быть достаточнымъ имѣть въ

---

[1]) Сверхъ того Милль и за нимъ другіе логики приводятъ еще два правила:

1. Если два или болѣе случая возникновенія явленія имѣютъ общимъ лишь одно обстоятельство, и два или болѣе случая невозникновенія того же явленія имѣютъ общимъ только отсутствіе того же самаго обстоятельства, то это обстоятельство, въ которомъ только и разнятся оба рода случаевъ, есть или слѣдствіе, или причина, или необходимая часть причины изучаемаго явленія.

Соотвѣтственный методъ установленія причинной связи Милль называетъ

распоряженіи два явленія (или два различныхъ фазиса того же явленія, до извѣстной перемѣны и послѣ нея) при наличности извѣстнаго отношенія между ними.

Какъ въ области образованія понятій (классовъ и классовыхъ опредѣленій), такъ и въ области установленія и доказательства теорій, обозрѣніе всѣхъ случаевъ изслѣдуемаго класса, констатированіе общаго путемъ абстракціи и т. д. представляютъ не только невозможныя, но и лишнія умственныя операціи; для обѣихъ задачъ теоретическаго мышленія и дѣятельностей есть болѣе подходящія логическія средства.

Л. Петражицкій.

„соединеннымъ методомъ сходства и различія". Онъ состоитъ въ двойномъ примѣненіи перваго правила и поэтому его бы слѣдовало указывать лишь какъ иллюстрацію примѣненія метода сходства, а не какъ особый основной методъ.

2. Если изъ явленія вычесть ту его часть, которая, какъ извѣстно изъ прежнихъ индукцій, есть слѣдствіе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предыдущихъ, то остатокъ даннаго явленія долженъ быть слѣдствіемъ остальныхъ предыдущихъ.

Соотвѣтственный методъ установленія причинной связи Милль называетъ „методомъ остатковъ".

Но опредѣленіе на основаніи общихъ знаній (хотя бы добытыхъ индуктивнымъ путемъ), что въ извѣстномъ явленіи извѣстные элементы суть слѣдствія опредѣленныхъ предыдущихъ, а равно заключеніе, что остатокъ долженъ быть слѣдствіемъ другихъ предыдущихъ, суть дедуктивныя умозаключенія, поэтому отнесеніе такъ называемаго „метода остатковъ" къ индукціи представляется намъ неправильнымъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ ПРАВѢ.

III.

Практика войнъ XIX—XX в.в.

Та практика, которая установилась въ XVIII вѣкѣ, продолжаетъ существовать и понынѣ. Войны XIX вѣка въ этомъ отношеніи не отличаются отъ войнъ XVIII вѣка. Войнамъ иногда предшествуетъ ультиматумъ или объявленіе войны, но очень часто они начинаются непосредственно фактическими враждебными дѣйствіями. Это положеніе признается всѣми писателями по отношенію къ войнамъ первой половины XIX вѣка, но по отношенію къ послѣдующему времени многими оспаривается. Тѣ, кто это положеніе оспариваетъ, указываютъ на 1856 годъ, какъ на моментъ, съ котораго должно считать начало новой практики, возстановившей старое начало обязательнаго объявленія войны. 1856-й годъ, по ихъ мнѣнію, имѣетъ для рѣшенія разбираемаго вопроса такое же важное значеніе, какое, по мнѣнію другихъ, имѣетъ 1763-й годъ. Подобно тому, какъ въ 1763 г. получило санкцію начало необязательности объявленія войны, такъ въ 1856 г. будто бы санкціонировано было противоположное начало, не допускающее войнъ безъ объявленія, начало, положившее конецъ всей практикѣ, установившейся въ прежнее время, и открывшее собою новую эру.

Такое мнѣніе высказано было Кальво. „Въ виду началъ,

провозглашенныхъ Парижскимъ конгрессомъ 1856 г., говоритъ онъ, ученіе Филлимора о томъ, что государство можетъ начать военныя дѣйствія до объявленія войны, болѣе уже не можетъ быть принимаемо за норму международнаго права" [1]). Своеобразность этой точки зрѣнія была уже отмѣчена проф. Коркуновымъ [2]). Нелегко, дѣйствительно, понять, какое изъ постановленій Парижскаго конгресса могло дать поводъ къ подобному толкованію. Объяснить это попытался Брюйасъ. „Всѣ подписавшіе Парижскій трактатъ (30 марта 1856 г.), замѣчаетъ онъ, признали implicite обязанность для народовъ, принявшихъ его, не начинать войны, не объявивъ ея предварительно". При этомъ, онъ ссылается на ст. 8 трактата, въ силу которой участники упомянутаго договора, въ своихъ спорахъ съ Турціей, не имѣютъ права прибѣгать къ оружію, не обратившись предварительно къ посредничеству остальныхъ контрагентовъ. Постановленіе это объявленія войны не касается; но, если бы оно могло быть истолковано въ этомъ смыслѣ, оно служило бы только доказательствомъ того, что ограниченіе сдѣлано (и то лишь для участниковъ договора) по отношенію къ войнамъ съ Турціей, въ отношеніи же къ остальнымъ державамъ предоставлена полная свобода дѣйствій, т. е. какъ разъ обратное тому, что желательно доказать [3]). Другое доказательство—указаніе на пожеланіе, выраженное 16 апрѣля 1856 г. участниками

---

[1]) Calvo. Le droit théor. et prat. t. IV (Paris-Berl. 1888). § 1907.

[2]) „Особенное положеніе занимаетъ Кальво: онъ полагаетъ, что этотъ обычай (объявленія войны), отмѣненный было въ XVIII ст., снова возобновленъ, если и не прямо, постановленіями Парижскаго конгресса 1856 г." (Коркуновъ, Междунар. право, изд. лейт. Шидловскаго, С.-ПБ. 1886 г., стр. 216).—Раньше Кальво то же мнѣніе было высказано Feraud-Giraud, въ статьѣ „Des hostilités sans déclaration de guerre" (Revue de Dr. Int. t. XVII—1885 г.- p. 34).

[3]) Самъ Брюйасъ, повидимому, понимаетъ это. „Даже С.-Джемскій Кабинетъ", говоритъ онъ, „—обстоятельство, заслуживающее вниманія,—примкнулъ къ договору 1856 г. Но значитъ ли это, что Великобританія навсегда отказалась отъ внезапныхъ нападеній, къ которымъ она столь часто прибѣгала? Предполагать это, думается намъ, значило бы поддаться сильной иллюзіи" (Bruyas op. cit., p. 99). Сомнѣнія вполнѣ справедливы, но они съ такимъ же правомъ могутъ быть обращены къ Франціи и любому другому государству, какъ и къ Англіи.

Парижскаго конгресса, чтобы въ будущемъ, въ случаѣ споровъ между собою, обращаться къ посредничеству, лишено и того значенія, которое имѣетъ ст. 8. Пожеланіе это, какъ извѣстно, такъ и осталось добрымъ пожеланіемъ, осуществить которое на дѣлѣ государства вовсе и не помышляютъ [1]).

Создавъ себѣ иллюзію о новомъ правѣ, будто бы санкціонированномъ въ 1856 г., нѣкоторые писатели пытаются доказать, что международная практика подтверждаетъ ихъ иллюзію о возникновеніи этого права. „Всѣ войны, замѣчаетъ, напр., Брюйасъ, имѣвшія мѣсто въ это новѣйшее время, и въ частности война между С. Штатами и Испаніей, были предваряемы... объявленіемъ войны, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что трактатъ 30 марта и въ особенности декларація 16 апрѣля 1856 г. послужили отправною точкою новаго обычая въ отношеніи къ оффиціальному открытію военныхъ дѣйствій" [2]). На такое заключеніе новѣйшая международная практика врядъ ли уполномочиваетъ внимательнаго изслѣдователя. Въ виду разногласія, существующаго по данному вопросу, а также въ интересахъ возможно болѣе объективнаго его рѣшенія, необходимо ближе ознакомиться съ этою практикой. Мнѣ придется остановиться только на войнахъ, начатыхъ послѣ 1856 г., такъ какъ относительно предшествую-

---

[1]) Отъ предложеннаго посредничества державы, какъ извѣстно, обыкновенно отказываются (Пруссія и Франція въ 1870 г., Россія въ 1877 г. и проч.). Гаагская конференція 1899 г. превратила это пожеланіе даже въ формально-юридическую норму, санкціонировавъ ее въ „конвенціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній". Государства обязались „прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы обезпечить мирное рѣшеніе международныхъ столкновеній" (ст. 1), а также „прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, обращаться, насколько позволятъ обстоятельства, къ добрымъ услугамъ или посредничеству одной или нѣсколькихъ державъ" (ст. 2). Тѣмъ не менѣе и 1899 годъ не началъ собою новой эры въ развитіи изучаемаго нами вопроса. Должно сознаться, впрочемъ, что приведенныя нормы, подобно цѣлому ряду постановленій Гаагской мирной конференціи, и сами по себѣ не имѣютъ строго правового значенія, а являются лишь дипломатическими орнаментами.

[2]) Bruyas, op. cit., p. 100—101. Такого же мнѣнія держится, повидимому, и баронъ Б. Нольде: „длинный рядъ случаевъ убѣждаетъ, что современное европейское правосознаніе признавало декларацію войны обязательною" („Право", 1904 г., № 7, стр. 430—431).

щаго времени разногласія нѣтъ. О времени до 1856 г. можно, поэтому, ограничиться лишь самыми краткими указаніями.

А. Время до 1856 года.

Начало вѣка заполнено Наполеоновскими войнами. Ихъ можно бы обойти молчаніемъ. „Такія времена, какъ Наполеоновское, говоритъ историкъ Соловьевъ [1]), времена насилій и захватовъ, самыхъ безцеремонныхъ со стороны сильнаго, бываютъ очень неблагопріятны для развитія международной нравственности, честности, ибо слабые позволяютъ себѣ двойную игру, оправдываясь насиліемъ сильнаго, указывая въ немъ примѣръ игры въ обѣщанія, договоры, указывая на невозможность бороться съ нимъ открыто, чисто". „Во время великой борьбы Наполеона противъ Европы, съ 1800 по 1815 годъ, соображенія юридическаго порядка были отодвинуты на второй планъ", замѣчаетъ Брюйасъ, но оговаривается, что и въ этотъ случайный періодъ „можно отмѣтить отправку манифестовъ, отозваніе пословъ въ качествѣ мѣръ, предшествующихъ началу военныхъ дѣйствій" [2]). Упрекая Англію за внезапныя нападенія ея въ 1804 и 1807 г.г. на Данію и 1812 г.—на Швецію, Брюйасъ не ставитъ въ укоръ Франціи и Наполеону войну съ Россіею, начатую безъ всякаго объявленія. Въ послѣднемъ случаѣ представитель Франціи въ Петербургѣ получилъ передъ войною приказаніе взять немедленно свои паспорты. Это было единственнымъ актомъ предупрежденія о войнѣ. „По совершеніи этой формальности, враждебныя дѣйствія начались", заявляетъ самъ Брюйасъ [3]). Третья война, возгорѣвшаяся въ томъ же 1812 году, война С. Штатовъ съ Англіей, началась тоже безъ предупрежденія противника, сейчасъ же послѣ того, какъ правительство С. Штатовъ получило отъ конгресса разрѣшеніе вести войну.

---

[1]) Соловьевъ. Императоръ Александръ I (С.-ПБ, 1877 г.). Стр. 227.

[2]) Bruyas, op. cit., p. 61.

[3]) Bruyas, op. cit., p. 62.

Изъ многочисленныхъ войнъ Наполеоновскаго времени, я остановлюсь подробно только на *войнѣ России со Швецией 1808—1809 г.* [1]).

Войнѣ предшествовали переговоры. Русское правительство, обязавшись въ 1807 г. (Тильзитское свиданіе) къ совмѣстнымъ съ Франціей дѣйствіямъ противъ Англіи, нотою отъ 24 сентября того же года потребовало отъ Швеціи, чтобы она, въ силу договоровъ вооруженнаго нейтралитета 1780 и 1800 гг., приняла участіе въ борьбѣ противъ Англіи. Швеція, въ отвѣтъ на эту ноту, предложила „отложить исполненіе договоровъ, пока Франція очиститъ гавани Балтики, и открыть Англіи торговлю во всѣхъ пристаняхъ" [2]). „Между тѣмъ произошелъ разрывъ Россіи съ Англіей. Обративъ на него вниманіе Швеціи, Россійское министерство, вторичною нотою, отъ 16-го ноября, вновь и убѣдительно приглашало ее къ содѣйствію. Два мѣсяца оставалась нота безъ отвѣта. Наконецъ, 9-го января 1808-го года, врученъ былъ нашему Двору отзывъ, составленный въ томъ же смыслѣ, какъ и предшествовавшій" (т. е. предварительно очистить Балтику отъ французовъ) [3]). Кончилось тѣмъ, что „Императоръ Александръ призналъ, что пользы Имперіи его будутъ пренебрежены, если во время возгорѣвшейся между Россіею и Англіею войны допуститъ Короля Шведскаго скрывать подъ видомъ нейтралитета привязанность къ Англіи... и что по истощеніи всѣхъ средствъ убѣжденія, надлежитъ употребить силу и понужденіе... Войска были двинуты" [4]).

Швеція войны не ожидала и не готовилась къ ней. „Главнокомандующій войсками въ Финляндіи графъ Клингспоръ былъ еще въ Стокгольмѣ. Пребыванія его въ сей сто-

[1]) Обстоятельства, предшествовавшія началу этой войны и сопровождавшія его, изложены здѣсь по сочиненію генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, Описаніе Финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ въ 1808 и 1809 годахъ по Высочайшему повелѣнію сочиненное (Спб. 1841).

[2]) Михайловскій-Данилевскій, назв. соч., стр. 4.

[3]) Тамъ-же, стр. 5.

[4]) Тамъ-же, стр. 6. „Шведскому королю сообщили, что военныя мѣры будутъ обращены въ простую мѣру предосторожности, если онъ безъ отлагательства соединится съ Россіею и Даніею для закрытія Балтійскаго моря для Англіи".

лицѣ и разсѣянія войскъ по всей Финляндіи было причиною убѣжденіе Густава IV, что до войны не дойдетъ и возникшія между Россіею и Швеціею недоразумѣнія кончатся миролюбиво. Онъ не довѣрялъ донесеніямъ посла своего въ Петербургѣ и пограничныхъ Финляндскихъ начальствъ объ усиленіи русскихъ войскъ въ Выборгской губерніи... Гребная флотилія не была отправлена въ Швецію и оставалась, какъ будто среди мира, въ Свеаборгѣ и Або" [1]).

Между тѣмъ русскіе все время готовились къ войнѣ: послѣ ноты 24 сентября занялись исправленіемъ укрѣпленій, послѣ второй ноты—двинули войска къ границѣ [2]) „...съ нашей стороны хотѣли войдти въ Финляндію не въ видѣ непріятельскихъ дѣйствій и даже не объявляя войны, но только для понужденія Шведскаго Короля разорвать союзъ съ Англіею и соединиться противъ нея съ Россіею и Даніею [3]). Вѣроятно однако же было, что такое положеніе дѣлъ долженствовало вскорѣ перемѣниться, что Король Шведскій.. не снесетъ равнодушно вступленія Русскихъ въ предѣлы Государства его" [4]).

Русскіе войска перешли Шведскую границу 9 февраля [5]). Извѣстіе объ этомъ пришло въ Стокгольмъ только черезъ 10 дней, въ ночь съ 19 на 20 февраля. Начавъ войну, русское правительство не сочло даже нужнымъ прервать дипломатическія сношенія и отозвать своего представителя. Послѣднему немедленно по полученіи извѣстія о внезапномъ нападеніи русскихъ войскъ, вручена была Шведскимъ правительствомъ, въ 2 часа ночи 20 февраля (3 марта), нота о прекращеніи съ нимъ дипломатическихъ сношеній, и одновременно данъ былъ приказъ арестовать его. „Нечаянное нападеніе русскихъ, говорилось въ нотѣ министра иностранныхъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 15.

[2]) Тамъ-же, стр. 7.

[3]) „За нѣсколько дней до перехода нашихъ войскъ черезъ границу Данія объявила войну Швеція" (Тамъ-же, стр. 17).

[4]) Тамъ же, стр. 16—17.

[5]) Первоначально предположено было 11-го или 12-го (Тамъ-же, стр. 19).

дѣлъ, не предшествуемое объявленіемъ войны, носитъ на себѣ печать вѣроломства" [1]).

Война была объявлена только послѣ того, какъ вся почти Финляндія была уже занята русскими войсками. Черезъ 5 недѣль послѣ начала войны, 16 марта 1808 г., издана была русскимъ правительствомъ и разослана державамъ декларація „о разрывѣ мира со Швеціей" [2]). Интересно отмѣтить, что русское правительство сочло нужнымъ въ оправданіе свое заявить, что „Императоръ Всероссійскій не скрывалъ отъ Короля Шведскаго и отъ всей Европы, что къ огражденію пользы своей Имперіи не оставитъ Онъ *дѣйствовать всѣми способами, кои Провидѣніе ему ввѣрило* яко залогъ благосостоянія Его подданныхъ". Такое заявленіе, по мнѣнію русскаго правительства, могло, очевидно, служить какъ бы замѣною объявленія войны.

Я остановился нѣсколько дольше на обстоятельствахъ, связанныхъ съ началомъ войны 1808—1809 г. въ виду того, что этотъ интересный случай изслѣдователями международнаго права какъ бы игнорируется. Интересъ его увеличивается еще, благодаря нѣкоторому сходству обстановки его съ тою, при которой начата была нынѣшняя русско-японская война [3]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 64.

[2]) „Нынѣ Его Императорское Величество призналъ Себя въ обязанности премѣнить свойство принятыхъ имъ мѣръ", говорится въ Деклараціи. Державы оповѣщаются, „что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась Шведскою, и которую войска Россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областью, Россійскимъ оружіемъ покоренною и навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи" (П. С. З. № 22899).

[3]) Изъ войнъ, которыя вела въ этотъ періодъ Россія, можно указать еще на *войну ея съ Турціей 1806—1812 г.* Въ виду сближенія Турціи съ Наполеономъ, съ цѣлью отвести ее отъ союза съ нею, русское правительство рѣшило занять войсками Молдавію и Валахію, притомъ безъ войны. Сопротивленія не ожидали: „Отпоръ Турковъ предвидѣлся только въ послѣдствіи, когда Султанъ объявитъ намъ войну", „единодушія нашей нельзя было ожидать прежде объявленія войны Портою Россіи, а потому, пока оно воспослѣдуетъ, достаточно было 30.000 Русскихъ для первоначальныхъ дѣйствій"... (Михайловскій-Данилевскій, описаніе Турецкой войны... съ 1806-го до 1812 года, по Высочайшему повелѣнію. Часть I. Спб. 1843. Стр. 16—17).

Послѣдующій періодъ, съ 1815 по 1856 г., начинается вооруженными вмѣшательствами Австріи—въ Италіи, Франціи—въ Испаніи, Англіи—въ Португаліи, наконецъ, Россіи, Франціи и Англій—въ Турціи (Греція). Вооруженныя вмѣшательства не были войнами въ строгомъ смыслѣ слова. Это была помощь иностранныхъ войскъ въ борьбѣ правительствъ съ возставшими противъ нихъ подданными, или понужденіе правительства къ уступкамъ въ пользу возставшихъ подданныхъ. Своеобразная практика вооруженныхъ вмѣшательствъ не могла ни въ коемъ случаѣ содѣйствовать укорененію въ международной жизни начала предварительнаго оповѣщенія о войнѣ. До войны въ строгомъ смыслѣ слова дѣло могло и не дойти, несмотря на наличность вооруженныхъ столкновеній между военными силами государствъ. Иллюстраціей подобныхъ отношеній можетъ служить вмѣшательство европейскихъ державъ, вызванное возстаніемъ грековъ и окончившееся извѣстнымъ *Наваринскимъ боемъ 8 (20) октября 1827 года* [1]).

Въ этотъ день соединенный англо-франко-русскій флотъ вошелъ въ Наваринскую бухту, въ которой за нѣсколько времени до этого расположился египетско-турецкій флотъ. Предварительно, 5 (17) октября, нѣсколько офицеровъ ознакомились съ расположеніемъ послѣдняго, послѣ чего, 6 (18) октября, на военномъ совѣтѣ союзниковъ рѣшено было войти въ бухту. На слѣдующій день командовавшій союзнымъ флотомъ, англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, далъ русскому адмиралу и французскому указанія, имѣвшія въ виду предстоявшее сраженіе; первый выстрѣлъ не долженъ былъ исходить отъ союзниковъ. 8 (20) октября, въ 2 часа дня, союзный флотъ свободно вошелъ въ бухту. Французскіе офицеры, находившіеся на службѣ въ египетскомъ флотѣ, получивъ соотвѣтственныя указанія отъ французскаго адмирала, покинули этотъ флотъ. Пока командующій египетско-турецкимъ флотомъ велъ переговоры съ Кодрингтономъ, капитанъ ан-

[1]) A. Stern, Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815. Bd. III (Berlin. 1901), S. 133—138.—Krieg ohne Kriegserklärung. Ein Mahnruf (Wien, 1885), S. 12—16.

глійскаго фрегата вступилъ въ пререканія съ капитаномъ египетско-турецкаго брандера. Произошла ружейная перестрѣлка, а вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ изъ орудія по французскому судну. Англійское адмиральское судно дало знакъ къ нападенію. Спустя три часа турецко-египетскій флотъ былъ разбитъ и почти совершенно уничтоженъ.

Сраженіе это произошло во время мира и, слѣдовательно, безъ всякаго объявленія войны, безъ предувѣдомленія. Союзники ликовали и гордились своимъ подвигомъ. Англійское и русское правительство наградили Кодрингтона высокими орденами. Въ письмѣ къ Татищеву, русскому представителю въ Вѣнѣ, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Нессельроде писалъ: „Что скажетъ нашъ другъ Меттернихъ по поводу этого огромнаго успѣха? Онъ будетъ пережевывать свои старые и скучные принципы. Онъ будетъ говорить о правѣ. Да здравствуетъ сила! Нынѣ она управляетъ міромъ“ [1]). Нессельроде былъ правъ. Меттернихъ усмотрѣлъ въ Наваринскомъ боѣ наступленіе ,,новой эры“; его повелитель императоръ Францъ сравнилъ этотъ бой съ убійствомъ изъ-за угла, а Гентцъ назвалъ это событіе ,,отвратительнымъ преступленіемъ“ [2]).

Несмотря на сраженіе, войны въ собственномъ смыслѣ не было. Бой произошелъ въ мирное время и непосредственно даже не вызвалъ войны. Война, однако, началась, но только черезъ полъ-года и то лишь между Россіей и Турціей. Старанія европейскихъ державъ не допустить до разрыва между Россіей и Турціей, не увѣнчались успѣхомъ, и *14 (26) апрѣля 1828 г.* русскимъ правительствомъ изданъ былъ *манифестъ о войнѣ съ Турціей* [3]).

Въ началѣ апрѣля два корпуса отправлены были изъ Бахты къ турецкой границѣ. ,,Предназначена была немедленная переправа, но необыкновенное разлитіе рѣки Прута вос-

---

[1]) Stern, op. cit., III, 140—141.

[2]) Stern, op. cit., III, 139.

[3]) Лукьяновичъ, Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. Спб. 1844 г. Часть I, стр. 9—11, 72—75.

препятствовало совершить ее ранѣе исхода апрѣля мѣсяца". Войска переправились черезъ границу 25-го мая, а черезъ 5 дней оба Дунайскихъ княжества безъ сопротивленія заняты были русскими войсками. Молдавскій господарь, Стурдза, застигнутъ въ Яссахъ, валашскій князь, Гига, бѣжалъ. Сопротивленіе русскимъ войскамъ было оказано лишь послѣ перехода черезъ Дунай [1]).

Не останавливаясь на другихъ войнахъ этого періода, я обращусь прямо къ послѣдней въ этомъ ряду войнъ—къ *войнѣ Восточной 1853—1856 г.г.* [2]).

Войнѣ этой, какъ извѣстно, предшествовали продолжительные переговоры. Было нѣсколько ультиматумовъ со стороны Россіи. Представитель послѣдней, кн. Меншиковъ еще 23 апрѣля (5 мая) 1853 г. предъявилъ Турціи первый ультиматумъ, потребовавъ отвѣтъ не позже 28 апрѣля и заявивъ при этомъ, что „дальнѣйшее отлагательство онъ сочтетъ неуваженіемъ къ своему правительству, что̀ возложило бы на него самыя тяжкія обязанности" [3]). Въ назначенный срокъ отвѣтъ былъ полученъ, но онъ не удовлетворилъ русскаго представителя. Послѣдній 29 апрѣля далъ турецкому правительству новый срокъ для отвѣта—до 2 (14 мая), предупредивъ, „что, въ случаѣ отказа или замедленія въ исполненіи этого требованія, будетъ считать порученіе свое оконченнымъ и дипломатическія сношенія между Россіею и Портою прерванными" [4]). Послѣ новыхъ переговоровъ турецкое правительство 3 (15) мая проситъ о новой отсрочкѣ. Кн. Менши-

---

[1]) С. Татищевъ, въ своей книгѣ „Внѣшняя политика Императора Николая Перваго» (Спб. 1887 г.), говоритъ, что «*2-го (14-го)* апрѣля 1828 года изданъ былъ высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Россіей Турціи, и *въ тотъ же день* войска .... перешли Прутъ" (стр. 182). Откуда черпалъ свои данныя г. Татищевъ, неизвѣстно.

[2]) М. И. Богдановичъ, Восточная война 1853—1856 годовъ. Т. I—II. Спб. 1876 г. Ср. Ковалевскій, Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 гг. Спб. 1868 г.

[3]) Богдановичъ, назв. соч., стр. 57—58. Въ инструкціи, полученной отъ Нессельроде, Меншикову предлагалось назначить трехдневный срокъ (тамъ же, стр. 55).

[4]) Тамъ-же, стр. 59.

ковъ отвѣтилъ, что „разрывъ дипломатическихъ сношеній уже былъ совершившимся фактомъ", но что онъ согласенъ отложить сообщеніе оффиціальной ноты объ отъѣздѣ до 6 (18) мая. Отвѣтъ былъ полученъ, но опять таки неудовлетворительный. Тѣмъ не менѣе, кн. Меншиковъ „согласился на новую отсрочку и даже на нѣкоторую уступку въ прежнихъ условіяхъ", и 8 (20) мая передалъ турецкому правительству новую ноту съ измѣненными требованіями. Получивъ отказъ, кн. Меншиковъ 9 (21) мая выѣхалъ въ Одессу, прервавъ переговоры. Однако, черезъ 10 дней, 19 (31) мая графъ Нессельроде снова отправляетъ турецкому правительству ноту съ требованіемъ принять предложенія кн. Меншикова втеченіе 8-дневнаго срока. „Въ противномъ же случаѣ—писалъ канцлеръ—русскія войска получатъ приказаніе перейти границу", но „не для открытія военныхъ дѣйствій, а чтобы пріобрѣсть матеріальный залогъ". Турція на требованіе отвѣтила отказомъ, но выразила готовность отправить въ Петербургъ для переговоровъ чрезвычайнаго посла [1]). 14 (26) іюня изданъ манифестъ о предстоящемъ занятіи русскими войсками Молдавіи и Валахіи, безъ объявленія Турціи войны, лишь въ видѣ залога [2]). 18 (30) іюня было предписано двинуться черезъ границу [3]). Послѣ того, какъ Дунайскія княжества, безъ сопротивленія со стороны Турціи, были заняты русскими войсками, Порта 2 (14) іюня заявила протестъ. Благодаря воздѣйствію европейской дипломатіи (Вѣнская конференція) Россія согласилась на пріѣздъ въ Петербургъ для переговоровъ турецкаго представителя. Споръ, однако, уладить не удалось, и, въ концѣ концовъ, 14 (26) сентября Турція рѣшила объявить Россіи войну, предложивъ ей ультиматумъ—очистить княжества въ двухнедѣльный срокъ. Въ

---

[1]) Переговоры эти изложены у Богдановича, назв. соч., стр. 59—65.

[2]) Тамъ же, стр. 92. На занятіе княжествъ не смотрѣли, какъ на начало войны, но предполагали, что Турція можетъ объявить войну, и считали, «что наше положеніе слишкомъ хорошо, чтобы спѣшить изъ него выйдти, начавъ военныя дѣйствія первыми и тѣмъ поставить противъ себя, кромѣ Турціи, еще сильнѣйшія державы Западной Европы» (тамъ же, стр. 83).

[3]) Тамъ же, стр. 97.

случаѣ отказа, должна была начаться война [1]). 27 сентября (9 октября) русскій главнокомандующій, кн. Горчаковъ, получилъ отъ турецкаго, Омера паши, приглашеніе очистить княжества, угрожая въ противномъ случаѣ черезъ 15 дней начать военныя дѣйствія. „Кн. Горчаковъ отвѣчалъ, что не уполномоченъ вести переговоровъ ни о мирѣ, ни о войнѣ, ни о выводѣ изъ княжествъ русскихъ войскъ“. „Въ началѣ (въ половинѣ) октября, еще до наступленія дня, назначеннаго въ письмѣ Омеръ-паши для открытія дѣйствій, раздались первые выстрѣлы Турокъ“ [2]). Въ азіатскія владѣнія наши „непріятель вторгся, не выждавъ объявленія войны, и захватилъ 16 (28) октября постъ Св. Николая [3]). 21 октября появился русскій манифестъ о войнѣ.

18 (30) ноября 1853 г. произошла извѣстная Синопская битва. Правительства Англіи и Франціи заявили свой протестъ, ссылаясь на обѣщаніе русскаго правительства не нападать, а ограничиться обороной. Соединенныя эскадры ихъ вошли 22 дек. (3 янв.) въ Черное море. Прерваны были дипломатическія сношенія (23 янв.—4 февр. 1854 г.) [4]), а еще раньше между государствами французскимъ и русскимъ произошелъ извѣстный обмѣнъ письмами (17 (29) янв. и 28 янв. (9 февр.) 1854 г.) [5]). Вскорѣ затѣмъ, 9 февраля, изданъ манифестъ о прекращеніи дипломатическихъ сношеній съ Англіей и Франціей [6]). Эти державы предъявили Россіи 15 (27) февраля ультиматумъ—требованіе очистить княжества къ 3 апрѣля. Ультиматумъ остался безъ отвѣта. Тогда союзники заключили союзный договоръ съ Турціей

---

[1]) Тамъ же, стр. 116—118.

[2]) Тамъ же, стр. 127.

[3]) Тамъ-же, стр. 148. Обвиненія въ начатіи турками военныхъ дѣйствій „не выждавъ объявленія войны“ врядъ ли могутъ быть признаны справедливыми, имѣя въ виду, что ультиматумъ не былъ принятъ кн. Горчаковымъ, притомъ и вопросъ о моментѣ, съ котораго начинается теченіе его срока, споренъ. Объ этихъ недоразумѣніяхъ см. Ковалевскій, назв. соч., стр. 63.

[4]) Богдановичъ, назв. соч., стр. 260.

[5]) Напечатаны у Ковалевскаго, назв. соч., приложеніе 8 (стр. 277—284).

[6]) Тамъ-же, стр. 129—130.

(8 (20) марта), „а черезъ недѣлю послѣ того объявили формально войну Россіи“ [1]). 11 апрѣля изданъ съ русской стороны манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей. Но еще раньше этого времени, 9 (21) апрѣля суда союзниковъ, подойдя къ Одессѣ, потребовали выдачи всѣхъ судовъ русскихъ, англійскихъ и французскихъ, какъ возмездіе за выстрѣлы 1 (13) апрѣля, направленные въ англійское парламентерское судно. Требованіе осталось безъ отвѣта, и 10 (22) апр. началась бомбардировка Одессы [2]).

Я привелъ обстановку, при которой начинались войны перваго періода 19 вѣка, обративъ вниманіе только на войны, участникомъ коихъ была Россія. Онѣ даютъ нѣкоторое представленіе о разнообразіи практики той эпохи, а послѣдняя изъ приведенныхъ войнъ можетъ, кромѣ того, свидѣтельствовать о томъ, какъ сложны бываютъ иногда факты, связанные съ вопросомъ о началѣ войны.

Остается разсмотрѣть теперь практику войнъ ближайшаго къ намъ времени.

Б. Время послѣ 1856 года [3]).

Практика войнъ въ этотъ періодъ осталась, въ общемъ, такою же, какою она была и въ предшествующемъ. Это мнѣніе, однако, какъ уже было указано, многими оспаривается. Такъ какъ весьма важно выяснить, дѣйствительно ли послѣ 1856 г. начинается новая эра въ исторіи вопроса объ объявленіи войны, представляется необходимымъ ознакомиться съ тою обстановкою, при которой начинались войны этого періода. Знакомство съ обстановкой дастъ намъ въ то же время и матеріалъ для сужденія о томъ правѣ, которое по интересующему насъ вопросу является нынѣ дѣйствующимъ. Съ этой цѣлью мы разсмотримъ теперь всѣ болѣе важныя

---

[1]) Тамъ-же, стр. 165.

[2]) Богдановичъ, назв. соч., стр. 124—128.

[3]) При составленіи этого очерка я не могъ, къ сожалѣнію, воспользоваться всѣми необходимыми матеріалами. Пришлось довольствоваться тѣмъ, чѣмъ въ данныхъ условіяхъ можно было располагать.

изъ новѣйшихъ войнъ, держась чисто хронологическаго порядка.

Война 1859 года [1]). Обострившіяся къ началу 1859 г. отношенія между Австріей и Сардиніей (Пьемонтомъ) заставляютъ обѣ державы усиленно вооружаться и мобилизовать войска. Попытки посредничества сперва со стороны Англіи, потомъ Россіи не привели къ цѣли. 23 апрѣля въ Туринъ прибылъ австрійскій уполномоченный съ требованіемъ немедленнаго разоруженія. Три дня было дано для отвѣта. По истеченіи ихъ, Кавуръ, который еще 21 апрѣля выразилъ принципіальное согласіе на разоруженіе (зная уже, что ультиматумъ отправленъ), отвѣтилъ отказомъ. Это было 26 апрѣля. Въ тотъ же день Наполеонъ III оповѣстилъ державы, что онъ не оставитъ своего союзника, Виктора Эммануила, на котораго Австрія незаконно напала. 29 апрѣля австрійскія войска перешли границу; одновременно перешли черезъ Альпы войска Франціи.

Мы имѣемъ въ этомъ случаѣ *ультиматумъ съ 3-хъ дневнымъ срокомъ* со стороны Австріи и простое *оповѣщеніе державъ*—со стороны Франціи.

Войны 1860 г. въ Италіи [2]). Заручившись благосклоннымъ отношеніемъ Франціи („Fate presto“, „совершайте быстро“—совѣтовалъ Наполеонъ III), Сардинія (Кавуръ) отправляетъ 7 сентября 1860 г. папѣ (секретарю, кардиналу Антонелли) требованіе немедленно распустить войско. Прежде, чѣмъ отказъ, который, впрочемъ, легко было предвидѣть, успѣлъ прибыть, сардинскія войска переступили границу папскихъ владѣній. 29 сентября война уже была окончена.

Въ началѣ октября сардинскія войска стояли уже у границъ государства обѣихъ Сицилій (Неаполитанскаго). Представитель послѣдняго продолжалъ пребывать въ Туринѣ. Мирное состояніе еще не было нарушено. Парламентъ, собравшійся въ Туринѣ 2 октября, уполномочилъ короля при-

---

[1]) Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe, t. II (Paris 1891), p. 185—190.

[2]) Debidour, op. cit., t. II, p. 221—222.

соединить къ своимъ владѣніямъ бывшія папскія владѣнія и территорію обѣихъ Сицилій. 9 октября сардинскія войска перешли границу неаполитанскаго государства. Въ оправданіе своихъ дѣйствій Кавуръ циркулярно сообщилъ державамъ, что король неаполитанскій, покинувъ столицу, отказался отъ престола, и владѣнія его были заняты, чтобы предупредить анархію.

Въ обоихъ случаяхъ война была начата Сардиніей *безъ объявленія*: съ папою—*до отвѣта на ультиматумъ*, съ Неаполемъ—*безъ предварительнаго увѣдомленія.*

Мексиканская война 1862 г. [1]). 31 окт. 1861 г. Испанія, Франція и Англія заключили договоръ о совмѣстномъ требованіи отъ Мексики (президентъ Хуаресъ) удовлетворенія за убытки, понесенные ихъ подданными (всего предъявлено требованій на сумму до 250 руб.). Въ декабрѣ Испанія заняла Веракрусъ; въ январѣ 1862 г. высажены были въ Мексикѣ французскія и англійскія войска. Начались переговоры, благопріятно закончившіеся конвенціей въ Соледадѣ (19 февр.). Но вслѣдъ за этимъ, 29 марта, Франція предъявила Мексикѣ новыя требованія, уже чисто политическаго характера, которыя не были поддержаны Англіей и Испаніей. Представители этихъ послѣднихъ протестовали противъ вооруженнаго вмѣшательства Франціи и, прекративъ 9 апрѣля сношенія съ представителями послѣдней, вернулись съ своими войсками въ Европу, заключивъ съ Мексикой особыя соглашенія. Одновременно все населеніе Мексики призвано къ оружію. Французы, съ своей стороны, издали воззваніе къ населенію: цѣль экспедиціи — водворить порядокъ. Вмѣшательство Франціи было, такимъ образомъ, оффиціально объявлено. Война началась.

Передъ нами интересный примѣръ перехода отъ репрессалій къ войнѣ: *война начинается репрессаліями.*

Датская война 1864 г. [2]). Посланники Австріи и Прус-

---

[1]) Debidour, op. cit., t. II, p. 231—236. Iaeger, Geschichte der neuesten Zeit (Berl. 1879) s. 545—551.

[2]) Der Deutsch-Dänische Krieg 1864. Herausg. vom Grossen General Stabe. Bd. I (Berlin 1886) S. 41-43. Staatsarchiv (Aegidi u. Klauhold), VI—1864.

сіи въ Копенгагенѣ передали 16 января датскому министру иностранныхъ дѣлъ ноту, въ которой требовали, чтобы ноябрская конституція, вступившая въ силу съ 1 января 1864 г., какъ нарушающая обязательства, принятыя на себя Даніей въ 1852 г., была втеченіе 48 часовъ отмѣнена; въ противномъ случаѣ обѣ державы *должны будутъ прибѣгнуть къ имѣющимся въ ихъ распоряженіи средствамъ*, чтобы защитить герцогство Шлезвигъ отъ противозаконнаго соединенія его съ Даніей. Къ указанному сроку, 18 января, послѣдовалъ письменный отказъ со стороны Даніи.

По иниціативѣ Англіи союзникамъ было предложено Англіей, Франціей и Россіей отсрочить занятіе Шлезвига на 6 недѣль. Такъ какъ двѣ послѣднихъ державы не думали оказывать союзникамъ дѣятельное сопротивленіе, Англіи было отвѣчено отказомъ. Представители Австріи и Пруссіи въ Копенгагенѣ были отозваны. Они покинули городъ 31 января.

Наканунѣ союзныя войска получили предписаніе обратиться къ предводителю датскихъ войскъ, генералу de Meza, съ запросомъ, имѣетъ ли онъ приказаніе вывести свои войска изъ предѣловъ герцогства. Утромъ 31 января въ квартиру датскаго генерала явилось два офицера съ этимъ запросомъ. Прочитавъ письмо, удивленный генералъ [1]) отвѣтилъ сперва устно, а потомъ и письменно, что не считаетъ союзниковъ въ правѣ занимать какую бы то ни было часть датской территоріи, что инструкціи его совершенно обратны тому, что предполагаютъ союзники, и что въ случаѣ, если бы союзники пожелали прибѣгнуть къ силѣ, они найдутъ его готовымъ [2]). Въ 7 часовъ утра 1 февраля союзныя войска перешли датскую границу [3]).

Здѣсь мы видимъ *ультиматумъ (безъ прямого упоминанія о войнѣ) въ соединеніи съ спеціальнымъ ультиматумомъ* со

---

[1]) Нападеніе ожидалось не ранѣе 6 февраля. Зная это, фельдмаршалъ бар. Врангель, 28 января сообщаетъ прусскому королю, что ему представляется желательнымъ ускорить нападеніе и перейти границу 1 февраля; непріятель къ этому времени еще не успѣетъ собрать свои войска. Тамъ-же, стр. 79—80.

[2]) Тамъ-же, стр. 81—85.

[3]) Тамъ-же, стр. 123.

стороны главнокомандующаго. Послѣдняя мѣра была сочтена Бисмаркомъ необходимой, вѣроятно, какъ въ виду того, что о войнѣ въ ультиматумѣ не упоминалось, такъ и потому еще, что послѣ ультиматума прошелъ почти двухънедѣльный срокъ, въ теченіе котораго не только не были прерваны дипломатическія сношенія, но были даже сдѣланы попытки мирнаго улаженія (добрыя услуги Англіи, Франціи и Россіи).

Войны Пруссіи въ 1866 г. [1]). Недоразумѣнія между Австріей и Пруссіей по поводу занятыхъ герцогствъ Голштиніи и Шлезвига были улажены Гаштейнскимъ договоромъ 20 авг. 1865 г., установившимъ раздѣльное господство бывшихъ союзниковъ надъ занятыми ими землями. Но уже въ началѣ 1866 г. отношенія ихъ до того вновь обострились, что со стороны Пруссіи былъ предъявленъ своего рода ультиматумъ: измѣнить управленіе Голштиніей, въ противномъ же случаѣ Пруссія *должна будетъ пріобрѣсти полную свободу въ своей политикѣ и воспользоваться этой свободой для охраны своихъ интересовъ*. Австрія въ нотѣ отъ 7 февраля отказалась принимать указанія отъ Пруссіи, послѣ чего Бисмаркъ заявилъ, что указанныя послѣдствія отказа наступили. Въ прусскомъ министерскомъ совѣтѣ (28 февр.) рѣшено было, что послѣ 7 февраля разрывъ формально наступилъ и что война съ Австріей неизбѣжна, но надо предварительно заручиться союзомъ со стороны Италіи и нейтралитетомъ со стороны Франціи. Съ начала марта Австрія стала вооружаться, 29 марта послѣдовалъ приказъ о вооруженіи Пруссіи [2]). 8 апрѣля заключенъ былъ (срокомъ на 3 мѣсяца) наступательный союзъ между Пруссіей и Италіей противъ Австріи. Вслѣдъ затѣмъ стали готовиться къ войнѣ прочія германскія государства.

---

[1]) Lettow-Vorbeck, Geschichte des Krieges von 1866 in Deutschland. Bd. I—III. Berlin 1896 etc.—Oesterreichs Kämpfe im Jahre 1866, bearbeitet durch das k. k. Generalstabs-Bureau. Wien 1867.

[2]) Пруссія не боялась вооруженій Австріи: „Solange daher nicht Pferdeankauf im Grossen angeordnet ist, писалъ Мольтке, und nicht die italienische Regimenter auf Kriegsfuss gesetzt werden, braucht man an die ernste absicht, uns anzugreifen, nicht zu glauben“ (Lettow-Vorbeck, op. cit., S. 18). Наступленія этихъ условій Пруссія спокойно выжидала и не спѣшила вооружаться (ibid., S. 25).

Новыя попытки къ примиренію между Австріей и Пруссіей окончились оффиціальнымъ заявленіемъ 28 мая, что непосредственные переговоры при существующихъ натянутыхъ отношеніяхъ невозможны [1]). Австрія, въ виду этого, предложила франкфуртскому сейму мобилизовать союзную армію. Голосованіе должно было произойти 14 іюня. За два дня, 12 іюня Австрія отозвала своего посланника изъ Берлина и вручила паспорты прусскому представителю въ Вѣнѣ.

Сеймъ принялъ предложеніе Австріи (9 голосовъ противъ 6), послѣ чего представитель Пруссіи заявилъ, что союзъ разорванъ [2]).

1. *Ганноверу* Прусское правительство 12 іюня отправило предупрежденіе, что въ случаѣ принятія сеймомъ предложенія Австріи участвовавшія въ немъ государства тѣмъ самымъ „разорвутъ союзныя отношенія и выступятъ въ качествѣ членовъ, не связанныхъ союзомъ, съ актомъ вражды противъ Пруссіи. Послѣ того, какъ Ганноверъ 14 іюня подалъ свой голосъ въ пользу предложенія Австріи, Пруссіей переданъ былъ ему 15 іюня ультиматумъ изъ трехъ пунктовъ. Отказъ или уклончивый отвѣтъ заранѣе признавался за объявленіе войны Пруссіи. Отвѣтъ требовался въ теченіе того же дня [3]). Около полуночи прусскій посланникъ получилъ черезъ министра устно отказъ и тутъ же отвѣтилъ объявленіемъ войны Ганноверу. Потомъ былъ отправленъ письменный отвѣтъ съ указаніемъ на вызывающій и неправомѣрный образъ дѣй-

---

[1]) 7 іюня Пруссія двинула свои войска въ Голштинію; австрійскія войска, въ виду слабости своей, безъ сопротивленія отступили. Австрія протестовала противъ такого самоуправства и заявила, что позаботится о защитѣ своей чести и достоинства.

[2]) „Durch die nach dem Bundesrechte unmögliche Kriegserklärung gegen ein Bundesglied, welche durch den b trag Oesterreichs und das Votum derjenigen Regierungen, welche ihm beigetreten sind, ausgesprochen ist,—sieht das königliche Cabinet den Bundesbruch als vollzogen an", заявилъ представитель Пруссіи послѣ голосованія (Staatsarchiv, XI—1866, № 2317, S. 101).

[3]) „Sollte wider Erwarten eine ablehnende oder ausweichende antwort erfolgen, so würde Se Majestät der König Sich zu Seinem lebhaften Bedauern in die Nothwendigkeit versetzt finden, das Königreich als im Kriegszustand gegen Preussen befindlich zu betrachten" (Staatsarchiv, XI—1866, № 2322).

ствія Пруссіи [1]), но, въ виду разрыва сношеній, не былъ принятъ.

Прусскія войска должны были вступить въ непріятельскіе предѣлы не раньше 17-го. Однако, по просьбѣ командующаго, бар. Мантейфеля, сообщившаго, что 16-го у границы появятся уже непріятельскія войска, а 15-го переправа черезъ Эльбу свободна, Бисмаркъ согласился на переходъ прусскихъ войскъ еще въ этотъ день. Переправа началась около 12 часовъ дня, какъ разъ въ то время, когда ганноверскій король принималъ въ аудіенціи прусскаго посланника, передавшаго ему ультиматумъ своего правительства.

2. *Курфюрстъ Гессенскій* былъ, подобно королю ганноверскому, предупрежденъ о послѣдствіяхъ голосованія 14 іюня. На слѣдующій день, прусскій посланникъ, Рёдеръ, предъявилъ ультиматумъ. Въ 1½ ч. дня посланникъ былъ принятъ курфюрстомъ, который потребовалъ, чтобъ ему было вручено собственноручное письмо короля, какого у Рёдера не оказалось, и заявилъ, что Германскій союзъ нерасторжимъ, и что онъ долженъ считать посланника нарушителемъ мира. Послѣдній отвѣтилъ, что, если до вечера не будетъ получено согласія на его предложенія, онъ съ слѣдующаго дня прекращаетъ сношенія. Въ 10 час. вечера посланнику было заявлено, что отвѣта на прусское требованіе не послѣдуетъ, послѣ чего тотъ объявилъ войну [2]).

3. Подобно Ганноверу и Гессену поступлено было и съ *Саксоніей*. Прусскій посланникъ въ Дрезденѣ, Шуленбургъ, получилъ инструкцію предъявить Саксоніи 15 іюня, въ случаѣ голосованія ея на сеймѣ въ пользу австрійскаго предложенія ультиматумъ изъ трехъ пунктовъ, а въ случаѣ отказа объявить войну. Такъ и случилось. „Король заявляетъ мнѣ, телеграфировалъ Шуленбургъ 15 іюня въ 10½ час. вечера въ Берлинъ, что обязательства его по отношенію къ Союзу и честь запрещаютъ ему принять предложенный союзный договоръ. Послѣ этого я опредѣленно заявилъ барону Бейсту,

---

[1]) Staatsarchiv, XI—1866, № 2323.

[2]) Lettow-Vorbeck, op. cit., S. 153—156.

письменный отвѣтъ котораго не былъ мнѣ еще врученъ, ... что война объявлена ... и потребовалъ свои паспорты" [1]). До полученія этого сообщенія изъ Берлина было сдѣлано распоряженіе перейти авангарду границу еще 15 іюня и занять мосты, чтобы помѣшать ихъ разрушенію. Распоряженіе было исполнено. Общее движеніе войска черезъ границу послѣдовало 16-го утромъ.

4. 19 іюня прусскій король рѣшился, наконецъ, и на наступленіе противъ *Австріи* [2]). Командующіе прусскими арміями получили отъ министра иностранныхъ дѣлъ проектъ нотъ, которыя имъ предписывалось вручить командующему австрійскими войсками, передавъ ближайшимъ передовымъ его отрядамъ. Въ нотѣ указывалось, что Австрія оффиціально заявила 16 іюня на франкфуртскомъ сеймѣ, что, въ виду дѣйствій Пруссіи противъ Саксоніи, Ганновера и Гессена, она всѣми своими силами окажетъ поддержку этимъ государствамъ, находящимся уже въ войнѣ съ Пруссіей [3]). „Въ этомъ заявленіи, говорится далѣе въ нотѣ, содержится оффиціальное объявленіе о состояніи войны между Пруссіей и Австріей, и нижеподписавшійся имѣетъ честь сообщить, что королевскія военныя силы получили приказаніе дѣйствовать согласно съ этимъ". 21 іюня этотъ документъ былъ переданъ австрійцамъ у Цукмантеля. На слѣдующій день прусскіе отряды были уже на австрійской территоріи [4]).

Что касается прочихъ германскихъ государствъ, *Баваріи*, *Бадена*, *Вюртемберга*, *Нассау* и др., находившихся въ 1866 году въ войнѣ съ Пруссіей, то по отношенію къ нимъ эта

---

[1]) Ультиматумъ и отвѣтъ на него Саксоніи см. Staatsarchiv, XI—1866, №№ 2324 и 2325.

[2]) Lettow-Vorbeck, op. cit., II, S. 101—102. За два дня до этого, 17 іюня, австрійскій императоръ издалъ манифестъ о войнѣ съ Пруссіей, а на слѣдующій день послѣ этого, т. е. 18 іюня, появился манифестъ о войнѣ прусскаго короля. Оба манифеста напечатаны въ Staatsarchiv, XI—1866, № 2331 и 2333.

[3]) „der Kaiser mit Seiner vollen Macht diesen beistehen und demgemäss mit Aufbietung aller militarischen Kräfte unverzüglich handeln werde, ist dadurch von Oesterreich der Kriegszustand zwischen uns und Oesterreich erklärt" (Zettow-Vorbeck, op. cit., II, 101).

[4]) Lettow-Vorbeck, op. cit., II, S. 135.

послѣдняя держава не нашла нужнымъ выступить съ ультиматумомъ или объявленіемъ войны, равно и они не сдѣлали этого въ отношеніи къ Пруссіи.

Эти государства полагали, вѣроятно, что война объявлена Пруссіи 16 іюня отъ имени Германскаго Союза и въ особомъ объявленіи со стороны каждаго члена этого союза въ отдѣльности надобности не видѣли [1]). Такъ, повидимому думала и Пруссія, какъ можно судить изъ ея ноты, которая 21 іюня передана была австрійцамъ [2]). Однако, въ другихъ случаяхъ Пруссія какъ будто думала иначе. Она, напр., въ циркулярной нотѣ къ своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ отъ 21 іюня жаловалась, что два государства изъ числа голосовавшихъ 16 іюня вмѣстѣ съ Австріей, а именно Баварія и Вел. Герцогство Гессенское, совершили 16-го и 17-го враждебные акты по отношенію къ Пруссіи, причемъ *не существовало еще состоянія войны* между ними и даже дипломатическія сношенія не были разорваны [3]). Баварія вслѣдъ затѣмъ разорвала сношенія, посланнику же

---

[1]) Постановленіе Союзнаго Собранія имѣло мѣсто 16 іюня вслѣдствіе предложенія Саксоніи, на территорію которой въ этотъ день вступили Прусскія войска. Постановлено: въ виду нарушенія Пруссіей международнаго и союзнаго права, обратиться къ Австріи и Баваріи съ просьбой отразить нападеніе Пруссіи въ случаѣ надобности силою и съ этой цѣлью немедленно принять всѣ нужныя мѣры. За предложеніе Саксоніи голосовали: Австрія (обѣщала дѣйствовать немедленно, отдавъ всѣ свои военныя силы), Баварія, Саксонія, Ганноверъ, Вюртембергъ, Баденъ, Кургессенъ, Вел. герц. Гессенъ, Саксенъ-Мейнингенъ, Нассау и нѣкоторыя другія государства (Staatsarchiv, XI—1866, № 2327).

[2]) Приведена выше. Голосованіе 14 іюня не могло считаться за объявленіе войны, чѣмъ и объясняются особые ультиматумы 15 іюня Ганноверу, Кургессену и Саксоніи. Голосованіемъ, по мнѣнію Пруссіи, разорванъ лишь Союзъ, но состояніе войны не наступило. Послѣ 14 іюня франкфуртскій сеймъ для Пруссіи юридически пересталъ существовать. Въ нотѣ, адресованной 19 іюня отдѣльнымъ германскимъ государствамъ, Пруссія проситъ ихъ не принимать болѣе участія въ совѣщаніяхъ сейма, „который является только органомъ коалиціи, находящейся уже въ войнѣ противъ Пруссіи“ (Staatsarchiv, XI—1866, № 2343).

[3]) „ohne dass zwischen uns Kriegszustand eingetreten, oder auch nur die diplomatischen Beziehungen abgebrochen worden wären“. Каждое изъ государствъ совершило дѣйствіе, „нарушающее нормы международнаго права“: заняты были прусскія телеграфныя учрежденія во Франкфуртѣ на М. и въ Гамбургѣ (Staatsarchiv, XI, № 2344).

Гессенскому въ Берлинѣ 19 іюня были возвращены паспорты [1]). Какъ бы то ни было, исключеніе сдѣлано было для одной лишь Австріи, которой отправлено было особое предупрежденіе о началѣ военныхъ дѣйствій.

Итакъ: въ отношеніяхъ между большинствомъ государствъ и Пруссіей нѣтъ *ни объявленія войны, ни ультиматума* (спеціальная жалоба по поводу *Баваріи* и *В. Г. Гессенскаго*); въ отношеніяхъ Австріи и Пруссіи — *манифесты о войнѣ и предупрежденіе главнокомандующаго*; по отношенію къ Ганноверу, Кургессену и Саксоніи — *ультиматумъ въ нѣсколько часовъ*, соблюденный притомъ лишь въ отношеніи къ Кургессену, какъ вполнѣ безопасному противнику.

Война Италіи съ Австріей [2]). Италія выжидала, пока Пруссія откроетъ военныя дѣйствія противъ Австріи, чтобы, съ своей стороны, объявить послѣдней войну. Войска давно были мобилизованы какъ въ Австріи, такъ и въ Италіи, и находились у границы. Объявленіе войны, откладывавшееся изо-дня въ день, было, наконецъ, сдѣлано 20 іюня. Ла-Мармора, начальникъ главнаго штаба итальянской арміи, отправилъ въ этотъ день изъ Кремоны письмо эрцгерцогу Альберту, главнокомандующему австрійскою арміею въ Венеціи, въ которомъ заявлялъ, что начатыя Австріей вооруженія и отказъ ея принять мирныя предложенія трехъ великихъ державъ встревожили всю Италію, вслѣдствіе чего король „считаетъ своей обязанностью объявить войну австрійской Имперіи. Военныя дѣйствія должны были начаться черезъ три дня; въ случаѣ несогласія на такую отсрочку Ла-Мармора просилъ увѣдомить его. Военныя дѣйствія начались 23 іюня: послѣ полуночи итальянскія войска начали переходить черезъ рѣку Минчо [3]).

---

[1]) Staatsarchiv, XI, № 2344.

[2]) Österreichs Kämpfe im Iahre 1866. Bd. II. Wien 1868. Alfonso La Marmora, Un po' più di luce sugli eventi politici e militari dell'anno 1866. Ed. 6. Firenze 1879.

[3]) Въ исчисленіи срока произошло недоразумѣніе. Австрійцы считали полныхъ 3 дня, т. е. трижды 24 часа со времени врученія имъ объявленія войны. По ихъ предположеніямъ нападеніе могло произойти не ранѣе полудня 23 іюня.

Здѣсь имѣемъ *объявленіе войны главнокомандующему.*

Война франко-германская 1870 г. [1]). Переговоры по поводу кандидатуры на испанскій престолъ, казалось, пришли уже къ мирному концу, какъ вдругъ, 14 іюля въ отношеніяхъ между Франціей и Пруссіей произошелъ рѣзкій поворотъ. Прусскій посланникъ въ Парижѣ, Вертеръ, получилъ увѣдомленіе о своемъ отозваніи, а французскому посланнику въ Берлинѣ, Бенедетти, было отказано въ пріемѣ. На слѣдующій день, 15 іюля французское министерство сдѣлало въ Сенатѣ и въ палатѣ Депутатовъ заявленіе о положеніи дѣлъ, объ отозваніи Вертера, объ отказѣ принять Бенедетти и о вооруженіи Пруссіи, причемъ заявленіе оканчивалось словами: „Со вчерашняго дня мы созвали наши резервы и при вашемъ содѣйствіи мы немедленно примемъ мѣры, необходимыя для охраны интересовъ, безопасности и чести Франціи". Въ Палатѣ кредиты на войну были вотированы. Вслѣдъ затѣмъ, въ ближайшіе дни, въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ мобилизированы были арміи и вотированы кредиты на войну. Война, можно сказать, уже существовала. Французское правительство сочло, однако, нужнымъ сдѣлать формальное объявленіе. 19 іюля французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ, Лесуръ, передалъ прусскому правительству ноту, въ которой, послѣ изложенія поводовъ къ разрыву, заявлялось въ заключеніе, что „французское правительство... считаетъ себя отнынѣ въ состояніи войны съ Пруссіей" [2]). На слѣдующій день французскому парламенту было сообщено, что согласно обычнымъ правиламъ (conforomément aux régles d'usage) въ Берлинѣ уже сдѣлано объявленіе войны, причемъ министръ иностранныхъ дѣлъ прибавилъ, что объявленіе относится равнымъ образомъ и къ союзникамъ Пруссіи. По-

---

Между тѣмъ итальянцы начали военныя дѣйствія раньше, считая, очевидно, теченіе срока не съ момента передачи объявленія, а съ 12 часовъ ночи 20 іюня (Oesterreichs Kämpfe etc. II, 42—43).

[1]) A. Sorel, Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande. t, I (Paris 1875). Chap. V. „La dèclaration de guerre", pp. 167—198.

[2]) De Clercg, Recueil des trailés, t. X. p. 374.

слѣдніе не были особо увѣдомлены [1]). Военныя дѣйствія начались только въ августѣ.

Послѣ долгаго перерыва, мы здѣсь впервыя встрѣчаемся съ *формальнымъ объявленіемъ войны* правительству противника. „Франція, замѣчаетъ по этому поводу Ролэнъ-Жекмэнъ, возобновила, съ цѣлью опредѣлить начало враждебныхъ дѣйствій, обычай, который казался вышедшимъ изъ употребленія,— обычай объявленія войны" [2]). По отношенію къ германскимъ государствамъ, заключившимъ съ Пруссіей оборонительный и наступательный союзъ, *ни объявленія, ни ультиматума* не послѣдовало; равно и съ ихъ стороны по отношенію къ Франціи.

Хивинскій походъ 1873 г. [3]). Россія давно жаловалась на враждебныя отношенія къ себѣ хана Хивинскаго. Походъ въ Хиву былъ, повидимому, рѣшенъ уже весною 1872 г. Напуганный слухами, ханъ тогда же отправилъ въ Петербургъ посольство, но оно, дойдя до Оренбурга, должно было вернуться обратно, ибо русское правительство отказалось принять посольство и вести переговоры, пока со стороны хивы не будутъ исполнены нѣкоторыя условія. Часть требованій (выдача плѣнниковъ) была исполнена и то лишь послѣ угрозъ. Недоразумѣнія продолжались. Торговыя сношенія стали невозможны. Походъ былъ рѣшенъ. Цѣль его была—научить хана, что поведеніе его не можетъ остаться безнаказаннымъ.

Войнѣ не предшествовало *ни ультиматума, ни объявленія.*

Война Сербіи и Черногоріи съ Турціей 1875 г. Хотя Сербія мобилизовала свою милицію и явно готовилась къ

[1]) Sorel, Hist. dipl., t. I. p. 219: „имперская дипломатія сохраняла надежду принудить эти государства къ нейтралитету. Правительство не объявило имъ войны". Оно ограничилось указаннымъ сообщеніемъ.

[2]) Rolin-Iaequemyns, въ хроникѣ помѣщенной въ Revue de droi International, t. II—1870—p. 656.

[3]) Хивинскій походъ, изд. генер. штаба Спб. 1873. При изложеніи могъ пользоваться только документами, помѣщенными въ Staatsarchiv (Aegidi u. Klauhold), t. XXVI, 1874, S. 79—143 и книгою H. Stumm, Der russiche Feldzug nach Chiwa. Berlin 1875.

войнѣ, она оффиціально продолжала увѣрять своего сюзерена, Турцію, въ своемъ миролюбіи. Незадолго до начала войны, $^{10}/_{22}$ іюня, князь Сербскій отправилъ великому визирю письмо, въ которомъ жалуется на недовѣріе Турціи, мобилизовавшей армію у границъ Сербіи, на разбойничьи набѣги съ турецкой территоріи съ участіемъ даже лицъ изъ регулярнаго войска, и предлагаетъ визирю свое содѣйствіе въ умиротвореніи возставшихъ провинцій Босніи и Герцеговины, отдавъ силы Сербіи на службу общимъ интересамъ Имперіи и Княжества", для защиты территоріальной неприкосновенности Турціи. Князь проситъ дать турецкимъ войскамъ распоряженіе не препятствовать войскамъ Сербіи при выполненіи этой задачи [1]). Не выждавъ отвѣта Турціи, князь издалъ $^{18}/_{30}$ іюня воззваніе къ своему народу (и къ повстанцамъ). Въ немъ онъ жалуется на поведеніе Турціи, заявляетъ, что уже увѣдомилъ султана, что „сербское войско имѣетъ вступить въ возставшія провинціи въ видахъ самозащиты" и для установленія тамъ мира и порядка. „Мы идемъ на эту *войну* побуждаемые однимъ лишь сильнымъ желаніемъ возстановить миръ среди нашихъ братьевъ", говорилось въ воззваніи. „Переступая границу, не забывайте, обращается князь къ войску, что мы должны держаться начала неприкосновенности Оттоманской Имперіи, развѣ только противодѣйствіе со стороны Императорской арміи поставитъ наше святое дѣло въ зависимость отъ судьбы сраженій" [2]). 19 и 20 іюня (1 и 2 іюля) сербская армія перешла границу въ трехъ мѣстахъ. Получивъ свѣдѣнія объ этомъ, турецкое правительство приказало своимъ войскамъ вступить въ сраженіе съ нею [3]).

---

[1]) Письмо это напечатано въ Staats archiv, Bd. XXXII—1887—№ 5981. Въ то же время князь черезъ агента своего просилъ султана уступить ему за опредѣленную ежегодную плату управленіе Босніей.

[2]) Staatsarchiv, Bd. XXX—1876—№ 5729.

[3]) Тамъ-же, № 5732. Депеша турецкаго министра иностр. дѣлъ послу въ Лондонѣ съ сообщеніемъ, что оба княжества „находятся въ этотъ часъ въ открытой войнѣ съ сюзеренным дворомъ". По даннымъ W. Müller'a Politische Geschichte der Gegenwart, X (1876) воззваніе издано 2 іюля и въ тотъ же день войска перешли границу.

Съ Черногоріей (съ ея княземъ) втеченіе іюня 1875 г. великій визирь обмѣнялся нѣсколькими нотами [1]). Въ послѣдней, отъ $^{13}/_{25}$ іюня, великій визирь въ дружественномъ тонѣ отвѣчаетъ на нѣкоторыя жалобы князя (отъ $^{9}/_{21}$ іюня) и выражаетъ убѣжденіе, что князь „будетъ продолжать съ своей стороны содѣйствовать дѣлу умиротворенія" Герцеговины, что̀ и проявилось уже въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ князя. Въ отвѣтъ на эту депешу ровно черезъ недѣлю, 20 іюня (2 іюля) князь отправляетъ по телеграфу объявленіе войны. Онъ не удовлетворенъ объясненіями, данными турецкимъ правительствомъ, и заявляетъ, что долженъ безъ промедленія сдѣлать рѣшительный шагъ: „двусмысленное положеніе натянутыхъ все время отношеній съ нынѣшняго дня уступитъ мѣсто болѣе ясному положенію объявленныхъ враждебныхъ дѣйствій" [2]). Эти дѣйствія тогда же и начались.

Итакъ, мы имѣемъ со стороны Сербіи—*манифестъ о войнѣ (условный)* и предупрежденіе о вступленіи войскъ, со стороны Черногоріи—*объявленіе войны по телеграфу.* Военныя дѣйствія въ обоихъ случаяхъ начинались немедленно.

Русско-турецкая война 1878 г. Переговоры между великими державами съ цѣлью умиротворить Турцію привели къ Лондонскому протоколу 19 (31) марта съ своеобразными декларадіями къ нему Англіи, Италіи и Россіи. Протоколъ этотъ былъ отвергнутъ Турціей, послѣ чего Россія сочла себя вправѣ, не прибѣгая уже къ посредничеству великихъ державъ, начать войну съ Турціей. „Циркулярною депешою отъ 11 апрѣля государственный канцлеръ объявляетъ Европѣ о томъ, что русскимъ войскамъ приказано перейти турецкую границу, и 12 апрѣля 1877 г. издается Высочайшій манифестъ о войнѣ противъ Турціи" [3]). „Русское правительство

---

[1]) Помѣщены тамъ-же. № 5720.

[2]) Staatsarchiv, Bd. XXXII—1877—№ 5982. Днемъ раньше, 19 іюня (1 іюля) князь издалъ воззваніе къ Герцеговинцамъ, побуждая ихъ объединиться подъ его знаменемъ (Staatsarchiv, XXX, № 5730).

[3]) Мартенсъ, Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 (Спб. 1879). Стр. 219. Циркулярная депеша напечатана въ Staatsarchiv, Bd. XXXII—1877, № 6387 и помѣчена 7 (19) апрѣля. Быть можетъ, она вручена

признало необходимымъ извѣстить объ этомъ событіи (т. е. объ объявленіи войны) еще специальною нотою, отъ 12 апрѣля, турецкаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Тевфика-бея, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предписано взять свои паспорты" [1]). „Днемъ раньше, т. е. 11 апрѣля, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, г. Нелидовъ, отъ имени своего правительства объявилъ Портѣ, что, во-первыхъ, дипломатическія сношенія между Россіею и Турціею прерваны, во-вторыхъ, германскіе консулы приняли на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ... Вслѣдъ затѣмъ, и въ тотъ же самый день, г. Нелидовъ выѣхалъ изъ Константинополя въ сопровожденіи всего личнаго состава какъ посольства, такъ и консульства" [2]). 12 (24) апрѣля издается подписанный въ Кишиневѣ манифестъ о войнѣ съ Турціей [3]). Такимъ образомъ, 11 апрѣля разрываются дипломатическія сношенія въ Константинополѣ, а 17 апрѣля разрываются сношенія въ Петербургѣ и объявляется война. Въ тотъ же день войска вступаютъ на турецкую территорію.

Со стороны Турціи послѣдовалъ протестъ. Въ телеграммѣ своему послу въ Лондонѣ отъ 13 (25) апрѣля турецкій министръ иностр. дѣлъ пишетъ: „Россія объявила войну Оттоманской Имперіи нотою, переданною кн. Горчаковымъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ утромъ вчера, 24, и полученною нами въ тотъ же день.—Въ тотъ же моментъ и, можетъ быть, даже за нѣсколько часовъ до этого, во всякомъ случаѣ ра-

---

иностраннымъ дворамъ 11 (23) апрѣля. Martens, N. R. III p. 188; депеша помѣчена 11 (23) апрѣля.

[1]) Мартенсъ, тамъ-же. Нота кн. Горчакова напечатана въ Staatsarchiv, ibid, № 6400. „Мой августѣйшій повелитель, говорится въ ней, находитъ себя, къ сожалѣнію, вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. *Соблаговолите увѣдомить ваше правительство, что съ нынѣшняго дня Россія считаетъ себя въ состояніи войны съ Турціей*".

[2]) Мартенсъ, Восточ. война, стр. 220. Въ нотѣ, которая помѣщена въ Staatsarchiv, ibid., № 6397, говорится только о разрывѣ и о выѣздѣ Нелидова съ составомъ посольства и съ консулами. Въ тотъ же день, вслѣдъ за полученіемъ этого увѣдомленія, Порта отозвала своего повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Петербурга (Staatsarchiv, ibid, № 6398).

[3]) Staatsarchiv. ibid., № 6399. Полн. Собр. Зак., т. LII, № 57, 155.

нѣе, чѣмъ это объявленіе могло дойти до высокой Порты, русская армія начала враждебныя дѣйствія, вторгнувшись въ молдаво-валашскую территорію и перейдя азіатскую границу". Министръ проситъ обратить вниманіе англійскаго правительства, „насколько подобный образъ дѣйствій ненормаленъ и противенъ правиламъ, повсемѣстно соблюдаемымъ цивилизованными государствами" [1]).

Этотъ эпизодъ любопытенъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что онъ далъ поводъ проф. Ф. Ф. Мартенсу высказать свой взглядъ на вопросъ объ объявленіи войны, тотъ взглядъ, котораго онъ неизмѣнно держался затѣмъ втеченіе 25 лѣтъ, пока нынѣшняя война не дала ему новый поводъ нѣсколько видоизмѣнить его. Мы находимъ этотъ взглядъ уже вполнѣ опредѣленно выраженнымъ въ его книгѣ „Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878". (СПб. 1879).

Называя обвиненіе „въ начатіи войны безъ формальнаго ея объявленія" „крайне дерзкимъ поступкомъ" со стороны Турціи, проф. Мартенсъ считаетъ его тѣмъ болѣе непростительнымъ, что „всѣ наиболѣе авторитетные писатели международнаго права признаютъ объявленіе совершенно излишнею формальностью по той простой причинѣ, что трудно себѣ представить, чтобы въ настоящее время международная война могла возникнуть совершенно внезапно, моментально, какъ какой нибудь Deus ex machina. Благодаря развитію между-

---

[1]) Staatsarchiv, Bd. XXXII—1877, № 6407. Еще ранѣе, въ тотъ же день, но до полученія увѣдомленія, что война объявлена, султанъ черезъ Саида-пашу просилъ англійскаго посла довести до свѣдѣнія своего правительства, «что Россія безъ всякаго предварительнаго объявленія войны внезапно перешла черезъ Прутъ и азіатскія границы Турціи и уже начала военныя дѣйствія противъ нея; что подобный образъ дѣйствій представляется Его Величеству нарушеніемъ обычаевъ цивилизованныхъ народовъ и международнаго права; что Турція не дала Россіи никакого повода обращаться съ нею такъ оскорбительно и грубо, какъ будто она составляла зависимую область» (тамъ-же, № 6406).—14 (26) апрѣля изданъ былъ манифестъ о войнѣ турецкимъ правительствомъ. Въ немъ оно еще разъ констатируетъ, «что Россія въ самую ночь, которая предшествовала объявленію войны, вторглась въ территорію Имперіи» (Staatsarchiv, ibid., № 6412).

народныхъ сношеній и гласности малѣйшее недоразумѣніе, возникшее между данными правительствами, немедленно дѣлается извѣстнымъ и эксплуатируется биржею въ томъ или другомъ смыслѣ. Уже въ началѣ XVIII вѣка замѣчательные юристы доказывали совершенную безполезность объявленій войны, на основаніи именно того несомнѣннаго факта, что война не можетъ возникать безъ всякихъ поводовъ и помимо предварительныхъ натянутыхъ международныхъ отношеній и предшествовавшихъ дипломатическихъ переговоровъ" [1]).

Трудно въ болѣе категорической формѣ выразить протестъ не только противъ обязательности, но и противъ цѣлесообразности какого бы то ни было предварительнаго заявленія о войнѣ со стороны начинающаго ее. Не довольствуясь этимъ, проф. Мартенсъ еще и иронизируетъ по адресу Порты, отстающей отъ современнаго развитія международнаго права: „Портѣ заявляетъ онъ, по меньшей мѣрѣ, не слѣдовало забывать, что мы живемъ въ концѣ XIX вѣка, когда между *дѣйствительно* цивилизованными народами установились другія возрѣнія на „международныя обязательства и правила" [2]). Интересно было бы знать, считаетъ ли проф. Мартенсъ наставленія эти сохранившими силу и въ началѣ XX вѣка.

Въ русско-турецкой войнѣ приняла участіе въ качествѣ воюющей державы и *Румынія*. Положеніе, занятое ею при началѣ войны, крайне своебразно. Изъ новѣйшей дипломатической исторіи я могъ бы указать только еще на аналогичный случай съ Кореею въ нынѣшнюю войну. Въ виду этого, я считаю нелишнимъ остановиться на разсмотрѣніи того положенія, въ которомъ оказалась Румынія въ 1877 г.

Какъ только разрывъ между Россіею и Турціею сталъ серьезно угрожать, Румынія не перестаетъ хлопотать о томъ, чтобы территорія ея не сдѣлалась театромъ войны, заявляя

---

[1]) Ф. Мартенсъ, Восточная война и Брюссельская конференція, стр. 221—222.

[2]) Мартенсъ, Восточная война, стр. 222.

гдѣ только возможно, что она желаетъ во время предстоящей войны остаться нейтральною. Турецкое правительство стремится къ тому же и обращается къ державамъ, прося ихъ „объявить территорію Румыніи нейтральною и защитить ее отъ вторженія русской арміи“ [1]). Съ такою же просьбой обращается и Румынія, боясь, главнымъ образомъ, вторженія турецкой арміи [2]). „Русская армія, говорится въ нотѣ Румыніи, лишь пройдетъ по нашей территоріи, съ молчаливаго согласія державъ. Мы не въ состояніи сдѣлать того, чего не дѣлаетъ Европа. Но изъ того, что *мы не можемъ воспрепятствовать проходу русскихъ войскъ*, не слѣдуетъ, чтобы Турція имѣла право перенести театръ военныхъ дѣйствій въ Румынію“ [3]). Державы, которыя согласились относительно нейтрализаціи Сербіи [4]), не сдѣлали этого по отношенію къ Румыніи [5]). За два дня до объявленія войны, 10 (22) апрѣля Турція обращается къ Румыніи для принятія совмѣстно мѣръ обороны противъ вторженія русскихъ войскъ [6]), но получаетъ на слѣдующій день уклончивый отвѣтъ, что „правительство не можетъ нарушить предписаній конституціи, въ силу коихъ одному лишь парламенту принадлежитъ право рѣшить, должна ли Румынія принять участіе въ войнѣ и, слѣдовательно, сойти съ пути нейтралитета, указаннаго ей договорами“ и рекомендованнаго ей какъ Портою, такъ и великими державами [7]).

Парламентъ былъ созванъ на 14 (26) апрѣля. Прежде,

---

[1]) Staatsarchiv, ibid., № 6383.

[2]) Staatsarchiv, ibid., № 6385.

[3]) Румынія заявляетъ въ то же время, что въ случаѣ отказа со стороны державъ, она «должна будетъ слушаться лишь совѣта, который продиктуетъ ей отчаяніе». Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что «онъ имѣетъ основаніе думать, что эти послѣднія слова заключаютъ въ себѣ указаніе на возможность политическаго соглашенія съ Россіею». (Staatsarchiv, ibid., № 6389).

[4]) Staatsarchiv, ibid., № 6390, 6413 (согласіе Россіи на нейтрализацію Сербіи), 6418 (согласіе Турціи).

[5]) Staatsarchiv, ibid., № 6384, 6389.

[6]) Staatsarchiv, ibid., № 6394, Ср. № 6405.

[7]) Staatsarchiv, ibid., № 6395.

чѣмъ онъ успѣлъ собраться, русскія войска вступили на румынскую территорію. *Оффиціально* это было для Румыніи неожиданностью. Особымъ воззваніемъ 12 (24) апрѣля правительство оповѣстило народъ, что до рѣшенія парламента Румынія будетъ сохранять нейтралитетъ, и войска румынскія, не вступая въ бой, будутъ отступать [1]). Наконецъ, парламентъ собрался 14 (26) апрѣля. Въ тронной рѣчи было заявлено, что всѣ попытки „видѣть нашъ нейтралитетъ, который наложенъ на насъ какъ обязанность, признаннымъ и въ качествѣ права, къ сожалѣнію, потерпѣли крушеніе... Послѣ того, какъ нейтралитетъ Румыніи болѣе не уважается, на насъ лежитъ обязанность позаботиться о томъ, чтобы Румынія не сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій... Проходъ русскихъ войскъ черезъ Румынію является фактомъ, противъ котораго, сколько намъ извѣстно, ни одна изъ державъ-гарантовъ еще не протестовала" [2]). Заботясь о томъ, чтобы не сдѣлаться ареной войны, Румынія заключила съ Россіей еще 4 (16) апрѣля особую конвенцію относительно прохода русскихъ войскъ [3]). Парламентъ теперь одобрилъ ее. Въ ней „нѣтъ совмѣстнаго дѣйствія нашей арміи съ русскою, нѣтъ союза противъ Турціи", сообщало въ одной изъ нотъ своихъ румынское правительство [4]). Узнавъ о существованіи конвенціи, Турція въ циркулярной нотѣ державамъ отъ 20 апрѣля (2 мая) [5]) протестуетъ противъ поведенія Румы-

---

[1]) Staatsarchiv, ibid., № 6404. Правительство румынское, говорится въ воззваніи, получило $^{11}/_{23}$ апрѣля отъ Турціи приглашеніе согласиться относительно «защиты румынской территоріи противъ грозящаго вторженія Императорскихъ русскихъ войскъ. Втеченіе вчерашняго дня и нынѣшняго утра, префекты соприкасающихся съ русскою Бессарабіею округовъ сообщили правительству, что Императорская русская армія начала вступленіе въ Румынію въ трехъ пунктахъ», въ виду чего и издаются временныя распоряженія до рѣшенія вопроса законодательнымъ собраніемъ.

[2]) Staatsarchiv, ibid., № 6410.

[3]) Текстъ ея напечатанъ въ Staatsarchiv, ibid., № 6382.

[4]) Staatsarchiv, ibid., № 6422.

[5]) Staatsarchiv, ibid., № 6428. Между прочимъ указывается и на то, что русскія войска вступили па румынскую территорію, куда даже войска сюзеренной державы могутъ вступить не иначе, какъ съ предварительнаго согласія великихъ державъ.

ніи и заявляетъ, что она „должна считать князя, а равно и законныя власти страны, находящимися во власти непріятеля, а потому и всѣ дѣйствія и рѣшенія, которыя будутъ исходить отъ нихъ при режимѣ оккупаціи, узурпированными у законной власти". На слѣдующій день Порта заявила румынскому агенту, что его функціи прекращаются [1]). Вскорѣ затѣмъ, 2 (14) мая, Румынія, оправдывая свое поведеніе и обвиняя Турцію въ захватѣ судовъ, въ бомбардированіи румынскаго берега Дуная, въ оскорбительномъ обращеніи съ ея представителемъ и проч., заявляетъ, что подобный образъ дѣйствій „не оставляетъ намъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что мы находимся въ войнѣ съ Турціей и что эта война была намъ объявлена самою Высокою Портою" [2]).

Такимъ образомъ, о существованіи войны заявляетъ *Румынія* послѣ того, какъ рядъ враждебныхъ дѣйствій уже совершенъ съ той и другой стороны. Это *война безъ предварительнаго объявленія.* Что касается *Россіи*, то *война объявлена одновременно съ начатіемъ военныхъ дѣйствій.*

Англо-афганская война 1878. Давно уже велись переговоры между Англіей и Россіей по поводу Афганистана. Въ виду сближенія Афганистана съ Россіей, когда отправлено было посольство (принято въ Ташкентѣ 5 сент. н. ст.), отношенія Афганистана къ Англіи обострились. Англія, которая еще въ августѣ просила о принятіи направляемаго ею въ Кабухъ посольства и затѣмъ отправила его, узнала, что миссія (около 1000 человѣкъ) задержана, такъ какъ 21 сент. ей было отъ имени эмира сообщено о запрещеніи дальнѣйшаго ея движенія. Въ виду этихъ обстоятельствъ англійское правительство рѣшило (31 октября) отправить эмиру ультиматумъ. Условія его: полное извиненіе и принятіе посольства. Ультиматумъ переданъ 2 ноября коменданту форта. Въ случаѣ отказа, заявлялось въ ультиматумѣ, англо-индійскія войска 21 ноября перейдутъ границу. Такъ это и случилось. Войска уже находились на афганской территоріи, когда,

---

1) Staatsarchiv, ibid., № 6429.
2) Staatsarchiv. ibid., № 6443.

30 ноября, получился вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ отъ эмира (въ Лондонъ онъ пересланъ лишь 6 декабря): дружественную миссію, подобно русской, изъ 20—30 членовъ, онъ готовъ принять. Было уже поздно. Срокъ въ *18 дней* оказался недостаточенъ для отвѣта на *ультиматумъ* [1]).

Война Чили съ Перу и Боливіей 1879—83 г. [2]). Боливія незаконнно обложила налогомъ торговую компанію въ Антофагастѣ, вслѣдствіе чего при взысканіи налога оказано было сопротивленіе, а это, въ свою очередь, вызвало аресты. Въ отвѣтъ на эти дѣйствія Чили осадило городъ Антофагасту и заняла весь прилегающій селитренный округъ. Послѣ того, какъ война фактически открылась, Чили оффиціально объявила ее 6 апрѣля 1879 г. Боливіи и ея союзнику по договору 1873 года, Перу.

Фактическія военныя дѣйствія предшествуютъ формальному объявленію войны [3]).

Походъ Франціи въ Тунисъ 1881 г. [4]). Подъ предлогомъ, что Тунисское правительство не въ состояніи умиротворить племя Крумировъ (или Хумировъ), совершающихъ набѣги на алжирскую территорію, Франція рѣшила отправить къ тунисской границѣ войско [5]). 6 апрѣля она обратилась къ привительству бея съ требованіемъ содѣйствія, заявляя, что войска ея будутъ союзниками и помощниками бея [6]). Бей

---

[1]) W. Müller, Polit. Gesch. der Gegenwart, XII—1878—S. 148—160. Ср. Staatsarchiv, XXXVIII—1881, особенно № 7361, 7362 и 7365.—Въ томъ же году, въ декабрѣ, Англія потребовала отъ короля Зулусовъ, Сетивана, разоруженія войска, уступки бухты Санта Лучіа и принятія англійскаго резидента. Отказъ исполнить требованія Англіи имѣлъ своимъ послѣдствіемъ вступленіе англійскихъ войскъ для понужденія короля исполнить предъявленныя ему требованія. (Тамъ же, стр. 161).

[2]) W. Müller, Politische Geschichte der Gegenwart, XIII—1879, S. 238.

[3]) „La guerre du Pacifique, commencée sans déclaration préalable . . . par une attaque soudaine du Chili contre la Bolivie et le Pérou son allié" (Pradier-Fodéré, La guerre du Pacifique въ Revue de Dr. Intern., t. XVI—1884, p. 510).

[4]) Дипломатическіе документы собраны въ Staatsarchiv, XXXIX—1882, стр. 36—122). Изложеніе хода событій, см. стр. 77—84 (№ 7469).

[5]) Staatsarchiv, XXXIX, № 7432, 7435.

[6]) Staatsarchiv, ibid., № 7436.

отклонилъ содѣйствіе французскихъ войскъ. Тогда Францiя сообщила, что она рѣшила наказать нѣкоторыя племена въ Тунисѣ. Бей протестовалъ противъ предположеннаго нарушенія его территоріальныхъ правъ, возлагая при этомъ отвѣтственность за послѣдствія на Францію [1]). 11 апрѣля французскій отрядъ перешелъ границу [2]). Затѣмъ занята была крѣпость Кефъ, а 1 мая французскія суда появились передъ Бизертой, требуя сдачи и угрожая, въ противномъ случаѣ, занять городъ силою. „Такъ какъ мы находимся въ состояніи мира съ Правительствомъ Республики, пишетъ бей французскому повѣренному въ Тунисѣ, то мы дали кому слѣдуетъ предписаніе избѣгать всякаго столкновенія между нашими солдатами и солдатами французской арміи", почему Бизерта и должна была сдаться безъ сопротивленія [3]).

Протестъ Турціи, номинальнаго сюзерена Туниса, противъ французскаго вмѣшательства не привелъ ни къ какимъ результатамъ [4]), такъ какъ благосклонное отношеніе Англіи къ французскому предпріятію было обезпечено. 7 мая Турціи была отправлена нота слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ Францiя въ настоящее время *находится въ войнѣ съ частью населенія Туниса*, всякая отправка военныхъ силъ въ Тунисъ со стороны Турціи будетъ разсматриваться, какъ враждебное дѣйствіе", и французская эскадра воспрепятствуетъ этому въ случаѣ надобности силою [5]).

Не встрѣчая ни откуда поддержки [6]), Тунисъ долженъ былъ подчиниться волѣ Франціи и признать ея протекторатъ. 12 мая заключенъ договоръ, который на слѣдующій день подписанъ былъ [7]). Интересно отмѣтить, что дипломатическія

---

[1]) Тамъ-же, № 7437, 7440, 7441, 7445.

[2]) Тамъ-же, № 7446.

[3]) Тамъ-же, № 7459 (протестъ Бея отъ 2 мая).

[4]) Тамъ-же, № 7457, 7460, 7461, 7470, 7473. Ср. № 7447, 7472.

[5]) Тамъ-же, № 7465.

[6]) Просьба Туниса о посредничествѣ державъ, тамъ же, № 7463, 7473. Ср. № 7467 (предложеніе Италіи рѣшать Тунисскій вопросъ).

[7]) Тамъ-же, № 7479 (текстъ договора), 7482—3; 7486 и 7488 (протестъ Турціи), 7489 (протестъ оставленъ Франціей безъ отвѣта).

сношенія между Тунисомъ и Франціей не прерывались, и французскій повѣренный въ дѣлахъ продолжалъ оставаться въ Тунисѣ [1]).

Походъ въ Тунисъ представляетъ примѣръ *военныхъ насилій безъ сопротивленія.* Съ того момента, когда сопротивленіе было бы оказано, налицо была бы *война ex vi mutua*, безъ объявленія [2]).

Война Франціи съ Китаемъ въ 1884 г. [3]). Давнишнія недоразумѣнія по поводу установленія Франціей протектората надъ Тонкиномъ и Аннамомъ, находившимися въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китаю, были улажены Тяндзинскимъ договоромъ между обоими государствами, заключеннымъ 11 мая 1884 г. Ссылаясь на этотъ договоръ, французскій отрядъ рѣшилъ занять мѣстность Лансонъ, которая должна была быть очищена китайцами. 23 іюня отрядъ наткнулся здѣсь на китайскія войска. Послѣднія отправили начальнику отряда письмо, въ которомъ сообщали, что имъ было сообщено о заключеніи договора, но что они не имѣютъ предписанія эвакуировать мѣстность, и просили, дабы не нарушать мирныхъ отношеній, сдѣлать запросъ въ Пекинѣ. По полученіи отвѣта они обѣщали удалиться. Дѣло, однако, по винѣ французскаго отряда кончилось сраженіемъ между войсками у Бакъ-Ле и оттѣсненіемъ французовъ. Франція протестовала. Начались переговоры въ Пекинѣ, причемъ обѣ стороны взаимно сваливали вину другъ на друга. 12 іюня 1884 г. французскій представитель въ Пекинѣ передалъ китайскому

---

[1]) Тамъ же № 7471. Сношенія съ французскимъ повѣреннымъ не прекращались, несмотря на предписаніе, данное бею Турціей (№ 7475).

[2]) За вмѣшательствомъ Франціи въ Тунисѣ, въ 1882 г. послѣдовало вмѣшательство Англіи въ Египтѣ послѣ рѣзни, происшедшей въ Александріи 11 іюня. 6 іюня послѣдовалъ ультиматумъ адмирала Сеймура фактическому правительству Араби паши, 11 іюля бомбандировка Александріи, а 14 августа получила отъ хедива порученіе (вопреки волѣ Турціи) подавить возстаніе. Войны въ тѣсномъ смыслѣ слова здѣсь не было.

[3]) Cordier, Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales 1860—1900. Partie II (Paris 1902). Chap. XXIII—XXV, pp. 449—551. Cp. Krieg ohne Kriegserklärung (Wien 1885), S. 21—25.

правительству ультиматумъ: немедленная эвакуація Тонкина и вознагражденіе въ размѣрѣ не менѣе 250 милліоновъ, въ противномъ же случаѣ „французское правительство окажется въ необходимости само позаботиться (s'assurer directement) о гарантіяхъ и удовлетвореніи, на которыя оно имѣетъ право". На слѣдующій день полученъ отвѣтъ. Китай соглашался на немедленную эвакуацію, но въ требованіи вознагражденія усмотрѣлъ нарушеніе международнаго права и „согласно нормамъ, принятымъ въ западныхъ странахъ", заявилъ протестъ („Пулутэсто"). 18 іюля французскій представитель сообщилъ, что ультиматумъ остается въ силѣ, но Франція согласилась продлить срокъ, чтобы вести переговоры о вознагражденіи. 31 іюля срокъ истекъ, и 2 августа китайское правительство было увѣдомлено, что Франція снова сохраняетъ за собою свободу дѣйствій. 5 августа французскія суда бомбардировали Килунъ. Китай протестовалъ: „Военное дѣйствіе во время переговоровъ, безъ предварительнаго объявленія, является безпримѣрнымъ фактомъ. Китайское правительство апеллируетъ ко всѣмъ державамъ". 9 августа представителю Франціи было заявлено, что американское посредничество является лучшимъ рѣшеніемъ вопроса; отказаться принять его значитъ бояться рѣшенія посредниковъ.

19 августа Китаю предъявленъ новый ультиматумъ: уплата 80 мил. фр. въ теченіе 10 лѣтъ; въ случаѣ неполученія удовлетворительнаго отвѣта въ теченіе 48 часовъ адмиралъ Курбэ приметъ немедленно мѣры, которыя покажутся ему полезными для обезпеченія французскому правительству должнаго удовлетворенія. Китайское правительство отвѣтило 19 августа обвиняя Францію, что она поведеніемъ своимъ „поставила себя внѣ разума и международнаго права", и 21 августа (срокъ ультиматума) отправила паспорты представителю Франціи. Послѣдній покинулъ Пекинъ.

Адмиралъ Курбэ, стоявшій съ половины іюня съ эскадрой въ рѣкѣ Фуджоу, получивъ разрѣшеніе начать военныя дѣйствія, напалъ на стоявшую тамъ же китайскую эскадру, которая и была имъ 23 августа совершенно уничтожена. Началась война, окрещенная французскимъ правительствомъ име-

немъ *„состоянія репрессалій“*, такъ какъ *„война“* могла быть предпринята не иначе, какъ съ согласія парламента. Впослѣдствіи это „состояніе репрессалій“ и формально превратилось въ войну: Франція особою нотою отъ 6 февраля заявила, что ей принадлежатъ всѣ права, которыя международнымъ правомъ признаны за воюющими.

Рядъ ультиматумовъ (безъ угрозы войною) приводитъ къ репрессаліямъ, *репрессаліи ведутъ къ войнѣ*. Начало состоянія войны должно считаться съ момента разрыва дипломатическихъ сношеній 21 августа 1884 г. [1]).

Война Сербіи съ Болгаріей 1885 г. [2]).

Усиленіе Болгаріи вслѣдствіе соединенія съ нею 6/18 сентября 1885 г. Восточной Румеліи было встрѣчено въ Сербіи съ нескрываемымъ недовольствомъ. Сейчасъ же (10/22) рѣшено было мобилизировать войска. Въ тронной рѣчи къ открывшейся 20 сент. (2 окт.) въ Нишѣ Скупщинѣ говорилось о необходимости сохраненія на Балканскомъ полуостровѣ политическаго равновѣсія. Огромное сербское войско двинуто было къ болгарской границѣ; туда же отправлено и небольшое сравнительно болгарское войско. Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Оно и произошло. Приведу документальныя данныя.

---

[1]) Война Франціи съ Китаемъ побудила двухъ писателей высказаться по поводу войнъ безъ предварительнаго объявленія: Krieg ohne Kriegserklärung. Ein Mahnruf. Wien 1885. IV—41 стр. Авторъ (австріецъ) говоритъ въ предисловіи, что поведеніе англичанъ въ Египтѣ и французовъ въ Китаѣ „zu der irrigen Behauptung geführt, dass derartige, ohne vorheriger Kriegserklärung erfolgte Aggressionen lediglich eine Erscheinung der neuesten Zeit seien, sich niemals vorher eregneten“. Примѣрами изъ прошлаго авторъ желалъ опровергнуть это ошибочное утвержденіе. При составленіи настоящей части своей статьи я уже могъ пользоваться указаннымъ сочиненіемъ. Вторая работа принадлежитъ французу, Pradier-Fodéré. Des hostilités sans déclaration de guerre (Rev. de Dr. Int., XVII—1885—pp. 19—54). Авторъ ея высказывается противъ войнъ, которыя ведутся подъ флагомъ репрессалій, и въ пользу войнъ съ предварительнымъ объявленіемъ.

[2]) Документы см. Staatsarchiv, XLVI—1886, стр. 287—362 („Bulgarische Frage“).

(1) 13 ноября сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ отправилъ изъ Ниша депешу сербскому повѣренному въ Софіи слѣдующаго содержанія: „Командующій первой дивизіей и пограничныя власти одновременно доносятъ, что болгарскія войска напали сегодня въ 7½ час. утра на позиціи . . . на сербской территоріи, въ окрестностяхъ Власины. Королевское правительство разсматриваетъ это ничѣмъ не вызванное нападеніе, какъ объявленіе войны. Прошу васъ, г. Агентъ, увѣдомить отъ моего имени г. Цанкова, министра иностранныхъ дѣлъ, что Сербія, принимая послѣдствія этого нападенія, считаетъ себя въ состояніи войны съ княжествомъ Болгаріей начиная съ субботы, 2 (14) ноября, съ 6 часовъ утра“ [1]). 2 (14) ноября появилось воззваніе (манифестъ) короля къ сербскому народу съ обвиненіями, какъ всѣ подобнаго рода документы, по адресу противника [2]). Въ тотъ же день издано было аналогичное воззваніе (манифестъ) княземъ Болгарскимъ [3]). Интереснѣе этихъ воззваній циркулярная нота болгарскаго правительства отъ того же 2 (14) ноября къ представителямъ великихъ державъ въ Софіи [4]). Въ ней сообщается, что, по донесеніямъ командующаго войсками, въ этотъ день на зарѣ сербская армія вторглась на болгарскую территорію и заняла деревню Паскаше. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Цанковъ тотчасъ же, въ 10½ час. утра отправился къ сербскому повѣренному въ дѣлахъ (дипломатическому агенту Греціи), чтобы узнать, имѣетъ ли онъ свѣдѣнія о важныхъ событіяхъ, происшедшихъ на границѣ. „Сербскій повѣренный въ дѣлахъ *сейчасъ же сообщилъ мнѣ оффиціозно и въ полдень оффиціально* текстъ депеши, отправленной ему Гарашаниномъ, президентомъ совѣта и королевскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сербіи, и полученной имъ около 4 часовъ утра“. Депеша содержала приведенное выше объявленіе войны. Цанковъ прибавляетъ, что нападеніе

---

1) Staatsarchiv, XLVI, № 8886.

2) Тамъ-же, № 8888.

3) Тамъ-же, № 8890.

4) Тамъ-же, № 8889.

1 (13) ноября было совершено сербами на болгарскій отрядъ, находившійся на болгарской территоріи. Болгарскія войска занимали оборонительное положеніе, которое будутъ продолжать занимать еще и 2 (14), когда сербскія войска уже вторглись въ Болгарію.

Черезъ два дня, когда сербскія войска почти уже придвинулись къ столицѣ Болгаріи, въ циркулярной нотѣ представителямъ великихъ державъ въ Бѣлградѣ [1]), болгарское правительство справедливо жаловалось на поведеніе Сербіи, „вторгнувшейся на княжескую территорію, не сообщивъ предварительно черезъ посредство Высокой Порты... согласный съ международнымъ правомъ ультиматумъ, въ которомъ она изложила бы свои жалобы и мотивы столь крайняго рѣшенія". „Въ своемъ положеніи вассальнаго княжества Е. И. В. Султана, Болгарія не могла объявить и не объявила войны Сербіи" [2]).

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, которая изъ сторонъ начала военныя дѣйствія, мы все же можемъ констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что *война началась ex vi mutua*, объявленіе же войны было маскою, притомъ, въ поспѣшности, весьма плохо надѣтою.

Война Японіи съ Китаемъ 1894 г. [3]). Корейское правительство, не будучи въ состояніи подавить вспыхнувшее возстаніе, обратилось къ сюзеренной державѣ, Китаю, за помощью. 4 іюня 1894 г. отправленъ былъ изъ Вей-Хай-Вея отрядъ китайскихъ войскъ, прибывшій въ Корею 8-го. Объ отправкѣ отряда было сообщено Японіи, какъ это требовалось на основаніи договора между Китаемъ и Японіей 1885

[1]) Тамъ-же, № 8892.

[2]) Болгарское правительство тотчасъ же по полученіи извѣстій о вторженіи сербской арміи, дало знать объ этомъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ: „Врагъ (l'envahisseur), пользуясь тѣмъ, что Болгарія, въ своемъ вассальномъ состояніи, не имѣетъ права объявлять войну своимъ сосѣдямъ и была, поэтому, лишена всѣхъ средствъ наступленія, дошелъ почти до воротъ Софіи" (Staatsarchiv, XLVI, № 8892).

[3]) Nagao Ariga, La guerre sino-japonaise au point de vue du droit international. Paris. 1896 г. Chap. II Début de la guerre sino-japonaise.

года. Японія, безъ просьбы Кореи, но имѣя на то право по договору съ Китаемъ, тоже отправила въ Корею войско, увѣдомивъ объ этомъ Китай. Въ началѣ іюля возстаніе было подавлено. Китай пригласилъ Японію очистить Корею. На это послѣдовалъ отказъ, причемъ Японія предложила Китаю приступить совмѣстно къ административнымъ реформамъ въ Кореѣ, заявивъ, что въ случаѣ отказа Японія будетъ дѣйствовать одна, возлагая всю отвѣтственность за будущее на Китай. Произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній. Это имѣло мѣсто въ половинѣ іюля. Вслѣдъ затѣмъ представитель Японіи требуетъ отъ Кореи, чтобы китайскія войска покинули страну. Не получая рѣшительнаго отвѣта, онъ рѣшился занять императорскій дворецъ, что̀ и выполнено было 23 іюля. Въ тотъ же день, узнавъ, что Китайское правительство 20 іюня отправило изъ Таку въ Корею значительный транспортъ войска, Японія выслала три крейсера съ цѣлью воспрепятствовать его высадкѣ. 25 іюля произошла встрѣча, причемъ транспортное судно „Кошунъ", шедшее подъ англійскимъ флагомъ, было потоплено крейсеромъ „Нанива" [1]). За день до этого, корейское правительство поручило Японіи изгнать китайскія войска, что̀ повело къ сраженію при Асанѣ 29 іюля. 1 августа Японія издала манифестъ о войнѣ. Одновременно объявленіе войны было сдѣлано и со стороны Китая.

Война началась *безъ объявленія* враждебными дѣйствіями на морѣ (25 іюля) и на сушѣ (29 іюля). Японія считаетъ началомъ войны *разрывъ дипломатическихъ сношеній съ указаніемъ возможныхъ послѣдствій.*

Походъ Франціи противъ Мадагаскара 1895 г. [2]). Враждебное отношеніе туземцевъ къ французамъ стало замѣтно

[1]) По поводу затопленія Кошуна и связаннаго съ этимъ фактомъ вопроса, съ какого момента должно считать начало войны высказаны были въ литературѣ противоположные взгляды такими видными учеными, какъ Westlake и Holland. Объ этой контроверзѣ и вообще о началѣ японско-китайской войны см. Revue de droit internat. public, t. I (1894), pp. 459—476.

[2]) Revue de droit intern. public, t. II (1895) pp. 140—158; t. III (1896) pp. 55—63.

рости втеченіе 1892 и 1893 гг. Оно особенно усилилось въ 1894 г. Въ сентябрѣ этого года былъ отправленъ въ Мадагаскаръ съ спеціальной миссіей особый представитель, Лемиръ-де-Вилеръ. Послѣдній 17 октября предложилъ Мадагаскарскому правительству заключить договоръ изъ 5 статей, ставившихъ Мадагаскаръ въ положеніе полной зависимости отъ Франціи. Когда въ условленный для отвѣта день и часъ (20 октября въ 10 часовъ утра) министръ Мадагаскарскій не явился, представитель Франціи сообщилъ ему, что, согласно инструкціи своего правительства, онъ требуетъ подписанія королевою упомянутаго договора; если же до 6 часовъ вечера 26 октября подписи не послѣдуетъ, „онъ окажется вынужденнымъ снять флагъ и покинуть столицу". 22 октября полученъ былъ отказъ, причемъ излагались жалобы на поведеніе французовъ съ 1889 г. Черезъ 2 дня французскому представителю предложенъ былъ проектъ новаго договора. 25 октября представитель Франціи (уже какъ частное лицо) объяснилъ значеніе ультиматума, но въ отвѣтъ получилъ просьбу передать своему правительству жалобы на французскихъ подданныхъ. 27 октября онъ покинулъ столицу, но до 27 декабря оставался въ Таматавѣ. Послѣ дипломатическаго разрыва экспедиція на Мадагаскаръ была рѣшена. 13 ноября правительство французское потребовало кредита у парламента. При обсужденіи одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что „если экспедиція будетъ вотирована, она не будетъ считаться войною, а мѣрою репрессіи (oeuvre de répression"), съ чѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ вполнѣ согласился [1]). Какъ только кредиты были вотированы (6 декабря), французское правительство дало (6 декабря) своему представителю приказаніе распорядиться, чтобы адмиралъ занялъ Таматаву, и уже *послѣ этого* сообщить мадагаскарскому министру, что Франція рѣшила силою заставить уважать свои права и свое достоинство. 12 декабря Таматава, послѣ бомбардировки, занята и на слѣдующій день сдѣлано предпи-

---

[1]) Journal officiel, Séance du 13 novembre 1894 à la Chambre, p. 1963 (взято у Bruyas, De la déclaration de guerre, p. 186).

санное сообщеніе. Послѣдовалъ протестъ съ указаніемъ, что отвѣтственность за всѣ причиненные туземцамъ и иностранцамъ убытки должна нести Франція. Мадагаскарское правительство, очевидно, не считало еще себя въ войнѣ, ибо таковая не была объявлена.

По этому поводу одинъ французскій писатель, Фошиль, высказываетъ слѣдующія интересныя соображенія, интересныя въ особенности потому, что они принадлежатъ перу *французскаго* ученаго. „Вопросъ о томъ, какъ совершается переходъ отъ состоянія мира къ состоянію войны, принадлежитъ къ тѣмъ вопросамъ, относительно которыхъ авторы расходятся. Нѣкоторые считаютъ безусловно необходимымъ формальное объявленіе войны; другіе, болѣе многочисленные, держатся воззрѣнія, что народъ имѣетъ право напасть на другой грубо (brutalement) и безъ предварительнаго увѣдомленія. Но наиболѣе распространенное мнѣніе полагаетъ, что открытіе военныхъ дѣйствій, если оно и не требуетъ торжественнаго объявленія со стороны нападающаго, все же предполагаетъ какое-либо дѣйствіе, дающее противнику знать о намѣреніи прибѣгнуть къ силѣ. Встрѣчается ли подобнаго рода дѣйствіе въ франко-мадагаскарской распрѣ? Можно-ли считать таковымъ ультиматумъ, сообщенный 20 октября правительству гова Лемиръ-де-Вилеромъ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, видѣть его только въ сообщеніи, которое было возложено 8 декабря на французскаго представителя? Смотря по тому, какое рѣшеніе будетъ принято по этому пункту, придется сказать, правильно ли были начаты военныя дѣйствія или нѣтъ. Мы, не колеблясь, полагаемъ, что ультиматумъ былъ, по праву, достаточнымъ увѣдомленіемъ. *Ультиматумъ равносиленъ объявленію войны, если правительство, отправляющее его, указываетъ, что въ случаѣ непринятія его предложеній въ извѣстный срокъ, оно порветъ всѣ дипломатическія сношенія*“ [1]). Такой именно ультиматумъ и былъ

[1]) Fauchille въ хроникѣ, напечатанной въ Rev. de Dr. Int. Publ. III (1896), p. 57. Авторъ имѣетъ сильное стремленіе оправдать дѣйствія французскаго правительства и потому старается доказать, что война Франціи съ Мада-

отправленъ,—*ультиматумъ съ угрозой порвать дипломатическія сношенія* [1]).

Война Италіи съ Абиссиніей 1895—1896 г.г. Столкновеніе произошло вслѣдствіе отказа Абиссиніи признать себя зависимой отъ Италіи (по договору въ Уччали 1889 г.) [2]). Какъ можно судить по имѣющимся даннымъ, война началась безъ всякаго оповѣщенія, фактически, рядомъ военныхъ актовъ. Что война началась именно такъ, можно заключить на основаніи дѣла о захватѣ въ августѣ 1896 г. голландскаго судна Doelwyk, везшаго въ Абиссинію военную контрабанду. По этому вопросу высказались итальянскіе публицисты, Кателлани и Бруза [3]). Надо было, прежде всего рѣшить, существовала ли война и связанныя съ нею обязанности нейтралитета.

„Кателлани, говоритъ Бруза, признаетъ (какъ и самъ Бруза) правомѣрное существованіе войны *incepta sine indictione et a vi mutua* (т. е. начатой безъ объявленія, взаимнымъ примѣненіемъ силы); онъ вполнѣ допускаетъ, что съ момента, когда разразились военныя дѣйствія между двумя государствами, всѣ прочія государства тотчасъ же подчиняются обязанно-

---

гаскаромъ была война гражданская,ибо Франція (она это утверждала, но Мадагаскарское правительство отрицало) имѣла протекторатъ надъ островомъ, а при такихъ отношеніяхъ войны въ собственномъ смыслѣ нѣтъ (и это положеніе тоже требуетъ доказательства). Правительство французское разсматривало свой походъ не какъ войну, а какъ подавленіе мятежа, и не примѣняла къ противнику нормъ права войны (Revue Dr. I. P., ibid., p. 63).

[1]) Само французское правительство, какъ справедливо указываетъ Фошиль, не считало разрывъ дипломатическихъ сношеній окончательнымъ. „Переговоры, писалъ 15 ноября министръ иностранныхъ дѣлъ Лемиру, должны считаться безусловно прерванными только вслѣдствіе вотированія кредитовъ обѣими палатами" (Rev. de Dr. Int. Publ., ibid., p. 58).

[2]) О причинахъ войны см. Despagnet, Le conflit entre l'Italie et l'Abyssinie (Rev. de Dr. Int. Publ. IV—1897, pp. 5—61.

[3]) Catellani, La cattura del Doelwyk e la Commissione delle prede (въ приложеніи къ миланской газетѣ Perseveranza отъ 23 дек. 1896 г. Объ этой статьѣ мнѣ извѣстно только по возраженію на нее Брузы: Brusa, L'affaire de Doelwyk (Rev. de Dr. I. Publ. IV—1897, pp. 157—175). Кателлани защищаетъ права нейтральныхъ, Бруза оправдываетъ захватъ, но одинаково констатируютъ фактъ начатія войны sine indictione, ex vi mutuaсa.

стямъ нейтралитета“ [1]). Далѣе, „Призовая коммиссія справедливо замѣтила, читаемъ мы у того же Брузы, что нечего было считаться съ фактомъ отсутствія формальнаго объявленія войны, такъ какъ нагрузка судна началась и окончилась много времени спустя послѣ того, какъ разразились военныя дѣйствія: формальное оповѣщеніе не могло ничего прибавить къ дѣйствительному положенію вещей“ [2]).

Ни тотъ ни другой изъ итальянскихъ писателей, ни даже призовый судъ, не подвергаютъ ни малѣйшему сомнѣнію фактъ начатія войны *безъ предварительнаго объявленія или оповѣщенія.*

Греко-турецкая война 1897 года [3]). Возстаніе на островѣ Критѣ (1895—96 гг.) и вмѣшательство державъ, поведшее къ полной автономіи этого острова [4]), возбудило большія надежды въ Греціи. Поднялось національное движеніе, съ которымъ правительству трудно было бороться. Организовались добровольные отряды, совершавшіе набѣги на пограничныя турецкія области, и правительство было безсильно разоружить ихъ и предать суду. Уже съ марта греческія и турецкія войска находились другъ противъ друга вдоль эпирской и ѳессалійской границы. 9 апрѣля предводителю пограничныхъ турецкихъ войскъ дана была инструкція перейти, въ случаѣ новаго пограничнаго инцидента, въ наступленіе. Этого не случилось. Но зато вечеромъ 16 апрѣля турки пытались

---

[1]) Rev. de Dr. Int. P. IV, p. 168.

[2]) Rev. de Dr. Int. Publ., ibid., p. 169. Любопытно отмѣтить, что 18 іюня 1896 г. итальянское правительство издало указъ, въ силу коего, „слѣдовало перестать считать Эритрею находящеюся въ войнѣ“. Такъ какъ, однако, военныя дѣйствія продолжались, то Бруза не придаетъ указу международно-правового значенія, существованіе же военныхъ дѣйствій не подвергаетъ сомнѣнію и Кателлани (Revue de Dr. Int. P., ibid., 169).

[3]) Хроника въ Revue de Dr. Int. Publ. IV—1897, стр. 504—533 и 680—728; составлена Nic. Politis. Политисъ полагаетъ, что большинство авторовъ и международная практика, какъ правило, требуютъ предварительнаго объявленія войны (p. 521, 681).

[4]) Объ этомъ см. Streit, La question crétoise au point de vue du droit international (Revue de Dr. I. P. IV, pp. 61—104, 446—483; VII, 5—52, 301—369, X, 222—282, 345—418). Вмѣшательство державъ въ любой моментъ могло превратиться въ войну между ними и Турціей.

занять позицію на греческой территоріи (Аналипсисъ), греками не занятой. Съ греческой стороны тотчасъ же открытъ былъ огонь, послѣ чего военныя дѣйствія начались по всей линіи до границъ Өессаліи и продолжались втеченіе слѣдующаго дня. 18 апрѣля они перешли и на Эпирскую границу: на зарѣ турецкій фортъ Превеза стрѣлялъ по греческому судну „Македонія" и пустилъ его ко дну.

Война еще не была объявлена. Указъ о войнѣ подписанъ султаномъ, правда, 17 апрѣля вечеромъ, но только 18 утромъ извѣщеніе о войнѣ было сообщено греческому правительству. Въ этотъ день, въ 10 часовъ утра, турецкій представитель въ Аѳинахъ, Ассимъ-бей, передалъ греческому правительству ноту, въ которой заявлялось, что „вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, открытыхъ Греціею противъ императорскаго оттоманскаго правительства", дипломатическія сношенія прекратились, и греческій посланникъ въ Константинополѣ, равно и греческіе консулы были приглашены выѣхать изъ Турціи, ему же самому съ турецкими консулами дано разрѣшеніе возвратиться въ Константинополь. Нота была принята съ протестами противъ приписываемой Греціи роли нападающей стороны. Въ тотъ же день греческій парламентъ принялъ турецкій вызовъ къ войнѣ.

Объявленіе войны послѣдовало заднимъ числомъ; *война началась ex vi mutua*, кого бы изъ противниковъ ни считать виновнымъ въ совершеніи перваго нападенія [1]).

---

[1]) Турецкое правительство въ своемъ объявленіи войны сваливаетъ всю вину на Грецію (Rev. Dr. I. P. IV, p. 519 note). Правительство Греціи, въ своемъ протестѣ противъ этихъ обвиненій, указываетъ на попытку турокъ занять греческую территорію и на дѣло съ потопленіемъ судна „Македонія". „Королевское правительство, говорится въ протестѣ, не можетъ обойти молчаніемъ еще и то, что сегодня, начиная съ 5 час. утра, прежде чѣмъ отъ императорской миссіи получилось оффиціальное сообщеніе о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между обѣими странами, и между тѣмъ, какъ представитель короля въ Константинополѣ былъ оповѣщенъ лишь поздно ночью, форты Превезы открыли огонь противъ греческихъ позицій въ Артѣ и потопили судно панэллинской компаніи „Македонія" при выходѣ его изъ бухты Арты". (R. D. I. P., ibid., p. 22 note 2).

Испано-Американская война 1898 года [1]). Общественное мнѣніе въ Соединенныхъ штатахъ давно уже было на сторонѣ Кубы, возставшей въ 1895 г. противъ своей метрополіи, Испаніи, и когда, въ мартѣ 1897 г., Кливленда на президентскомъ мѣстѣ смѣнилъ Макъ-Кинлей, правительство С.-Штатовъ, побуждаемое общественнымъ мнѣніемъ, уже не отвергало мысли о возможномъ съ его стороны вмѣшательствѣ въ пользу возставшихъ. Естественно, что отношенія между Испаніей и Америкой, въ виду положенія, занятаго послѣднею, становились все болѣе и болѣе напряженными. Рядъ инцидентовъ, происшедшихъ втеченіе 1897 и въ началѣ 1898 г. удалось уладить, но положеніе сдѣлалось еще болѣе острымъ [2]). Поводомъ къ окончательному разрыву послужилъ инцидентъ, который при другихъ обстоятельствахъ былъ бы безъ труда улаженъ. 16 февраля на американскомъ военномъ суднѣ „Мэнъ“, находившемся въ Кубинскомъ портѣ, Гаванѣ, произошелъ взрывъ, жертвою котораго сдѣлалось до 250 человѣкъ. Слѣдственныя коммисіи, американская и испанская, пришли къ противоположнымъ заключеніямъ. Принявъ мнѣніе американской коммисіи, что взрывъ произошелъ отъ внѣшней причины (торпеды, мины), Макъ-Кинлей усмотрѣлъ въ этомъ фактѣ полное крушеніе и полную безпомощность испанской власти на Кубѣ, и, въ посланіи къ конгрессу, указалъ, какъ на единственное средство защиты американскихъ интересовъ, на вооруженное вмѣшательство. Посредничество папы (по просьбѣ Испаніи) и совѣты державъ не дали благопріятныхъ результатовъ. Хотя Испанія 9 апрѣля и согласилась объявить перемиріе до 1 октября и предоставила Кубѣ извѣстную автономію, но было уже поздно: остановить этимъ направленное противъ себя движеніе въ С.-Штатахъ Испаніи не

---

[1]) Очеркъ составленъ по обстоятельной хроникѣ Лефюра (Le Fur) въ R. D. I. P. V—1898, pp. 625—678.

[2]) Подробное изложеніе отношеній между Испаніей и Америкой до вооруженнаго столкновенія между ними можно найти у маркиза Оливара (Olivart). Le différend entre l'Espagne et les États-Unis au sujet de la question cubaine въ R. D. I. P. IV (1897), pp. 577—620; V (1898), pp. 358—422, 499—555; VII (1900), pp. 541—629; IX (1902), pp. 161—202; X (1903), pp. 577—602.

удалось. Еще въ мартѣ конгрессъ вотировалъ кредиты на національную оборону, теперь же, въ отвѣтъ на посланіе президента, Палата депутатовъ—13 апрѣля, Сенатъ—17-го, дали ему полномочіе вмѣшаться въ дѣла Кубы съ цѣлью прекращенія тамъ военныхъ дѣйствій. Сенатъ, кромѣ того, поручилъ президенту воспользоваться для этой цѣли вооруженными силами страны и выразилъ желаніе, чтобы Кубинская республика получила признаніе. Противъ признанія была Палата депутатовъ и президентъ. Въ виду этого, 19 апрѣля принято было новое, совмѣстное (обязательное для президента) рѣшеніе: принята формула Сената съ замѣною признанія республики Кубы заявленіемъ безкорыстія со стороны С.-Штатовъ. 20 апрѣля рѣшеніе это было утверждено президентомъ и тогда же составленъ ультиматумъ: Испанія должна была отказаться отъ своего верховенства надъ о. Кубою и отозвать оттуда сухопутную армію и флотъ; отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный для С.-Штатовъ требовался до полудня 23 апрѣля, въ противномъ же случаѣ, „президентъ, говорилось въ нотѣ, безъ предварительнаго увѣдомленія, употребитъ, въ той мѣрѣ, въ какой это окажется необходимымъ, силу и власть, которыя поручаетъ ему и возлагаетъ на него совмѣстное рѣшеніе (палатъ), съ цѣлью привести это рѣшеніе въ исполненіе“. Этотъ ультиматумъ не могъ быть переданъ Испаніи, такъ какъ въ самый день утвержденія постановленія палатъ, представитель Испаніи въ Вашингтонѣ, по приказанію своего правительства, потребовалъ свои паспорты и уѣхалъ въ Канаду, а на слѣдующій день, 21 апрѣля, еще до прибытія ультиматума въ Мадридъ, англійскому представителю въ Испаніи была вручена нота съ заявленіемъ, что утвержденіе президентомъ постановленія палатъ о немедленномъ вооруженномъ вмѣшательствѣ на Кубѣ уже въ самомъ себѣ содержитъ объявленіе войны, что отношенія между обоими правительствами порваны и никакихъ сообщеній отъ С.-Штатовъ принято более не будетъ. Американскій посланникъ получилъ паспорты и уѣхалъ въ Парижъ [1]).

---

[1]) Своему правительству онъ сообщилъ, что не успѣлъ передать мадрид-

Военныя дѣйствія немедленно же открылись, еще до истеченія срока ультиматума, который не имѣлъ никакого юридическаго значенія, такъ какъ не былъ переданъ Испаніи. 22 апрѣля американцы захватили нѣсколько испанскихъ торговыхъ судовъ. Въ виду того, что положеніе было юридически довольно неопредѣленное, Макъ-Кинлей, въ посланіи своемъ отъ 25 апрѣля, просилъ конгрессъ выяснить его путемъ формальнаго объявленія войны. Обѣ палаты въ тотъ же день сдѣлали постановленіе, которымъ война не только объявлялась существующей съ момента постановленія, но признавалась существовавшей уже съ 21 апрѣля.

Это ретроактивное постановленіе имѣло значеніе для государственныхъ органовъ Америки, спеціально для судовъ, которымъ необходимо было знать, съ какого момента должно считать состояніе войны наступившимъ [1]). Съ точки зрѣнія международно-правовой это состояніе должно было быть признано наступившимъ или съ первыхъ враждебныхъ дѣйствій (22 апрѣля) или съ момента врученія испанской ноты представителю С. Штатовъ въ Мадридѣ (21 апрѣля).

Послѣдній взглядъ былъ принятъ законодательнымъ собраніемъ. Рѣшающимъ моментомъ былъ признанъ окончательный разрывъ дипломатическихъ сношеній. Это явствуетъ изъ посланія Макъ-Кинлея: Испанія, говорится тамъ, сочла справедливыя требованія Америки за враждебные акты, за которыми послѣдовалъ, по ея собственной инициативѣ, „*полный и немедленный разрывъ*“, „который, *согласно международному праву, всегда сопровождается существованіемъ состоянія войны* между суверенными державами“.

скому правительству ультиматума, такъ какъ самъ получилъ отъ него ноту о разрывѣ сношеній (R. D. I. P. V, 654 note 2).—Интересно отмѣтить, что сношенія съ мѣстными властями Кубы прекратились еще 11 апрѣля, когда генер. консулъ Америки покинулъ островъ, поручивъ охрану своихъ соотечественниковъ консульству англійскому.

[1]) Лефюръ подвергаетъ это постановленіе палатъ критикѣ, исходя изъ международнаго права. Онъ считаетъ, что объявленіе войны обязательно (противнаго мнѣнія будто бы держится только Англія и ея публицисты), и что правительство Соед. Штатовъ именно въ сознаніи этой международно-правовой обязанности своей сочло необходимымъ формально объявить войну.

Англо-бурская война 1899—1900 г.г. [1]). Послѣ неудачнаго набѣга, совершеннаго Джемсономъ въ 1895 г., отношенія между Англіей и Южно-Африканской республикой сдѣлались натянутыми. Съ 1897 г. начинается споръ изъ-за вопроса о зависимости этой республики отъ Англіи (на основаніи договора 1884 г.). Къ этому времени относится и заключеніе оборонительнаго союза между Трансвалемъ и Оранжевою республикою (17 марта 1897 г.). Отношенія принимаютъ болѣе рѣзкій характеръ съ начала 1899 г., когда къ вопросу о зависимости присоединяется другой—о положеніи иностранцевъ (uitlanders), въ особенности объ условіяхъ натурализаціи ихъ въ республикѣ. Съ марта начинаются переговоры. Собравшаяся въ Блумфонтенѣ въ началѣ іюня конференція по этому вопросу разошлась безъ результата. Въ концѣ августа Англіей были отвергнуты предложенія Трансваля и 12 сент. выставлены новыя требованія. Дипломатическая переписка приняла острый характеръ. Обѣ стороны съ нѣкоторыхъ поръ уже готовились къ войнѣ. Наконецъ, 10 октября, Трансваль рѣшился отправить Англіи ультиматумъ изъ 4 пунктовъ съ требованіемъ немедленнаго отвѣта въ положительномъ смыслѣ не позже 5 часовъ слѣдующаго дня. Въ случаѣ неполученія къ сроку удовлетворительнаго отвѣта, правительство Трансваля будетъ обязано считать поведеніе Англіи за формальное объявленіе войны и не можетъ принять на себя отвѣтственность за послѣдствія; „равнымъ образомъ правительство должно будетъ считать формальнымъ объявленіемъ войны", если бы въ указанный срокъ произошли новыя передвиженія войскъ. Ультиматумъ остался безъ отвѣта, и 11 октября начались военныя дѣйствія.

Оранжевая республика, заключившая въ 1897 г. оборонительный союзъ съ Трансвалемъ, осталась ему вѣрна. На предложеніе Англіи (21 сент. 1899 г.) остаться нейтральной она даетъ уклончивый отвѣтъ, позднѣе (27-го) упрекаетъ Англію въ чрезмѣрности ея требованій отъ Трансваля, жа-

[1]) Хроника въ Rev. D. I. P. VII—1900—p. p. 84—172, 276—287. На стр. 84 прим. 3 указана литература вопроса.

луется (въ началѣ октября), что Англія готовится къ войнѣ и это дѣлаетъ переговоры невозможными. Отправивъ свой ультиматумъ, Трансваль обратился съ возваніемъ къ Оранжевой республикѣ. Правительство послѣдней издало, съ своей стороны, воззваніе къ народу для борьбы „съ угнетателемъ и нарушителемъ права" и сейчасъ же приступило къ враждебнымъ дѣйствіямъ, наложивъ арестъ на англійскіе поѣзда, находившіеся въ предѣлахъ Оранжевой республики. Особаго увѣдомленія англійскому правительству, повидимому, отправлено не было.

Итакъ, войнѣ предшествовали: со стороны Трансваля— *ультиматумъ* срокомъ менѣе сутокъ, со стороны Оранжевой республики—*воззваніе (манифестъ) къ народу.*

Событія въ Китаѣ въ 1900 г. [1]) представляютъ вооруженное вмѣшательство иностранныхъ державъ, встрѣченное вооруженнымъ же сопротивленіемъ со стороны мѣстной власти и, слѣдовательно, являются войною со всѣми ея необходимыми признаками, *войною, начатою ex vi mutua.* Время съ 10 іюня по 2 іюля, когда китайское правительство не только не подавляло возстанія, но поддерживало его и оказывало вооруженное сопротивленіе вторгнувшимся въ страну иностраннымъ военнымъ силамъ (походъ адмирала Сеймура съ союзнымъ войскомъ на Пекинъ съ 10 по 26 іюня, занятіе союзнымъ войскомъ Таку послѣ упорнаго боя 16 іюня, осада посольствъ, указы правительства отъ 26 іюня и 2 іюля иностранныхъ государства) было несомнѣнно состояніемъ войны. Съ 3 іюня правительство впервые заявляетъ о своей несолидарности съ боксерскимъ движеніемъ и обращается къ содѣйствію иностранцевъ для подавленія его. Когда 14 іюня взятъ былъ Тьянъ-Дзинъ, отношенія окончательно измѣняются. Съ этихъ поръ война несомнѣнно смѣняется вмѣшательствомъ, на которое имѣется согласіе мѣстнаго правительства. 19 іюня начались переговоры между Китаемъ и союзниками.

Русско-Японская война 1904 г. Благодаря вмѣшательству

---

[1]) Cordier, Hist des relations de la Chine etc., III (Paris 1902) Chap. XXVI, p. 496—554.

Германіи, Россіи и Франціи, Японія въ 1895 г. должна была согласиться на возвращеніе Китаю Манджуріи (съ Ляодунскимъ полуостровомъ), уже уступленной ей, какъ побѣдителю. Въ 1898 г. часть этой территоріи (Портъ-Артуръ и Далянванъ) была отдана на 25 лѣтъ въ „аренду" Россіи. Ранѣе еще Россія получила право провести линію желѣзной дороги черезъ Манджурію, а въ 1900 г., во время боксерскаго возстанія въ Китаѣ, заняла эту область своими войсками. По договору съ Китаемъ, заключенному 26 марта 1902 г., Россія обязывалась, „буде не возникнетъ смутъ и образъ дѣйствій другихъ державъ тому не воспрепятствуетъ, вывести постепенно всѣ свои войска изъ предѣловъ Манджуріи". Срокъ окончательной эвакуаціи назначенъ въ 18 мѣсяцевъ. По поводу эвакуаціи, лѣтомъ 1903 г. заговорила Англія, требовавшая объясненій относительно продолжающагося занятія открытаго европейцамъ Порта Нью-Чжуана. Въ это время выступила съ своими предложеніями и Японія, высказавшая желаніе притти къ соглашенію относительно Кореи. Поводомъ къ пересмотру имѣвшагося договора о Кореѣ (1898 г.) послужили лѣсныя концессіи, полученныя Россіею въ устьяхъ р. Ялу. Нахожденіе тамъ русскаго отряда вызвало у Японіи опасенія, что эта территорія будетъ занята. Въ виду того, что по признанію самой Россіи [1]) занятіе Манджуріи угрожаетъ независимости Кореи, Японія въ переговорахъ желала соединить оба вопроса, Корейскій и Манджурскій. Въ этомъ смыслѣ Японскимъ правительствомъ въ концѣ іюня и были сдѣланы предложенія. Переговоры осложнились образованіемъ какъ разъ въ это время Намѣстничества Дальняго Востока: ст. 3 положенія 31 іюля 1903 г. предоставляла Намѣстнику право дипломатическихъ сношеній съ сосѣдними государствами, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и съ Японіей. Отвѣтъ на Японскія предложенія, въ виду этого, крайне

---

[1]) Вмѣшательство Германіи, Россіи и Франціи въ 1895 г. было мотивировано именно тѣмъ, что обладаніе Японіей Ляодунскимъ полуостровомъ „дѣлало бы призрачнымъ независимость Кореи, было бы вѣчнымъ препятствіемъ продолжительному миру". Японія, уступивъ тогда державамъ, теперь напомнила Россіи объ этомъ заявленіи.

запоздалъ. Онъ былъ полученъ только 3 октября. Россія ставила, между прочимъ, условіемъ признаніе Японіею Манджуріи находящеюся во всѣхъ отношеніяхъ внѣ сферы ея интересовъ. Переговоры продолжались, но становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что къ соглашенію притти будетъ невозможно: уступки дѣлались неохотно и дошли, повидимому, до тѣхъ предѣловъ, дальше коихъ ни одна сторона итти не желала. Въ январѣ 1904 г. переговоры принимаютъ острый характеръ. Въ то же время обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ томъ, что отправляютъ войска въ Корею и къ ея границѣ. 10 янв. Японское правительство желаетъ узнать сущность окончательнаго отвѣта Россіи и день, когда онъ получится. 13 янв. оно снова настоятельно проситъ отвѣта, такъ какъ „всякое новое промедленіе нынѣшняго положенія, по его мнѣнію, усилитъ его серьезность". Узнавъ, что совѣщаніе министровъ состоится 15, Японское правительство просило увѣдомить о результатахъ и приблизительномъ днѣ отвѣта. Японскій посланникъ въ Петербургѣ сообщаетъ: „Я указалъ ему (русскому министру иностр. дѣлъ) на необходимость поспѣшить рѣшеніемъ и на опасность, которая связана со всякимъ замедленіемъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ прекрасно знаетъ существующее положеніе дѣлъ, но что дни докладовъ установлены и невозможно ихъ перемѣнить". Такъ какъ гр. Ламсдорфъ указалъ на 20 число, какъ на день, когда онъ расчитываетъ отправить отвѣтъ, Японское правительство запросило, является ли число 20 января, числомъ точнымъ. Отвѣтъ министра былъ таковъ: „онъ ничего не можетъ обѣщать, ибо теперь необходимо посовѣтоваться съ адмираломъ Алексѣевымъ и согласовать его мнѣніе съ мнѣніемъ министровъ". На этомъ переговоры кончаются, а 23 января Японское правительство заявляетъ нотою, что оно „использовавъ безъ результата всѣ примирительныя средства", „рѣшило порвать съ русскимъ правительствомъ дипломатическія сношенія". Эту ноту посланникъ Японскій передалъ 24 съ сообщеніемъ, что онъ съ составомъ миссіи покидаетъ Петербургъ. По свѣдѣніямъ, проникшимъ въ нашу печать [1]),

[1]) „Письмо въ редакцію" пр.-доц. Пиленко („Новое Время" № 10053 4 марта 1904 г.).

нота заканчивалась словами: „Принявъ это рѣшеніе, Японское правительство оставляетъ за собою право прибѣгнуть, по своему усмотрѣнію, къ такимъ мѣрамъ, какія оно признаетъ необходимыми для укрѣпленія и защиты своего международнаго положенія, равно какъ и охраны своихъ законныхъ интересовъ".

Какъ извѣстно, въ ночь съ 26 на 27 января совершено было внезапное нападеніе на русскій флотъ, стоявшій на рейдѣ въ Портъ-Артурѣ. Почти одновременно были вызваны въ бой два русскихъ военныхъ судна, находившихся въ Корейской гавани, Чемульпо, послѣ того, какъ въ самой этой гавани были высажены японскія войска, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны Кореи, которая, подобно Румыніи въ 1877 г., нарушила тѣмъ самымъ свой нейтралитетъ.

Русско-японская война начата, подобно японско-китайской и многимъ другимъ, *непосредственными военными дѣйствіями* безъ предварительнаго объявленія. Можно, разумѣется, держаться взгляда, высказаннаго оффиціально, президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, взгляда, котораго, держится, повидимому, и Японія [1]), что „*полный и немедленный разрывъ*", дипломатическихъ отношеній, „*согласно международному праву, всегда сопровождается существованіемъ состоянія войны*" [2]).

Англійская экспедиція въ Тибетъ 1904 г. Въ 1890 г. между Англіей и Тибетомъ (вассаломъ Китая) заключенъ былъ договоръ, установившій границы между Тибетомъ и индійскими владѣніями Англіи и урегулировавшій взаимныя торговыя отношенія. Съ 1894 г. начинаются, однако, споры изъ-за исполненія этого договора [3]). Отъ новыхъ переговоровъ тибетцы уклоняются, выставляя разныя причины, препятствующія ихъ уполномоченнымъ выходить изъ Ляссы. Чтобы

---

[1]) Nagao Aviga, La guerre sino-japonaise, p. 17.

[2]) Rev. de Dr. Int. Publ. V—1898—p. 655 note.

[3]) Документы, касающіеся этихъ споровъ (1894—1903 гг.) недавно изданы англійскимъ правительствомъ въ парламентской Синей книгѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя и освѣщенныя односторонне, можно найти въ статьяхъ пр.-доц. Пиленко („Новое Время" № 10136 и слѣд.).

заставить Тибетъ согласиться на переговоры и въ то же время на уступки, Англія, воспользовавшись тѣмъ, что единственная соперница ея въ Средней Азіи, Россія, отвлечена войною съ Японіей, рѣшила отправить въ Тибетъ экспедицію.

Экспедиція на первыхъ порахъ двигалась свободно, не встрѣчая сопротивленія. Оно было, однако, оказано ей въ дальнѣйшемъ пути, и вынудило пріостановить движеніе. Въ виду оказаннаго экспедиціи сопротивленія она превратилась въ войну. Объ этой перемѣнѣ англійское правительство уже и заявило оффиціально.

Переходъ, столь обычный и частый, *отъ репрессалій къ войнѣ безъ предварительнаго ея объявленія*, совершился и въ данномъ случаѣ.

Мы закончили изложеніе событій, среди которыхъ начинались главнѣйшія войны, предпринятыя послѣ 1856 года народами европейской культуры. Собранные здѣсь факты дадутъ намъ достаточный матеріалъ для сужденія о современномъ положеніи того вопроса, которому посвященъ настоящій очеркъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вл. Грабарь.

О ПРОЕКТѢ НОВОЙ НОТАРІАЛЬНОЙ ТАКСЫ.

Недочеты дѣйствующаго нынѣ нотаріальнаго положенія въ связи съ нѣкоторыми недостатками нотаріальной таксы давно уже обратили на себя вниманіе нашей періодической печати. Въ настоящее-же время, когда особымъ совѣщаніемъ при Министерствѣ Юстиціи выработанъ уже проектъ новой таксы и разосланъ на обсужденіе окружныхъ судовъ, при участіи провинціальныхъ нотаріусовъ, вполнѣ своевременнымъ и необходимымъ является ознакомленіе съ тѣми задачами, которыя имѣлись въ виду при выработкѣ новаго порядка вознагражденія нотаріусовъ, а также съ тѣми послѣдствіями, которыхъ можно ожидать при примѣненіи новой таксы на практикѣ.

Устраняются-ли новой таксой тѣ дефекты, которые замѣчались раньше при оплатѣ нотаріальныхъ услугъ по нынѣ дѣйствующей системѣ,—получаетъ-ли при новыхъ условіяхъ порядокъ вознагражденія нотаріусовъ надлежащую устойчивость и однообразіе,—соотвѣтствуютъ-ли повышенныя ставки проектируемой таксы количеству труда нотаріусовъ по тѣмъ, или инымъ сдѣлкамъ, равно какъ и интересамъ населенія, цѣлесообразно-ли, наконецъ, съ точки зрѣнія судебной политики расширеніе компетенціи нотаріусовъ путемъ предоставленія имъ права хожденія по дѣламъ и составленія разнаго рода прошеній,—вотъ вопросы, которые невольно напрашиваются при разсмотрѣніи новой таксы въ связи съ приложен-

ными къ ней объяснительной запиской и журналомъ особаго совѣщанія.

Большинству судебныхъ дѣятелей, вѣроятно, не безъизвѣстно, что старая такса, установленная еще въ 1867 году, не пользовалась особымъ вниманіемъ нотаріусовъ и далеко не всегда служила руководствомъ при оцѣнкѣ ими своихъ услугъ. Дѣйствіе ея значительно ослаблялось, а нерѣдко и совсѣмъ парализовалось, благодаря 208 ст. полож. о нотар. части, которая предоставляетъ нотаріусамъ право взимать плату за свои услуги по добровольному соглашенію съ обратившимися къ нимъ лицами, по особой же таксѣ плата должна взиматься въ тѣхъ только случаяхъ, когда особаго соглашенія не послѣдуетъ.

Напрасно въ печати неоднократно указывалось на то, что эта статья должна быть истолкована лишь въ смыслѣ предоставленія нотаріусамъ права брать пониженное противъ таксы вознагражденіе,—ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., по актамъ высокой цѣнности въ интересахъ нотаріуса гораздо выгоднѣе совершить договоръ за пониженное противъ таксы вознагражденіе, чѣмъ, придерживаясь строго тѣхъ ставокъ, которыя указаны въ таксѣ, поставить кліента въ условія, лишающія его возможности заключить извѣстный договоръ. Въ практикѣ, однако, установилась противуположная точка зрѣнія,—болѣе благопріятная для интересовъ нотаріусовъ. Добровольное соглашеніе сдѣлалось главнымъ и чуть-ли не единственнымъ мѣриломъ вознагражденія нотаріуса, такса-же была совсѣмъ заброшена. Не маловажное значеніе имѣло въ этомъ отношеніи и другое обстоятельство. Старая такса, устанавливая извѣстное вознагражденіе „*за совершеніе*" актовъ, не предусматриваетъ размѣровъ платы „*за составленіе*" актовъ и изготовленіе такъ называемыхъ черновиковъ. Хотя для посторонняго наблюдателя казалось бы яснымъ, что подъ совершеніемъ акта слѣдуетъ разумѣть не только одно занесеніе готоваго проекта въ актовую книгу, но и извѣстное активное участіе нотаріуса при составленіи договора, тѣмъ не менѣе многіе нотаріусы придерживаются иного взгляда по этому вопросу, на что имѣется прямое указаніе въ объясни-

тельной запискѣ къ проекту новой таксы. Путемъ собранія свѣдѣній отъ различныхъ окружныхъ судовъ установлено, что очень часто нотаріусы берутъ за составленіе проекта плату вдвое или втрое противъ того, что слѣдуетъ по таксѣ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ размѣръ означеннаго вознагражденія равняется стоимости совершенія акта (объясн. зап., стр. 5). Приэтомъ слѣдуетъ добавить, что, какъ установлено неоднократными ревизіями и наблюденіями, у нотаріусовъ никакихъ нарядовъ для сохраненія черновиковъ и другихъ доказательствъ ихъ личнаго участія въ составленіи актовъ нигдѣ не ведется и, поэтому, окружные суды въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нимъ доходили жалобы на черезмѣрные поборы нотаріусовъ, лишены были всякой возможности установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тотъ фактъ, дѣйствительно-ли основаніемъ для увеличенія вознагражденія нотаріуса служило личное его участіе въ составленіи проекта, и въ чемъ именно оно выразилось. (См. ст. Подгорѣцкаго: къ пересмотру нотаріальнаго положенія. Журн. Мин. Юст. 1903 г. кн. V).

Всѣ эти условія не замедлили отразиться очень благопріятно на интересахъ нотаріусовъ. Въ столицахъ и большихъ городахъ ежегодный доходъ нотаріусовъ достигъ такихъ крупныхъ размѣровъ, что не говоря уже о членахъ судовъ и судебныхъ палатъ, нѣкоторые предсѣдатели окружныхъ судовъ, получая болѣе 4000 р. жалованія въ годъ, не разъ смѣняли предсѣдательское кресло на скромный пюпитръ нотаріуса. По свидѣтельству г. Подгорѣцкаго (см. вышеуказ. его статью) вознагражденіе нотаріусовъ въ уѣздныхъ городахъ въ среднемъ достигло тѣхъ размѣровъ, какими нынѣ опредѣляется окладъ должности члена суда, должности, служащей для многихъ судебныхъ дѣятелей конечнымъ и желаннымъ пунктомъ ихъ карьеры. Намъ лично во многихъ уѣздныхъ городахъ юго-западнаго края приходилось встрѣчать не мало нотаріусовъ, которые на вопросъ о количествѣ получаемаго ими ежегодно вознагражденія весьма недвусмысленно указывали, что „жалованіе ихъ—сенаторское“, т. е. равняется 7000 руб. И это при значительной дешевизнѣ провинціальной жизни. Случаи-же, когда доходъ нотаріусовъ

въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ находятся окружные суды, достигаетъ ежегодно до 10.000 р., далеко не рѣдкость.

Справедливость требуетъ, однако, указанія и на то, что среди пирующихъ, какъ это всегда бываетъ, нашлись и обдѣленные. Это нотаріусы маленькихъ провинціальныхъ городовъ и мѣстечекъ,—дѣятели глухихъ медвѣжьихъ угловъ, какихъ не мало даже въ центральной Россіи. Тутъ при бѣдности и малочисленности населенія, при крайне ограниченномъ количествѣ сдѣлокъ, приходилось дорожить всякимъ актомъ. Мы встрѣчали, напр., такихъ нотаріусовъ, у которыхъ ежегодное число крѣпостныхъ актовъ не превышало 8 или десяти въ годъ. Здѣсь немыслимо было уже взимать разные дополнительные сборы въ видѣ вознагражденія за составленіе акта и пр., или устанавливать размѣръ платы по добровольному соглашенію. Здѣсь приходилось довольствоваться только таксовымъ вознагражденіемъ, а нерѣдко и уменьшать даже этотъ скромный размѣръ платы. При такихъ условіяхъ годовое вознагражденіе нотаріусовъ не всегда достигаетъ и тысячи рублей; и вакансіи нотаріусовъ въ такихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ по штатамъ положено по два нотаріуса, остаются незанятыми десятки лѣтъ. Однако, эти незначительныя исключенія не могутъ нарушить фона общей картины и должность нотаріуса, повторяемъ, сдѣлалась очень заманчивой не только для постороннихъ лицъ, но и для престарѣлыхъ дѣятелей въ средѣ судебной магистратуры, особенно въ крупныхъ центрахъ и губернскихъ городахъ.

При такихъ условіяхъ были извѣстныя основанія ожидать полной реорганизаціи нотаріальнаго института въ смыслѣ замѣщенія должностей нотаріусовъ или опытными судебными дѣятелями, или по крайней мѣрѣ людьми съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ. И если этого не случилось, если дѣло ограничилось лишь единичными случаями замѣщенія нотаріальныхъ должностей такими лицами, то только потому, что условія оплаты услугъ нотаріусовъ были крайне ненормальны, а подъ часъ даже неудобны въ этическомъ отношеніи. Вмѣсто опредѣленныхъ размѣровъ вознагражденія здѣсь и теперь царитъ еще произволъ, или, выражаясь мягче, лич-

ное усмотрѣніе нотаріуса, ограничиваемое путемъ взаимнаго соглашенія; среди нотаріусовъ не только нѣтъ никакой солидарности, но наоборотъ—замѣчается часто нежелательная конкуренція на почвѣ пріобрѣтенія кліентуры; благодаря этой конкуренціи, благодаря установленію платы путемъ запрашиваній и уступокъ нотаріальныя конторы пріобрѣли характеръ торговыхъ заведеній съ бьющими въ глаза вывѣсками, съ заманчивыми аншлагами на перекресткахъ и пр. Сходство это усиливается еще и тѣмъ, что многіе нотаріусы большихъ городовъ снимаютъ для своихъ конторъ магазинныя помѣщенія въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно побывать въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ. Званіе нотаріуса стало синонимомъ маклера, дѣльца, посредника, комиссіонера, фактора,—словомъ, чего хотите, но никакъ не судебнаго дѣятеля. Неудивительно, что такой родъ службы показался малопривлекательнымъ для многихъ судебныхъ дѣятелей и нотаріальная дѣятельность сдѣлалась достояніемъ по преимуществу людей ловкихъ, умѣющихъ быстро завязывать солидныя знакомства,—и обладающими въ извѣстной степени этической эластичностью. Отсутствіе въ этой средѣ не только опытныхъ юристовъ, но часто даже людей съ среднимъ образованіемъ, понизило образовательный уровень нотаріусовъ до минимума; солидное знакомство съ законами было оставлено въ распоряженіи нотаріальныхъ писцовъ, сами-же нотаріусы занялись главнымъ образомъ изысканіемъ средствъ для расширенія своей кліентуры. Вслѣдствіе этого дѣятельность нотаріусовъ приняла крайне хаотическій и неустойчивый характеръ; незнакомство съ основными законоположеніями нашего гражданскаго кодекса съ особенной силой сказалось въ глухой провинціи, т. е. тамъ, гдѣ особенно сильно чувствовалась нужда въ юридической помощи. Что возможно теперь сдѣлать въ Москвѣ, то оказывается недозволеннымъ гдѣ нибудь въ Пензѣ или Вологдѣ; что дороже въ Казани, то обходится дешевле въ Рязани; чего не хочетъ уступить X, на то съ удовольствіемъ согласится У.

Наряду съ этимъ засуетились и разные коммерсанты, а

вмѣстѣ съ ними и провинціальные обыватели. Когда нужно „обдѣлать дѣльцо", совершить какой-нибудь договоръ,— прежде всего собираются справки о томъ, гдѣ это обойдется дешевле. Простой мужикъ, какъ это неоднократно приходится наблюдать, попавъ въ большой городъ для совершенія какой нибудь купчей,—устраиваетъ по нотаріальнымъ конторамъ цѣлое паломничество, прицѣниваясь къ суммѣ требуемаго вознагражденія, торгуясь, прося уступокъ и проч.

Къ довершенію благосостоянія столичныхъ и губернскихъ нотаріусовъ въ ихъ рукахъ сосредоточилось также, за немногими исключеніями,—и ходатайство объ утвержденіи актовъ, дающее иногда довольно солидный доходъ. Что вся нарисованная здѣсь немногими штрихами картина не является результатомъ преувеличеннаго обобщенія единичныхъ фактовъ, въ этомъ можно убѣдиться, взявъ въ руки журналъ засѣданій, на которыхъ происходило обсужденіе новой таксы, равно какъ и объяснительную записку къ проекту новаго нотаріальнаго положенія.

Какъ на причину для повышенія платы нотаріусамъ, здѣсь, рядомъ съ общимъ вздорожаніемъ жизни, указывается еще и на необходимость привлеченія на должность нотаріусовъ „лучшихъ людей",—людей съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, а послѣдствіемъ увеличенія таксы, по мнѣнію особаго совѣщанія, должно быть замѣщеніе тѣхъ нотаріальныхъ вакансій, которыя, въ виду скудности ожидаемыхъ доходовъ, остаются свободными десятки лѣтъ;—такое замѣщеніе должно въ свою очередь имѣть извѣстное значеніе въ смыслѣ „приближенія юридической помощи къ населенію".

Особое совѣщаніе не оставило безъ вниманія также и то обстоятельство, что установленіе вознагражденія по взаимному соглашенію между нотаріусомъ и обращающимися къ нему лицами является однимъ изъ главныхъ дефектовъ нынѣ дѣйствующей системы. Поэтому при разработкѣ новой таксы имѣлось въ виду устранить возможность взиманія вознагражденія сверхъ таксы за всѣ тѣ дѣйствія нотаріусовъ, которыя по проекту являются обязательными (См. Журн. Совѣщ. № 8, стр. 2).

Если бы это начало было проведено съ надлежащей послѣдовательностью, то даже и при увеличеніи вознагражденія нотаріусамъ, которое должно быть произведено исключительно за счетъ лицъ, совершающихъ тѣ или иныя сдѣлки,— все таки новой таксой было бы достигнуто извѣстное однообразіе при оцѣнкѣ нотаріальныхъ услугъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ дѣятельности нотаріусовъ устранились бы всѣ тѣ нежелательные элементы, благодаря которымъ совершеніе нотаріальныхъ договоровъ приняло характеръ торговой сдѣлки. Но, къ сожалѣнію, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности совѣщаніе должно было измѣнить этому началу, допустивъ свободное соглашеніе при опредѣленіи вознагражденія за составленіе проектовъ нотаріальныхъ договоровъ (за исключеніемъ данныхъ и крѣпостныхъ свидѣтельствъ).

На основаніи 1-й статьи новой таксы за совершеніе нотаріальныхъ договоровъ установлена общая ставка въ три рубля (по старой таксѣ отъ 2-хъ до 4 руб.) и сверхъ сего за акты цѣною не свыше 2000 руб. еще $^1/_5$ процента (по 20 коп. съ 100 руб.) съ цѣны акта, а за акты свыше этой суммы—съ первыхъ 2000 руб.—$^1/_5$ процента, а съ остальной суммы $^1/_{10}$ процента (по 10 коп. съ каждыхъ ста рублей).

Въ такомъ же размѣрѣ, на основаніи означенной статьи, подлежитъ оплатѣ составленіе проекта акта, *если при этомъ не послѣдуетъ особаго соглашенія.*

Изъ объяснительной записки къ проекту нотаріальнаго положенія (прил. V къ ст. 275 § 1) мы видимъ, что основаніемъ для такого отступленія послужило то соображеніе, что дѣйствія нотаріусовъ по совершенію актовъ представляются столь разнообразными и акты являются съ такими различными оттѣнками и свойствами, что опредѣленіе платы въ одной нормѣ являлось бы во многихъ случаяхъ несправедливостью по отношенію къ нотаріусу (см. стр. 2). Такія соображенія врядъ ли, однако, могутъ быть раздѣлены лицами, близко знакомыми съ дѣятельностью нотаріусовъ. На основаніи продолжительныхъ наблюденій надъ дѣлопроизводствомъ нотаріусовъ мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что составленіе проектовъ актовъ и изготовленіе такъ называемыхъ

черновиковъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не требуютъ отъ нотаріусовъ ни времени, ни труда. Въ приложеніяхъ къ десятому тому есть готовыя формы купчихъ, закладныхъ, рядныхъ записей, раздѣльныхъ актовъ и прочихъ договоровъ, и въ эти формы съ удобствомъ укладываются тѣ правоотношенія сторонъ, которыя предстоитъ изложить въ видѣ акта. Всей работой по составленію черновиковъ обыкновенно завѣдуютъ писцы, а еще чаще и эти послѣдніе не составляютъ черновиковъ, а на основаніи указанныхъ сторонами цифровыхъ данныхъ пишутъ актъ прямо набѣло. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ и то обстоятельство, отмѣченное въ ревизіонныхъ отчетахъ, что у нотаріусовъ никакихъ черновиковъ никогда не сохраняется и,—прибавимъ отъ себя,—потому,—что ихъ никогда не пишутъ.

Правда, нерѣдко стороны добиваются уснащенія актовъ разными побочными договорами и обязательствами, но такія требованія, имѣя цѣлью смѣшеніе въ одномъ актѣ различныхъ договоровъ, по закону не допустимы, и, поэтому, здѣсь нотаріусу нечего и дѣлать. Наконецъ, простѣйшая форма договора, не обусловленная сомнительными добавленіями, является удобной какъ для сторонъ въ виду ея опредѣленности и ясности, такъ и для суда, въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, когда договоръ кладется въ основаніе иска.

Такимъ образомъ, къ услугамъ нотаріусовъ остаются тѣ же формы и образцы, заполненіе которыхъ текстомъ не представляетъ ровно никакого труда.

Вслѣдствіе изложеннаго, намъ думается, скорѣе умѣстно было бы признать трудъ нотаріусовъ по составленію актовъ не подлежащимъ особой оплатѣ въ виду того, что въ новой таксѣ повышено вознагражденіе за такъ называемое совершеніе актовъ;—если же совѣщаніе признало необходимымъ установить особую плату за составленіе проекта въ размѣрахъ одинаковыхъ со стоимостью совершенія актовъ, то слѣдовало бы остановиться на этомъ безъ предоставлевія нотаріусамъ права взимать плату еще по особому соглашенію. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ уже то вознагражденіе, которое установлено въ таксѣ, является болѣе чѣмъ достаточнымъ за тотъ

ничтожный трудъ, который несутъ нотаріусы, или вѣрнѣе— ихъ писцы по составленію актовъ. Правда, могутъ быть рѣдкія исключенія, когда составленіе какого нибудь раздѣльнаго акта между многими сонаслѣдниками, или товарищескаго договора требуетъ особаго вниманія. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что почти всѣ нотаріусы раздѣлятъ наше убѣжденіе, основанное на долгихъ наблюденіяхъ, что такіе договоры всегда являются и наиболѣе цѣнными по своей суммѣ. Трудно допустить, чтобы могъ представлять особенныя трудности раздѣлъ двумя-тремя малоцѣнными усадьбами, или договоръ о наймѣ дома. Если при выработкѣ новой таксы нашлось не мало голосовъ, утверждавшихъ, что трудъ нотаріуса одинаковъ при актѣ какъ большой, такъ и малой цѣнности,—если такимъ образомъ отрицались всякія основанія къ повышенію даже таксоваго вознагражденія по актамъ крупнымъ, то, намъ думается, сохраненіе этихъ повышенныхъ ставокъ уже является достаточнымъ эквивалентомъ труда нотаріусовъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда нотаріусу придется самому заняться составленіемъ проекта, а не поручить это своей канцеляріи. Такимъ образомъ, и въ этихъ случаяхъ предоставленіе права взимать плату сверхъ таксы по особому соглашенію не можетъ быть ничѣмъ оправдано.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь оправдать предоставленіе нотаріусамъ права устанавливать плату по своему усмотрѣнію, совѣщаніе руководилось однимъ довольно оригинальнымъ аргументомъ объяснительной записки: интересы плательщиковъ не могутъ быть игнорируемы при составленіи таксы;—поэтому принципъ вознагражденія соотвѣтственно количеству труда не можетъ быть признанъ имѣющимъ рѣшающее значеніе въ виду того, что участвующимъ въ актѣ большой стоимости доступна значительная за актъ плата,—установленіе же той же платы для актовъ малоцѣнныхъ могло бы быть обременительнымъ (стр. 3).

Такимъ образомъ, нотаріусамъ открывается широкое поле для изслѣдованія платежеспособности своихъ кліентовъ. Плата должна соразмѣряться не съ трудомъ нотаріуса, а съ карманомъ кліента: у кого мошна туго набита, съ того надо и брать больше.

Однако, въ наше время даже торговцамъ и ремесленникамъ воспрещается придерживаться такихъ правилъ. Во всякомъ магазинѣ, правильно поставленномъ, цѣна товаровъ и иныхъ издѣлій опредѣляется по ихъ достоинствамъ, но ничуть не сообразно съ тѣмъ, какими средствами обладаетъ покупатель,—и если вы, читатель, узнаете, что у купца N съ васъ сегодня за какой нибудь кусокъ матеріи взяли вдвое дороже, чѣмъ съ вашего лакея, то вы навѣрное въ другой разъ въ этотъ магазинъ не загляните.

Поэтому примѣнять такія правила при оцѣнкѣ труда нотаріусовъ по меньшей мѣрѣ неудобно.

Мы смѣемъ утверждать, что само совѣщаніе сознавало неумѣстность такой точки зрѣнія. Допуская право установленія платы для нотаріусовъ за составленіе проектовъ путемъ добровольнаго соглашенія, совѣщаніе признаетъ, однако, необходимымъ сдѣлать исключеніе изъ этого правила для участковыхъ судей, которые должны быть вознаграждаемы только по таксѣ (журн. засѣд. № 8, стр. 2).

Тутъ, очевидно, совѣщаніе имѣло въ виду то соображеніе, что установленіе платы путемъ запросовъ и уступокъ не можетъ не отразиться неблагопріятно на престижѣ судей, какъ должностныхъ лицъ, не можетъ не поставить ихъ въ щекотливое положеніе передъ публикой. Здѣсь коммисія не затруднилась принести въ жертву интересы матеріальные интересамъ моральнымъ. Неужели же нотаріусы заслуживаютъ меньшаго къ себѣ вниманія,—неужели въ погонѣ за увеличеніемъ ихъ благосостоянія можно свободно игнорировать все то, что такъ или иначе шокируетъ ихъ. Вѣдь они также должностныя лица—и придавать ихъ дѣятельности характеръ торговой сдѣлки по меньшей мѣрѣ рискованно.

Въ виду изложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что допущеніе оцѣнки труда нотаріусовъ по составленію актовъ на основаніи личнаго соглашенія не можетъ быть оправдано какими-либо соображеніями. Такая произвольная оцѣнка нотаріусами своихъ услугъ не можетъ быть поставлена въ соотвѣтствіе съ необходимымъ для составленія актовъ количествомъ труда и времени; она повлечетъ за собою тѣ же

дефекты относительно порядка оплаты вознагражденія, какіе замѣчаются и нынѣ; она должна отразиться неблагопріятно на авторитетѣ нотаріусовъ въ глазахъ публики;—наконецъ, являясь источникомъ крупнаго налога для населенія,—она поддержитъ интересы только нотаріусовъ, практикующихъ въ большихъ городахъ, т. е. того класса, который и теперь достаточно обезпеченъ,—тамъ же, гдѣ сдѣлокъ мало, т. е. въ глухой провинціи,—эта мѣра не принесетъ существенной пользы.

Въ 4 статьѣ таксы мы также находимъ дозволеніе нотаріусамъ взимать плату сверхъ таксы по добровольному соглашенію за совершеніе и засвидѣтельствованіе явки особенно сложныхъ договоровъ и обязательствъ, цѣна коихъ не опредѣлена.

Хотя въ такихъ случаяхъ нотаріусъ каждый разъ обязанъ доводить объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдателя суда, однако, думается намъ,—эта мѣра не можетъ принести существенной пользы въ смыслѣ урегулированія платы нотаріусамъ. Предсѣдатель суда будетъ получать свѣдѣнія уже post factum, когда гонораръ уплаченъ, и когда вознаградить кліента, потерпѣвшаго ущербъ изъ-за непомѣрно высокой платы, взятой нотаріусомъ, представляется почти невозможнымъ. На обсужденіе предсѣдателя будутъ представлены свѣдѣнія въ томъ освѣщеніи, какое желательно нотаріусу. Трудно допустить, чтобы предсѣдатели, занятые массой прямыхъ обязанностей, да къ тому же чаще всего криминалисты,—могли удѣлять время для подробнаго ознакомленія съ нотаріальными сдѣлками и были достаточно компетентны при выясненіи вопроса о сложности договоровъ. Не правильнѣе ли предположить, что это правило превратится въ простую формальность. Наконецъ, трудно провести грань, отдѣляющую простую сдѣлку отъ сложной. Что для опытнаго юриста кажется простымъ и яснымъ, то для профана есть „предметъ глубокаго размышленія", найдутся вѣроятно и такіе нотаріусы, которые признаютъ болѣе выгодною роль профановъ,—т. е. будутъ преувеличивать значеніе всякой явки и усматривать сложность и трудность тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

На основаніи 147 ст. нотар. полож. и согласно Сенатскимъ рѣшеніямъ,—при засвидѣтельствованіи явки договоровъ обязанности нотаріусовъ сводятся лишь къ удостовѣренію въ правоспособности сторонъ и въ соотвѣтствіи акта намѣреніямъ договаривающихся и требованіямъ закона, послѣ чего дѣлается на актѣ надпись, а въ нотаріальномъ реестрѣ отмѣтка о явкѣ. Такимъ образомъ, самъ нотаріусъ никакого труда по составленію акта не несетъ; все дѣло ограничивается прочтеніемъ акта и учиненіемъ надписи. Все это, даже при явкѣ самыхъ сложныхъ актовъ, можетъ отнять у нотаріуса лишь нѣсколько минутъ времени,—и во всякомъ случаѣ меньше того времени, которое потребуется для переговоровъ о вознагражденіи и о пониженіи его путемъ взаимныхъ уступокъ. Ужъ не этотъ ли трудъ имѣли въ виду составители проекта, увеличивая плату за явку актовъ?

Если принять во вниманіе, что въ новой таксѣ плата за явку такихъ актовъ уже повышена до 4-хъ рублей, то нельзя не признать, что эта сумма вознагражденія болѣе чѣмъ достаточна даже при явкѣ сложныхъ договоровъ и поэтому нѣтъ никакихъ основаній предоставлять нотаріусамъ право взимать еще вознагражденіе сверхъ таксы.

Такая мѣра на руку только нотаріусамъ крупныхъ центровъ, гдѣ при массѣ разныхъ сдѣлокъ будетъ больше поводовъ требовать плату сверхъ таксы.

Мы, однако, рѣшительно стоимъ за то, чтобы указаніе на право взиманія платы по соглашенію было совсѣмъ исключено изъ 4-й статьи проекта. Путемъ такого исключенія изъ новой таксы устранился бы еще одинъ поводъ для произвольнаго установленія платы нотаріусамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указанныя въ этой таксѣ ставки получили бы значеніе обязательнаго правила, исключающаго всякую возможность повышенія вознагражденія. За засвидѣтельствованіе времени предъявленія документа по прежней таксѣ полагается вознагражденіе въ 25 коп.;—новая такса увеличиваетъ его до 50 коп. и сверхъ сего устанавливаетъ особое вознагражденіе въ размѣрѣ одного рубля въ тѣхъ случаяхъ, когда при предъявленіи документа удостовѣряется самоличность предъявителя (ст. 8).

Такое же вознагражденіе въ одинъ рубль установлено за засвидѣтельствованіе самоличности съ выдачею въ томъ удостовѣренія (ст. 10).

Какъ видно изъ объяснительной записки, поводомъ къ установленію особаго вознагражденія за удостовѣреніе самоличности послужило то соображеніе, что такое удостовѣреніе является плюсомъ, не входящимъ въ составъ обыкновеннаго засвидѣтельствованія и, отнимая отъ нотаріуса гораздо больше времени и труда, должно подлежать особой оплатѣ (объясн. зап., стр. 18 и 19). Всякій, кому приходилось близко соприкасаться съ нотаріальной дѣятельностью, не могъ не замѣтить, что порядокъ удостовѣренія самоличности и правоспособности является въ настоящее время далеко не удовлетворительнымъ. На это неоднократно указывалось и въ нашей періодической печати, объ этомъ свидѣтельствуютъ также и ревизіонные отчеты. Самоличность неизвѣстныхъ нотаріусу лицъ удостовѣряется по большей части одними и тѣми же свидѣтелями, которые состоятъ при каждой нотаріальной конторѣ и извлекаютъ изъ этого средства къ существованію. Лишнее, конечно, говорить о томъ, что такіе свидѣтели могутъ удостовѣрить самоличность кого угодно,—даже такого лица, котораго они никогда и не видали. Въ такихъ случаяхъ нотаріусъ не только не несетъ какого-либо труда при засвидѣтельствованіи самоличности, но даже не подвергается никакой отвѣтственности на случай могущей произойти ошибки; вся отвѣтственность здѣсь падаетъ на свидѣтелей. Помимо свидѣтелей при удостовѣреніи самоличности нотаріусъ можетъ сослаться на то, что обратившіяся къ нему лица лично ему извѣстны, но и въ этихъ случаяхъ также не можетъ быть рѣчи объ осложненіи дѣятельности нотаріуса какими либо дополнительными дѣйствіями. Остаются случаи, когда нотаріусъ удостовѣряется въ самоличности на основаніи представленныхъ документовъ, чаще всего паспортовъ, на бѣглый просмотръ коихъ достаточно нѣсколькихъ минутъ времени.

При означенныхъ условіяхъ установленіе особой платы за удостовѣреніе самоличности не можетъ быть признано справедливымъ, такъ какъ трудъ нотаріуса здѣсь можно было

бы признать ничтожнымъ, если бы онъ чаще всего не сводился къ нулю.

Иначе пришлось бы подвергать особой оцѣнкѣ по таксѣ каждую лишнюю строку въ засвидѣтельствованіи, каждый просмотрѣнный нотаріусомъ документъ, каждое его распоряженіе. Довольно уже для лицъ, имѣющихъ дѣло съ нотаріусомъ, и тѣхъ расходовъ, которые они несутъ на уплату вознагражденія свидѣтелямъ и гонорара нотаріусу за засвидѣтельствованіе документовъ, чтобы признать излишней еще и плату за удостовѣреніе самоличности. Если бы процессъ такихъ засвидѣтельствованій былъ реорганизованъ въ смыслѣ полнаго устраненія свидѣтелей и осложненія обязанностей нотаріусовъ, тогда еще можно было бы толковать о повышеніи вознагражденія, при нынѣшнихъ же условіяхъ такой налогъ нельзя не признать чрезмѣрнымъ и обременительнымъ для частныхъ лицъ.

Независимо отъ всего изложеннаго въ новой таксѣ можно усмотрѣть значительное увеличеніе вознагражденія по всѣмъ остальнымъ сдѣлкамъ. За протестъ векселя прежняя ставка отъ 50 коп. до одного рубля повышена до 1 р. 50 коп., сверхъ процентной платы (по 10 коп. съ 100 руб.) съ суммы акта (см. ст. 2[1]). Предъявленіе векселя и полученіе платежа безъ протеста подлежитъ оплатѣ въ половинномъ размѣрѣ,—по старой же таксѣ никакого вознагражденія за это не установлено (см. ст. 2[1]). За явку актовъ вознагражденіе опредѣлено въ два рубля съ добавленіемъ $^1/_5$ процента съ суммы акта не свыше 2000 руб. и $^1/_{10}$ процента съ остальной суммы (въ прежней таксѣ отъ 1 до 2 руб. съ добавленіемъ $^1/_{10}$ процента) (см. ст. 3). Повышено вознагражденіе за засвидѣтельствованіе подлинности подписей и вѣрности копій;—въ первомъ случаѣ съ 10 коп. до 25 коп., а при учиненіи подписи за неграмотнаго—до 50 коп. (ст. 6), а во второмъ случаѣ—съ 25 коп. до 50 коп. (см. ст. 5). Вновь установлено вознагражденіе за изготовленіе переводовъ актовъ и документовъ съ иностранныхъ языковъ и за засвидѣтельствованіе предъявленія художественныхъ произведеній и другихъ движимыхъ вещей (ст. 14 и 15).

Принятіе денегъ и цѣнныхъ бумагъ для передачи по принадлежности обложено новымъ сборомъ въ размѣрѣ 10 коп. съ каждыхъ 100 руб. (ст. 18). Вновь установлена плата за взиманіе и храненіе сбора по мѣсту совершенія актовъ въ размѣрѣ пяти процентовъ съ суммы сбора (ст. 27), равно какъ и за доставленіе на домъ реестровъ для учиненія въ нихъ росписокъ въ полученіи выписей или копій (въ разм. 75 коп., см. ст. 22).

Наряду съ этимъ увеличена плата нотаріусамъ за совершеніе актовъ и другихъ дѣйствій внѣ конторы и за чертой города; возвышено также и вознагражденіе за внесеніе въ актовую книгу разныхъ бумагъ и документовъ и за выдачу вторичныхъ и послѣдующихъ выписей (ст. 16 и 21).

Надо отдать полную справедливость особому совѣщанію: оно съ замѣчательнымъ умѣньемъ и находчивостью утилизировало всѣ тѣ пункты въ дѣятельности нотаріусовъ, которыми можно было воспользоваться какъ средствомъ для извлеченія нотаріусамъ новыхъ доходовъ;—оно не ограничилось возложеніемъ бремени новыхъ налоговъ на частныхъ только лицъ;—нѣтъ,—до нѣкоторой степени и общественныя учрежденія привлечены къ отбыванію этой повинности путемъ уплаты пяти процентовъ изъ удерживаемыхъ нотаріусами въ пользу городовъ суммъ.

Мы не станемъ, однако, утомлять вниманіе читателя подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ измѣненій, сдѣланныхъ въ новой таксѣ съ цѣлью увеличенія нотаріальныхъ доходовъ. Укажемъ только на то, что ссылка коммисіи на вздорожаніе жизни, какъ на одно изъ условій для увеличенія таксы, является не вполнѣ убѣдительной.

Вѣдь всякому извѣстно, что одновременно съ вздорожаніемъ жизни усилились и торговыя сношенія между коммерческими классами населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и количество сдѣлокъ и договоровъ. Благодаря усиленному росту нашей промышленности ежегодно возникаетъ масса новыхъ предпріятій, а это также не могло не отразиться благопріятно на матерьяльныхъ интересахъ нотаріусовъ. Прибавьте къ этому еще и замѣчаемую въ послѣднее время уси-

ленную мобилизацію земельной собственности и вы придете къ полному убѣжденію, что всѣ эти факты не только наверстали недочеты, вызванные вздорожаніемъ жизни, но еще послужили основаніемъ къ увеличенію благосостоянія нотаріусовъ.

Правда, означенныя явленія съ наибольшей силой сказались тамъ, гдѣ пульсъ экономической жизни бьется быстрѣе, т. е. въ большихъ торговыхъ центрахъ, въ глухой же провинціи экономическій ростъ обнаружился слабѣе,—однако, тамъ не было замѣтно и рѣзкаго повышенія цѣнъ на жизненные продукты.

Тѣмъ не менѣе надежды на то, что путемъ увеличенія таксы можетъ быть достигнуто замѣщеніе незанятыхъ вакансій нотаріусовъ и приближеніе юридической помощи къ населенію на нашъ взглядъ являются очень преувеличенными. Если населеніе въ нѣкоторыхъ глухихъ пунктахъ не могло обезпечить хотя бы скромнаго заработка нотаріусу при теперешней пониженной таксѣ, то мудрено, чтобы эта цѣль была достигнута тогда, когда нотаріальныя услуги будутъ стоить дороже. Не правильнѣе ли предположить, что беднѣйшая часть населенія, т. е. та, которая наиболѣе нуждается въ юридической помощи, будетъ избѣгать нотаріальной помощи въ виду непомѣрно высокой платы. И, такимъ образомъ, та мѣра, которая принесетъ несомнѣнную пользу для нашихъ нотаріальныхъ „королей“, повлечетъ за собою совершенно обратные результаты для нотаріальныхъ „плебеевъ“.

Обзоръ тѣхъ измѣненій, которыя сдѣланы въ новой таксѣ, былъ бы однако не полонъ, если бы мы не остановились еще на одномъ очень важномъ нововведеніи, допущенномъ коммисіей съ цѣлью изысканія новыхъ источниковъ для нотаріальныхъ доходовъ.

Въ журналѣ особаго совѣщанія указано, что нотаріусамъ предполагается предоставить право „составлять по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ и за своей подписью прошенія и другія бумаги, подлежащія подачѣ въ судебныя или иныя правительственныя мѣста, а также принимать на себя ходатайство въ судебныхъ мѣстахъ по тѣмъ изъ охранительныхъ дѣлъ, которыя обусловливаются совершаемыми ими актами,

равно какъ и по дѣламъ, веденіе коихъ предоставлено всякому, не принадлежащему къ числу присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ“ (ст. 37 (36) проекта; журн. совѣщ. № 8, стр. 5).

Въ проектѣ не указывается, имѣется-ли въ послѣднемъ случаѣ въ виду предоставленіе права ходатайства и по дѣламъ уголовнымъ, или-же подразумѣваются только дѣла гражданскія. Въ какомъ бы смыслѣ ни понимать предстоящую нотаріусамъ новую сферу дѣятельности, нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что одновременное совмѣщеніе въ лицѣ нотаріуса адвокатскихъ обязанностей и нотаріальныхъ должно повлечь за собою крайне плачевныя послѣдствія. Можно предположить, что нѣкоторые нотаріусы дѣйствительно сумѣютъ извлекать изъ хожденія по дѣламъ въ судахъ извѣстный доходъ, однако, трудно допустить, чтобы такая дѣятельность не повредила правильному выполненію нотаріальныхъ функцій. Тутъ мы будемъ видѣть что нибудь одно: или адвоката или нотаріуса. Можно-ли при такихъ условіяхъ требовать отъ нотаріуса безотлучнаго нахожденія въ своей конторѣ въ извѣстные служебные часы, когда въ то-же самое время онъ обязанъ посѣщать судебныя засѣданія для защиты интересовъ своихъ кліентовъ? Расчитывать на эту мѣру, какъ на средство доставить бѣднѣйшему классу населенія дешевую юридическую помощь, также нельзя, ибо наши провинціальные нотаріусы не обладаютъ достаточной подготовкой для этого. Можно ли надѣяться на солидную помощь ихъ при веденіи судебныхъ дѣлъ, когда часто даже при выполненіи нотаріальныхъ обязанностей обнаруживается слабое знакомство съ основными законоположеніями нашего гражданскаго кодекса.

Однако, повидимому, само совѣщаніе признало опасность такого широкаго предоставленія нотаріусамъ права хожденія по дѣламъ и ограничилось лишь включеніемъ въ таксу слѣдующей статьи:—„плата нотаріусамъ за составленіе прошеній и другихъ бумагъ, подаваемыхъ въ судебныя и правительственныя мѣста, опредѣляется по соглашенію съ лицами, для которыхъ сіи бумаги составляются“ (ст. 28).

Если видѣть въ этомъ правѣ составленія прошеній только

средство для извлеченія новыхъ доходовъ,—тогда можно было бы пойти и дальше и предоставить нотаріусамъ, напр., право участія въ конкурсныхъ правленіяхъ, право консультаціи въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ и проч. Однако, нельзя же оставлять безъ вниманія и интересы частныхъ лицъ, на счетъ которыхъ должно быть произведено увеличеніе благосостоянія нотаріусовъ; нельзя забывать стариннаго римскаго правила: do ut des; нельзя, поэтому, обойти молчаніемъ и вопросъ о томъ, какого качества будутъ въ такихъ случаяхъ нотаріальныя услуги.

Да простятъ намъ гг. нотаріусы,—что мы думаемъ, что помощь эта будетъ не высокаго качества.

Составленіе исковыхъ прошеній и другихъ состязательныхъ бумагъ требуетъ большой опытности и солидныхъ познаній въ области гражданскаго процесса.

Нерѣдко неправильная редакція какого нибудь исковаго прошенія или объясненія служитъ хорошимъ орудіемъ въ рукахъ противника для опроверженія иска.

Для полученія званія присяжнаго повѣреннаго требуется, кромѣ высшаго образованія, еще и прохожденіе извѣстнаго стажа;—для занятій частной адвокатурой также необходимо выдержаніе экзамена по предметамъ гражданскаго и уголовнаго права и обоихъ процессовъ;—даже подпольные ходатаи,—эти паріи нашей адвокатуры,—и тѣ пріобрѣтаютъ извѣстную опытность путемъ усиленнаго посѣщенія засѣданій въ окружныхъ судахъ, у мировыхъ и городскихъ судей.

Что же могутъ дать нотаріусы? Разсѣютъ ли они мглу юридическаго невѣжества среди нашего темнаго крестьянскаго люда? Предъявляемыя нынѣ требованія для занятія должности нотаріуса ограничиваются лишь „умѣньемъ правильно излагать акты, а также знаніемъ формъ нотаріальнаго дѣлопроизводства“ (см. ст. 15 полож. о нот. ч.). При такихъ условіяхъ расчитывать на опытность нотаріусовъ при изготовленіи прошеній и другихъ бумагъ, подаваемыхъ въ судебныя и правительственныя учрежденія, не имѣется ровно никакихъ основаній. Многіе ли изъ нашихъ даже опытныхъ судебныхъ дѣятелей похвалятся знаніемъ административныхъ порядковъ;

многіе ли имѣютъ точное представленіе о срокахъ, обжалованіи и другихъ условіяхъ дѣлопроизводства въ волостныхъ судахъ и у земскихъ начальниковъ? Было бы, поэтому, большой смѣлостью утверждать, что нотаріусы въ этой сферѣ окажутся болѣе знающими, да еще въ то время, когда на нихъ лежитъ выполненіе нотаріальныхъ функцій.

Мы думаемъ иначе: санкціонированное законодателемъ право нотаріусовъ составлять разныя прошенія создастъ, съ одной стороны, въ крестьянской массѣ преувеличенное представленіе о значеніи составляемыхъ нотаріусами бумагъ, а съ другой, — въ виду неподготовленности нотаріусовъ къ такой дѣятельности, окажетъ тому же населенію медвѣжью услугу. Если опытные адвокаты не застрахованы отъ ошибокъ, то тѣмъ естественнѣе ожидать этого отъ нотаріусовъ, незнакомыхъ съ порядкомъ веденія гражданскихъ дѣлъ.

Обиднымъ и унизительнымъ будетъ въ такихъ случаяхъ положеніе нотаріусовъ и въ глазахъ публики, которая смотритъ на нотаріуса какъ на лицо должностное, а составленное имъ прошеніе будетъ санкціонировано его подписью и печатью. Надѣяться на устраненіе этихъ дефектовъ путемъ надзора со стороны окружныхъ судовъ также нѣтъ основаній. Судъ можетъ имѣть дѣло только со случаями явныхъ злоупотребленій, или при умышленномъ введеніи нотаріусами своихъ кліентовъ въ заблужденіе, обыкновенныя-же ошибки, являющіяся результатомъ незнанія судебныхъ порядковъ и неопытности, не могутъ повлечь для нотаріусовъ какихъ-либо послѣдствій. Между тѣмъ вознагражденіе нотаріусовъ за такія услуги не только не регулируется какой-либо таксой, но предоставлено усмотрѣнію самихъ нотаріусовъ и подлежитъ опредѣленію на основаніи личнаго соглашенія. Такимъ образомъ, и въ этихъ случаяхъ нотаріусамъ предоставляется свободное поле для конкуренціи, которая, какъ было указано выше, крайне пагубно отражается на престижѣ нотаріусовъ, какъ лицъ судебнаго вѣдомства.

Итакъ, все изложенное приводитъ къ слѣдующему заключенію: предоставленіе нотаріусамъ права составлять прошенія и другія бумаги не можетъ быть признано желательнымъ ни

въ интересахъ публики, ни въ интересахъ нотаріальной службы, которая при такихъ условіяхъ потеряетъ свой самостоятельный характеръ и ухудшится въ качественномъ отношеніи.

Въ заключеніе нельзя обойти молчаніемъ еще одного изъ тѣхъ pia desideria, которыя положены въ основу увеличенія вознагражденія нотаріусамъ и притомъ въ такихъ щедрыхъ размѣрахъ, что само совѣщаніе нашло необходимымъ найти для этого какое нибудь оправданіе. „По этой таксѣ,—говорится въ журналѣ совѣщанія,—будетъ платить не государственное казначейство, а сами стороны, которымъ въ отличномъ качествѣ оказываемаго ими нотаріальнаго содѣйствія сторицею воздастся то, что они сами дадутъ нотаріусамъ“ (журн. № 8, стр. 4).

Отсюда ясно, что столь высокія ставки новой нотаріальной таксы совѣщаніе допустило только потому, что здѣсь не были задѣты интересы фиска, съ обывательскимъ-же карманомъ можно было распоряжаться вполнѣ свободно, ибо публика не могла подать за себя голосъ. Ясно также и то, что, по мнѣнію составителей проекта, съ возвышеніемъ платы должно увеличиться и достоинство, или вѣрнѣе—качество нотаріальнаго содѣйствія. Слѣдовательно, нотаріусы до сихъ поръ писали плохіе акты и небрежно относились къ интересамъ кліентовъ только потому, что имъ мало платили,—съ увеличеніемъ же платы можно ожидать не только удовлетворительной, но даже „отличной“ работы. Мы считаемъ такое мнѣніе о дѣятельности нотаріусовъ обиднымъ для всего нотаріальнаго института.

Какъ ни ненормальны условія нотаріальной службы, однако, мы съ глубокимъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что нотаріусы всегда работали и работаютъ съ полнымъ усердіемъ, по долгу присяги и притомъ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“,—что они, не сообразуясь съ размѣрами вознагражденія, всегда прилагаютъ все свое умѣніе и всѣ познанія для оказанія просителямъ „отличнаго“ содѣйствія,—однимъ словомъ, что та точка зрѣнія, которая приложима при продажѣ изъ магазина товара, достоинство коего обусловливается получаемою отъ покупателя платою,—не можетъ

быть примѣнена къ дѣятельности нотаріусовъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ нотаріальное содѣйствіе и оставляло желать многаго, то ничуть не потому, что нотаріусы въ виду незначительной платы не желали дать публикѣ всего, что нужно, а потому, что не умѣли сдѣлать этого, т. е. не обладали надлежащими познаніями и опытомъ.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можемъ придти только къ слѣдующимъ выводамъ:

1) предоставленіе нотаріусамъ права, наряду съ обязательными ставками новой таксы, еще устанавливать вознагражденіе по личному соглашенію съ просителями, не только не устранитъ прежнихъ дефектовъ въ порядкѣ оплаты ихъ труда,—но еще и усилитъ ихъ;

2) указаніе на установленіе платы по соглашенію за составленіе проектовъ и за явку болѣе сложныхъ актовъ съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть исключено и притомъ не только безъ ущерба для матеріальныхъ интересовъ нотаріусовъ,—но и съ громадной пользой какъ для авторитета нотаріусовъ, такъ и для дѣла въ смыслѣ урегулированія вознагражденія только размѣрами, указанными въ таксѣ;

3) новая такса, значительно содѣйствуя благосостоянію нотаріусовъ, практикующихъ въ столицахъ и большихъ городахъ, весьма слабо отразится на интересахъ нотаріусовъ провинціальныхъ;

4) значительное повышеніе вознагражденія за совершеніе актовъ заставитъ бѣднѣйшіе классы населенія избѣгать пользованія нотаріальными услугами;

5) расширеніе дѣятельности нотаріусовъ путемъ предоставленія имъ права составлять прошенія и другія бумаги не можетъ быть признано желательнымъ, такъ какъ оно отвлечетъ нотаріусовъ отъ внимательнаго и добросовѣстнаго выполненія ими нотаріальныхъ функцій и понизитъ качество ихъ работы до минимума и въ то же время не принесетъ существенной пользы для публики.

Обращаясь къ тексту новой таксы, мы желали-бы видѣть въ ней слѣдующія измѣненія:

1) указаніе въ первой статьѣ таксы на возможность установленія вознагражденія за составленіе проектовъ по взаимному соглашенію должно быть выброшено, а за нотаріусами можетъ быть оставлено право взимать вознагражденіе за этотъ трудъ въ размѣрахъ, одинаковыхъ со стоимостью совершенія акта;

2) должно быть уничтожено указаніе въ 4 статьѣ таксы на допущеніе добровольнаго вознагражденія за явку актовъ по сдѣлкамъ особенно сложнымъ; здѣсь вознагражденіе должно быть оставлено въ томъ размѣрѣ, какъ и для актовъ несложныхъ;

3) установленіе въ ст. 8 и 9 особой платы за засвидѣтельствованіе самоличности не должно имѣть мѣста;

4) изъ текста новой таксы должна быть выброшена 28-я статья, предоставляющая нотаріусамъ право составлять прошенія и другія бумаги за добровольное вознагражденіе.

А. Н. Бутовскій.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Изъ земской жизни.—Губернскія совѣщанія по крестьянскому вопросу.—Свобода совѣсти и административная практика.

Война потребовала отъ земства многочисленныхъ жертвъ. Съ одной стороны, нѣкоторыя земства сочли нужнымъ ассигновать довольно значительныя суммы на непосредственно военныя нужды (усиленіе флота) и на помощь раненымъ. Эти пожертвованія приходится нынѣ реализовать путемъ заимствованія изъ капиталовъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе текущихъ потребностей. Съ другой стороны, мобилизація, произведенная пока въ Московскомъ и Харьковскомъ военныхъ округахъ, поставила на очередь другой вопросъ, не терпящій отлагательства: вопросъ о призрѣніи семействъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію. Суммы, которыя земству придется затратить на этотъ предметъ чрезвычайно велики: Рязанское губернское земство произвело уже приблизительное исчисленіе и оказалось, что если ограничиться только выдачей пайка, установленнаго для семействъ запасныхъ чиновъ закономъ (ст. 38 уст. о воин. повин.), то и въ такомъ случаѣ для Рязанской губ. до 1 января 1905 г. потребуется расходъ около полумилліона рублей. Надо имѣть въ виду, что казенный паекъ (въ натурѣ онъ опредѣляется въ видѣ 1 п. 28 ф. муки, 10 фунтовъ крупы и 4 ф. соли въ мѣсяцъ; денежная цѣнность его равна приблизительно 1 р 50 к.) не можетъ быть признанъ достаточнымъ, его приходится увеличивать. Харьковское губернское земство уже рѣшило выдавать пособія по возвышенной нормѣ, именно 3 руб. въ мѣсяцъ женѣ призваннаго и 2 руб. на дѣтей и на

взрослыхъ неработоспособныхъ членовъ семьи [1]). При существующихъ источникахъ земскихъ средствъ, при дѣйствіи закона о предѣлахъ земскаго обложенія справиться земству съ этими расходами будетъ крайне затруднительно... А тутъ еще нѣкоторымъ губерніямъ (напр. Костромской) грозитъ недородъ, какъ послѣдствіе холодной и поздней осени, и заимствованія изъ продовольственныхъ капиталовъ (находящихся впрочемъ нынѣ внѣ земскаго распоряженія) окажутся тоже невозможными. Придется прибѣгнуть все къ тому же Государственному казначейству.

При такомъ положеніи дѣлъ является вполнѣ естественнымъ стремленіе земствъ воздерживаться отъ такихъ пожертвованій, которыя имѣютъ спеціально государственное значеніе (на усиленіе флота и др. чисто военныя нужды). Недавно состоявшіяся экстренныя земскія собранія Смоленское и Самарское высказались въ томъ смыслѣ, что земство все свое вниманіе должно обратить на мѣстную помощь жертвамъ войны, и что такимъ путемъ оно наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ проявитъ свою дѣятельность въ настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ. Подробную мотивировку этого взгляда мы находимъ въ докладѣ Устюженской земской управы, напечатанномъ въ извлеченіи въ газетѣ „Право". „Нужды флота и нужды войны", говоритъ управа: „относятся къ числу государственныхъ, а не земскихъ повинностей, и какъ таковыя не должны быть относимы на земскія средства. Конечно, въ каждомъ государственномъ отправленіи населеніе Устюженскаго уѣзда заинтересовано, какъ и населеніе всей Имперіи, но въ расходахъ на государственныя повинности, какъ равно важныя для всего государства, плательщики Устюженскаго уѣзда должны участвовать на одинаковыхъ со всѣми другими основаніяхъ. Подобное положеніе возможно тогда, когда необходимыя средства изыскиваетъ само государство, облагая всѣхъ внѣ зависимости отъ территоріи. Ясно, что земскія ассигнованія будутъ нарушать это платежное равновѣсіе въ зависимости отъ большей или меньшей щедрости собранія, такъ какъ другого, болѣе объективнаго признака для опредѣленія размѣра участія каждаго даннаго земства—нѣтъ, и при существующемъ положеніи быть не можетъ. Участіе въ пополненіи государственныхъ средствъ въ большемъ, сравнительно съ остальными плательщиками, размѣрѣ,

[1]) Отмѣтимъ воспослѣдовавшее разъясненіе, что право на пособіе имѣютъ наравнѣ съ законными и гражданскія жены призванныхъ чиновъ запаса, если послѣднія продолжали сожительство ко времени мобилизаціи и имѣли дѣтей.

должно быть посему предоставлено доброй волѣ каждаго и ни въ коемъ случаѣ не можетъ носить признака принужденія. Между тѣмъ единственнымъ источникомъ средствъ для земства является обложеніе земскихъ плательщиковъ чрезъ посредство ихъ имущества. Такимъ образомъ, пожертвованіе, сдѣланное земствомъ на тотъ или иной предметъ, будетъ добровольно лишь по отношенію большинства гласныхъ собранія, участвовавшихъ въ постановленіи, и принудительно какъ въ отношеніи меньшинства, такъ и огромной массы населенія уѣзда, не принимающаго участія въ рѣшеніи собранія. Въ силу этихъ соображеній, управа не находитъ возможнымъ предложить собранію сдѣлать какое-либо ассигнованіе на указанныя нужды, по примѣру другихъ земствъ. Но Устюженское земство должно заботиться о населеніи уѣзда. На населеніе это, въ силу обстоятельствъ военнаго времени, можетъ лечь обязанность поставить въ дѣйствующую армію запасныхъ въ случаѣ мобилизаціи, и многихъ, пожалуй, у большинства изъ нихъ, останутся здѣсь семьи. По дѣйствующему въ настоящее время уставу о воинской повинности, семейное положеніе не избавляетъ запасного отъ призыва, даже въ томъ случаѣ, если онъ является единственнымъ работникомъ въ семьѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ уходомъ на войну единственнаго поильца и кормильца семьи, послѣдняя можетъ оказаться безъ всякихъ средствъ къ существованію. Позаботиться о судьбѣ такихъ семей—вотъ задача земства, вытекающая изъ п. 7 ст. 2 пол. о земск. учрежд. Позаботившись объ этихъ семьяхъ, земство не только выполнитъ обязанность, возложенную закономъ, но въ извѣстной степени будетъ содѣйствовать и успѣху военныхъ дѣйствій, подымая духъ призванныхъ на службу воиновъ, которые будутъ спокойны о судьбѣ оставленныхъ ими семей". Намъ кажется, что проводимый въ докладѣ взглядъ представляется вполнѣ правильнымъ какъ съ точки зрѣнія правъ и обязанностей земства, такъ и съ точки зрѣнія потребностей и значенія переживаемаго момента.

Очень многія земства, какъ извѣстно, высказали готовность придти на помощь раненымъ. Были сдѣланы крупныя ассигнованія, и вполнѣ естественно, что земства, бережно относясь къ своимъ средствамъ, пожелали ихъ расходовать сами, безъ участія посторонняго вѣдомства. Если имѣть въ виду, что земства имѣютъ богатѣйшій опытъ въ организаціи вообще медицинской помощи, то использованіе его на поляхъ битвъ, при эвакуаціи раненыхъ представляется столь же цѣлесообразнымъ, сколь и законнымъ.

Все это привело къ созданію особой общеземской организаціи, дѣйствующей независимо отъ Краснаго Креста; во главѣ ея стало Московское земство. Казалось бы, что объединеніе земствъ на *такой* почвѣ не можетъ дать повода къ недоразумѣніямъ. Но недоразумѣнія все же оказались. Уже при самомъ возникновеніи организаціи изъ пещеръ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“ послышалось шипѣнье по поводу „земскихъ опасныхъ затѣй“; слово „общеземскій“ даже въ примѣненіи къ высокой патріотической цѣли не давало покоя нашимъ охранителямъ. Начался походъ, принесшій, кажется, уже свои плоды. Повидимому, общеземская организація признана учрежденіемъ, взятымъ подъ сильное подозрѣніе не только въ глазахъ органовъ печати. Постановленія земскихъ собраній о присоединеніи къ общеземской организаціи въ послѣднее время опротестовываются губернаторами на основаніи ст. 3 полож. о земск. учрежд., ограничивающей компетенцію земства мѣстными пользами и нуждами. Такова была мотивировка губернаторскихъ протестовъ по поводу постановленій Нижегородскаго и Бессарабскаго губ. земскихъ собраній. Въ послѣднемъ дѣло осложнилось тѣмъ, что сообщеніе о пожертвованіи на нужды раненыхъ одновременно съ ходатайствомъ о присоединеніи къ общеземской организаціи было доведено черезъ Министра Двора до Высочайшаго свѣдѣнія, при чемъ получилась въ отвѣтъ телеграмма съ выраженіемъ Высочайшей благодарности земству, безъ всякихъ ограниченій по вопросу о ходатайствѣ. Земская управа считаетъ, что этимъ самымъ Бессарабское земство введено въ общеземскую организацію. Съ этимъ согласилось и Бессарабское губ. по земскимъ дѣламъ присутствіе, признавшее постановленіе собранія правильнымъ; губернаторъ остался при особомъ мнѣніи и перенесъ дѣло въ порядкѣ ст. 12 полож. о земск. учр. на разрѣшеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. „Одесскія Новости“ сообщаютъ, что губернаторскіе протесты вызваны особымъ циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которымъ дальнѣйшее присоединеніе къ общеземской организаціи запрещается. Такой циркуляръ оффиціально нигдѣ опубликованъ не былъ, хотя противники объединенія земствъ на почвѣ помощи раненымъ на него уже ссылаются. Такъ недавно, гласный губернскаго Саратовскаго земства графъ Уваровъ заявилъ въ экстренномъ собраніи, что постановленіе Саратовскаго земства о присоединеніи къ общеземской организаціи никакого практическаго значенія имѣть не будетъ въ виду упомянутаго выше запрещенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Собраніе, однако, нашло, что разъ запрещеніе оффиціально не извѣстно собранію, оно не должно имъ руководиться и почти единогласно приняло докладъ управы о предоставленіи ассигнованныхъ средствъ земской организаціи.

Обращаясь къ разсмотрѣнію другихъ фактовъ текущей земской жизни, мы прежде всего должны остановиться на тѣхъ ревизіяхъ дѣятельности губернскихъ земствъ, которыя предприняты Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣ Тверской и Московской теперь очередь дошла до Вятской губерніи. Въ Вятку, какъ сообщаютъ газеты, прибыли уже чиновники отъ хозяйственнаго департамента, управленія по дѣламъ о воинской повинности, страхового отдѣла и приступили къ работѣ; предположено разсмотрѣть дѣятельность губ. земства за три истекшіе года. Предсѣдатель Курской губ. земской управы получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что въ скоромъ времени Министерство Внутреннихъ Дѣлъ приступитъ къ ревизіи Курскаго губ. земства. Всѣ ревизіи производятся подъ наблюденіемъ и руководствомъ тов. мин. Н. А. Зиновьева. О цѣли этихъ ревизій можно строить лишь догадки.

Мы знаемъ только о результатахъ, которые явились слѣдствіемъ ревизіи Тверского земства... Интересно отмѣтить, что на первую очередь поставлены для ревизіи тѣ земства, которыя выдѣляются широкой и культурной постановкой земскаго дѣла, при чемъ ревизія направляется исключительно на дѣятельность органовъ губ. земства. Это даетъ нѣкоторое обоснованіе слухамъ, которые утверждаютъ, что ревизіи подготовляютъ не мѣстныя мѣропріятія въ родѣ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто по отношенію къ Тверскому земству, а болѣе общія „преобразованія“, затрагивающія дѣйствующую систему земскихъ учрежденій. Въ этомъ смыслѣ будто бы уже выработанъ соотвѣтствующій проектъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Основныя черты проекта, по слухамъ таковы: губернское земство не упраздняется, но вводится въ весьма тѣсныя рамки. Его компетенція должна ограничиться исключительно дѣлами, имѣющими общегубернское значеніе. Всѣ тѣ дѣла, которыя вѣдаются нынѣ и уѣздными и губернскими земскими учрежденіями, точно по проекту распредѣляются между ними, при чемъ руководящее значеніе губернскаго земства должно исчезнуть. Все, что устраивается для уѣзда, вѣдаетъ уѣздное земство, губернское же земство устраиваетъ и завѣдываетъ учрежденіями, имѣющими, такъ сказать, междууѣздное значеніе, удовлетворяющими потребности *всей* губерніи. Такъ, напр., все дѣло народнаго образованія (устройство

школъ, выработка школьной сѣти и т. д.) должно быть, согласно этому принципу сосредоточено въ уѣздномъ земствѣ, губернское же будетъ имѣть право только пещись объ образовательныхъ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для всей губерніи, напр. о губернскихъ учительскихъ семинаріяхъ, сельско-хозяйственныхъ школахъ и т. п. Точно также въ области земской медицины за губернскимъ земствомъ останется право устраивать такъ называемыя губернскія больницы, учрежденія для призрѣнія умалишенныхъ. Сообразно этому и распредѣленіе земскихъ доходовъ будетъ реформировано на новомъ началѣ: бюджетъ губернскаго земства будетъ фиксированъ въ видѣ опредѣленнаго процента съ уѣздныхъ бюджетовъ для каждой губерніи, при чемъ фиксація будетъ производиться главнымъ управленіемъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Не касаясь здѣсь объ осуществимости изложенныхъ здѣсь предположеній, мы должны замѣтить, что подобные слухи во всякомъ случаѣ крайне характерны для обрисовки положенія земства въ настоящее время.

Обозрѣвателю земской жизни приходится отмѣтить фактъ все увеличивающихся затрудненій при замѣщеніи земскихъ должностей. Часто вслѣдствіе систематическаго неутвержденія представляемыхъ земствомъ кандидатовъ приходится сокращать и даже пріостанавливать дѣятельность земскихъ органовъ. Въ такомъ положеніи находится, напр., Вологодское земство. Благодаря энергіи бывшаго предсѣдателя губернской управы В. А. Кудряваго (вновь избранный, онъ не былъ, какъ извѣстно, утвержденъ), при земствѣ былъ учрежденъ рядъ вспомогательныхъ учрежденій (школьное бюро, санитарное отдѣленіе), которыя превосходно выполняли возложенныя на нихъ обязанности; теперь, одновременно съ уходомъ Кудряваго, пришлось замѣстить много освободившихся мѣстъ, и это оказывается почти невозможнымъ, благодаря необычайной строгости утвержденій. Напр., завѣдывающій дѣлопроизводствомъ въ управѣ, недавно утвержденный губернской администраціей, былъ представленъ земствомъ къ замѣщенію должности управляющаго страховымъ отдѣломъ... и въ этой должности не получилъ уже утвержденія губернатора. Бѣгутъ служащіе изъ земствъ и по другимъ причинамъ. Недавно врачи Александровскаго земства (Екатеринославской губ.) подали въ управу заявленіе, что при установившемся къ нимъ отношеніи со стороны управы какъ къ простымъ „наймитамъ“ они не находятъ возможнымъ продолжать службу. Кажется, „новоземскій“ духъ въ Екатеринославскую губ. внесенъ г. Род-

зянко, который при самомъ вступленіи своемъ въ должность началъ борьбу съ непріятными для него тенденціями такъ назыв. „третьяго элемента“.

* * *

Каждый день газеты приносятъ извѣстія объ открытіи въ томъ или иномъ губернскомъ городѣ совѣщанія по крестьянскому вопросу. Извѣстія эти большей частью передаются по телеграфу и отличаются необычайной лаконичностью, свойственной сообщеніямъ, даваемымъ россійскому агентству изъ официальныхъ канцелярій. „Открылось совѣщаніе, присутствовали такіе то чины“.. вотъ схема этихъ сообщеній, изрѣдка присоединяются и отвѣты совѣщанія по нѣкоторымъ случайно изъ программы выхваченнымъ вопросамъ. Подробныхъ извѣстій о работахъ совѣщаній не приводятъ и провинціальные органы печати, и не потому, конечно, чтобы эти работы не интересовали ихъ. Не знаемъ, является ли глубокая тайна, окутывающая сужденія совѣщаній, результатомъ распоряженія, исходящаго отъ центральнаго вѣдомства, или же она продуктъ прочныхъ губернскихъ традицій, считающихъ излишнимъ сообщать публикѣ то, что къ ней по службѣ не относится. Кажется, второе предположеніе будетъ болѣе вѣрнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Министерство нашло возможнымъ огласить свои предположенія, издавъ всѣ проекты съ объяснительными записками и пустивъ ихъ въ продажу, то, казалось бы, и публикованіе предположеній губернскихъ совѣщаній не должно встрѣтить препятствій... Въ дѣйствительности имѣются, однако, только телеграммы, по которымъ трудно судить о направленіи работъ совѣщаній. Насколько можно составить себѣ представленіе по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, составъ совѣщаній получился не особенно благопріятный. Истинно земскихъ людей немного, о крестьянахъ, какъ членахъ совѣщаній, то же что-то не слыхать. Послѣднее обстоятельство совершенно недопустимо съ точки зрѣнія общихъ положеній, принятыхъ редакціонной коммисіей.

Въ самомъ дѣлѣ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, мотивируя многія особенности проекта, ссылается неоднократно на народное правосознаніе, на драгоцѣнныя свойства народнаго духа, на обычное право, на своеобразный укладъ деревенскаго быта. Если даже допустить, что освѣдомленность редакціонной коммисіи, состоявшей изъ петербургскихъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ явленіяхъ „народнаго правосознанія“ была весьма велика, благо-

даря участію въ коммисіи г. Башмакова, который, кажется, былъ приглашенъ на спеціальное амплуа знатока народнаго права, все же не мѣшало бы провѣрить принятыя проектомъ положенія опросомъ подлинныхъ представителей деревни, крестьянъ. Правда, телеграммы сообщаютъ, что въ составѣ совѣщаній работаютъ многочисленные земскіе начальники [1]), знатоки деревни, такъ сказать, по призванію, но нужно помнить, что командующіе въ деревнѣ имѣютъ одно представленіе о деревенскомъ бытѣ, а тѣ, надъ коими командуютъ, нѣсколько иное. Вообще бюрократическіе элементы, повидимому, имѣютъ сильное преобладаніе въ совѣщаніяхъ. Это отражается на самомъ характерѣ ихъ занятій. Основныя положенія и принципы министерскихъ проектовъ молчаливо признаются, какъ неподлежащія критикѣ. Послѣдняя дерзаетъ затрагивать только частности. Въ нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ (Рязанское, Оренбургское, Симбирское) всѣ проектируемыя измѣненія деревенскаго строя были признаны вполнѣ цѣлесообразными и не вызвали никакихъ возраженій. Въ другихъ (Воронежское, Тамбовское, Минское) предлагались лишь нѣкоторыя измѣненія въ проектахъ. Такъ, Минское, высказываясь за сохраненіе волостного суда, считаетъ цѣлесообразнымъ предоставить сельскимъ обывателямъ право избирать въ волостные судьи лицъ всѣхъ сословій и при такомъ измѣненіи находитъ возможнымъ расширить компетенцію его по уголовнымъ дѣламъ. Бессарабское совѣщаніе высказалось за возстановленіе выборнаго института мировыхъ судей, Тамбовское—за устройство судебной инстанціи для обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ. Харьковское и Кіевское совѣщанія признали желательнымъ волостной судъ вовсе упразднить, а подвѣдомственныя ему дѣла передать мировымъ судьямъ; если же волостные суды останутся, то, по мнѣнію этихъ совѣщаній, слѣдуетъ сократить ихъ компетенцію.

Кой изъ какихъ совѣщаній доходятъ свѣдѣнія объ отношеніи ихъ къ вопросу о всесословной волости. Мы уже говорили [2]), что необходимость иной организаціи вытекаетъ даже изъ разсужденій самой редакціонной коммисіи. Коммисія вполнѣ правильно устанавливаетъ двойственность интересовъ, нынѣ нормируемыхъ сельскимъ управленіемъ; и столь же правильно дѣлаетъ выводъ, что для одной категоріи ихъ, именно для интересовъ, вызываемыхъ отношеніями землепользованія, необходима одна организація, а для

---

[1]) Въ одномъ Полтавскомъ совѣщаніи засѣдаетъ 20 земскихъ начальниковъ.

[2]) См. администр. хронику за февр. [illegible]

другой категоріи, общественно-административныхъ, другая. Послѣдняя, какъ это указывали въ свое время и сельскохозяйственные комитеты и литература, должна обнять лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ недвижимость, промышленное обзаведеніе или постоянную службу въ селеніи. Проектъ, какъ извѣстно, стоитъ на строго сословной почвѣ и потому не допускаетъ всесословности новой организаціи. Противъ этого въ совѣщаніяхъ раздаются голоса. Такъ, Кіевское совѣщаніе признало, что сельскія волостныя общества должны состоять изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимостей безъ различія сословій; Харьковское и Херсонское считаютъ необходимымъ включить въ составъ всѣхъ лицъ изъ бывшихъ податныхъ сословій, проживающихъ въ чертѣ селенія и владѣющихъ въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью.

Такимъ образомъ, слабая струйка того теченія, которое такъ ярко сказалась въ работахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, повидимому пробивается и въ совѣщаніяхъ, но какъ робко и нерѣшительно! Мы нигдѣ не встрѣтили указаній на то, чтобы критикѣ былъ подвергнутъ принципъ обособленности крестьянства, который вопреки всѣмъ требованіямъ жизни поставленъ во главѣ угла проектовъ коммисіи. Это несомнѣнно самая характерная и самая зловредная черта всѣхъ предположеній коммисіи, и пресса вполнѣ права, когда именно ей она удѣляетъ болѣе всего вниманія. Коммисія, настаивая на сословной организаціи сельскаго управленія, какъ извѣстно, заявляетъ, что въ этомъ отношеніи она остается вѣрна принципамъ реформы 19 февраля 1861 г. Это положеніе подвергалось серьезной критикѣ со стороны г. Вороновскаго въ „Правѣ“, и онъ еще разъ доказалъ, что утвержденіе коммисіи можетъ поразить только своей смѣлостью, такъ какъ оно совершенно не вяжется съ историческими фактами. Въ той же газетѣ І. В. Гессеномъ и А. В. Пѣшехоновымъ превосходно разобраны другія соображенія, которыми коммисія обосновываетъ необходимость сохраненія сословнаго начала. Первый въ своей статьѣ, посвященной гражданскому кодексу, составленному коммисіей, указалъ на цѣлый рядъ принципіальныхъ и частныхъ дефектовъ проекта, которые дѣлаютъ его совершенно непригоднымъ для пользованія. Интересно отмѣтить то, что коммисія, которая такъ часто подчеркиваетъ значеніе обычнаго права, при составленіи гражданскаго кодекса для деревни ограничилась изложеніемъ статей проекта новаго гражданскаго уложенія съ нѣкоторыми измѣненіями. Послѣднія, однако, обосновываются не-

обычно-правовымъ матеріаломъ, а соображеніями „этики и справедливости", какъ ихъ понимаютъ господа члены редакціонной коммисіи, при чемъ высказывается всегда предположеніе, что взгляды составителей проекта на этику и справедливость непремѣнно соотвѣтствуютъ народному правосознанію. При такомъ положеніи дѣла, невольно возникаетъ вопросъ, зачѣмъ отдѣльные кодексы для крестьянъ, зачѣмъ отгораживать ихъ отъ прочихъ гражданъ?

Этотъ вопросъ ставятъ даже такіе оппортюнистическіе органы печати, какимъ является „Новое Время". Въ рядѣ статей газета г. Суворина выступаетъ противъ проектовъ коммисіи и рекомендуемаго ими упроченія сословной обособленности крестьянствъ. По мнѣнію г. Кирѣевскаго „это прежде всего безнадежное дѣло, ибо оно идетъ въ разрѣзъ со всѣми жизненными отправленіями и потребностями Россіи, уже вышедшей изъ гражданскаго младенчества... Раньше или позже, эти несоотвѣтственныя формы гражданскаго быта, стѣсняющія здоровое развитіе стомилліоннаго крестьянскаго населенія сами собою распадутся и совершится то, что должно быть—объединеніе всѣхъ сословій, т. е. всего народа подъ сѣнью общихъ законовъ и учрежденій. Именно потому нельзя не пожалѣть, что тратятся силы и энергія на осуществленіе труднаго, неполезнаго и ненужнаго дѣла". Еще болѣе рѣшительно этотъ взглядъ проводится въ другой статьѣ той же газеты, гдѣ доказывается, что рекомендуемая „обособленность" крестьянъ является прямымъ отступленіемъ отъ реформы 19 февраля и что внѣдреніе ея грозитъ серьезной опасностью для развитія гражданской жизни и дѣятельности страны

Приведенныя мнѣнія прессы довольно правильно отражаютъ общественное настроеніе въ крестьянскомъ вопросѣ. Мы убѣждены, что если бы организація губернскихъ совѣщаній была бы построена не на началѣ бюрократическомъ, если бы въ нихъ могли свободно раздаваться голоса дѣйствительныхъ представителей населенія, то проекты коммисіи встрѣтили бы тамъ такой же пріемъ и оцѣнку, какую они встрѣтили въ печати.

***

Идея религіозной свободы такъ еще чужда русскому законодательству, что даже тѣ немногія пріобрѣтенія, которыя мы имѣемъ въ этой области, постоянно подвергаются опасности быть уничтоженными административной практикой. Послѣдняя твердо дер-

жится взглядовъ, проводимыхъ въ Уставѣ предупр. и пресѣч. и всякій законъ, расширяющій право религіозныхъ диссидентовъ, склонна толковать какъ можно болѣе ограничительно. Сенатская практика, довольно богатая по дѣламъ раскольничьимъ, даетъ яркія иллюстраціи этой тенденціи. Беремъ нѣсколько примѣровъ.

Законъ 1883 г., какъ извѣстно, предоставилъ право общей молитвы всѣмъ раскольникамъ всѣхъ толковъ и сектъ (за исключеніемъ спеціально обозначенныхъ въ законѣ). Сенатъ неоднократно уже разъяснялъ, что подъ понятіе „раскольникъ", по смыслу закона 1883 г., подходятъ не только старообрядцы, родившіеся въ расколѣ, но и всякіе сектанты, хотя бы официально они числились только отпавшими отъ православія.

Съ послѣднимъ положеніемъ, дѣйствительно стоящимъ въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ Уложеніемъ и Уставомъ пред. и пресѣч., администрація примириться не можетъ, и 1 и уголовн. деп. приходится давать все новыя и новыя разъясненія. Въ указѣ 1 депар. отъ 7 ноября 1903 г. (за № 11464) снова пришлось разрѣшить принципіальный вопросъ, кого надлежитъ по смыслу закона 1883 г. считать раскольникомъ. Въ деревнѣ Болтуновкѣ (Хвалынскаго у.) существовала раскольничья молельня; уѣздный исправникъ закрылъ ее на томъ основаніи, что молятся въ ней не раскольники, въ книгахъ записанные, а православные, совращенные въ расколъ. Саратовскій губернаторъ призналъ распоряженіе исправника правильнымъ въ силу вотъ какихъ соображеній: по закону 1874 г. для официальнаго зачисленія въ категорію раскольниковъ необходимы 1) состояніе въ расколѣ отъ рожденія и 2) запись въ особыя книги. Только такія лица по закону признаются, по мнѣнію губернатора, раскольниками и только имъ и предоставлено право устраивать молельни и молитвенныя собранія. Сенатъ не согласился съ этими соображеніями. Нельзя, по мнѣнію 1 департамента, приводить въ связь положенія закона 1874 г. съ закономъ 1883 г. Законъ 1874 г. установилъ запись въ книги въ цѣляхъ нравственно-полицейскихъ, во избѣжаніе затрудненій, возникавшихъ въ области семейнаго и наслѣдственнаго права; законъ же 1883 г., какъ это видно изъ соображеній Государственнаго Совѣта, исходитъ изъ идеи религіозной свободы. „Молитва составляетъ одну изъ первыхъ духовныхъ потребностей каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ религіозныхъ убѣжденіяхъ человѣка, почему, какой бы строгостью не было обставлено запрещеніе собираться на общественное богомоленіе послѣднее, всегда будетъ существо-

вать, совершаясь вслѣдствіе преслѣдованій тайно безъ всякаго контроля со стороны правительственныхъ властей"—эти мотивы къ закону 1883 г. даютъ право Сенату выставить положеніе, что по смыслу закона 3 мая 1883 г. всѣмъ раскольникамъ, безразлично, состоятъ ли они въ расколѣ отъ рожденія, записаны ли они въ книги, совращены ли они въ расколъ, дозволяется творить общественную молитву сообразно ихъ обрядамъ.

Не всегда, однако, Сенатъ рѣшается проводить эту широкую точку зрѣнія при опредѣленіи понятія „раскольникъ". Въ практикѣ II департамента не разъ возникалъ вопросъ, въ какой мѣрѣ приговоры крестьянскихъ обществъ объ установленіи сборовъ на поддержаніе мѣстныхъ православныхъ церквей обязательны для тѣхъ членовъ обществъ, которые принадлежатъ къ расколу. Снова пришлось опредѣлить понятіе „раскольникъ", и Сенатъ становится уже на другую точку зрѣнія. „Предоставленная раскольникамъ свобода совѣсти читаемъ мы въ послѣднемъ указѣ 1-го Общаго Собранія (отъ 19 ноября 1903 года) и дарованныя имъ закономъ 3 мая 1883 года льготы отнюдь не отмѣняли по отношенію къ раскольникамъ дѣйствій карательныхъ постановленій ст. 188 улож. нак., опредѣляющей наказаніе за отпаденіе православія", слѣдовательно, раскольниками на законномъ основаніи не могутъ считаться лица, совращенныя въ расколъ. „Единственнымъ признакомъ принадлежности того или другого лица къ расколу должно служить рожденіе его въ расколѣ"—это положеніе Сенатъ и раньше уже проводилъ въ своей практикѣ; но цитируемый указъ вноситъ новую черту въ томъ отношеніи, что фактъ рожденія, который прежде и въ этихъ дѣлахъ долженъ былъ, по разъясненіямъ Сената, доказываться регистраціонными (для раскольниковъ) книгами, теперь можетъ быть удостовѣренъ всякимъ инымъ способомъ. Обосновывая перемѣну своей практики, Сенатъ указываетъ, что правила 1874 г. установили только регистрацію браковъ и родившихся, но не регистрацію самихъ раскольниковъ, что и теперь масса рождающихся въ расколѣ не регистрируется, такъ какъ раскольники часто пренебрегаютъ представленнымъ имъ закономъ 1874 г. средствомъ узаконять свои браки и родившихся въ этихъ бракахъ дѣтей.

Колебанія практики въ опредѣленіи понятія „раскольникъ" неизбѣжны до тѣхъ поръ, пока отпаденіе отъ православія будетъ считаться карательнымъ преступленіемъ.

Новое уголовное уложеніе въ отличіе отъ нынѣ дѣйствующаго

не знаетъ специальной кары за отпаденіе отъ православія. Тогда практика уже безъ всякихъ натяжекъ можетъ установить положеніе, что „раскольникомъ“ (въ смыслѣ публично правовомъ) является всякій, кто самъ считаетъ и заявляетъ себя таковымъ.

Мы уже имѣли случай указывать на тѣ постоянныя преслѣдованія, которымъ подвергаются наши раціоналисты сектанты, благодаря изданію Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, отмѣнившаго дѣйствіе закона 1883 г. для штундистовъ. Этотъ ограничительный законъ постоянно обнаруживаетъ въ практикѣ тенденцію захватить такія явленія, которыя при изданіи его въ виду навѣрно не имѣлись. Администрація вездѣ и повсюду видитъ штундистовъ. Интересное въ этомъ смыслѣ дѣло слушалось надняхъ въ Угол. Касс. Департаментѣ, интересно оно въ силу своей ординарности и типичности. Нѣкій Савельевъ по воскресеньямъ собиралъ рабочихъ своей фабрики для чтенія священнаго писанія. Полиція запретила Савельеву устраивать такія собранія, Савельевъ упорствовалъ. Рѣшивъ, повидимому, что собирающіеся—штундисты, полиція составила протоколъ и привлекла Савельева къ уголовной отвѣтственности по 29 ст. уст. о нак. У мирового судьи при разборѣ дѣла никакихъ признаковъ преступнаго дѣянія, кромѣ чтенія Священнаго писанія, открыто не было, и мировой судья, найдя, что такое собраніе не запрещено, оправдалъ Савельева. Съѣздъ съ этимъ, однако не согласился на томъ основаніи, что если отвергнуть даже, что Савельевъ устроилъ молитвенное собраніе штундистовъ, то все же устроенное имъ сборище подходитъ къ тѣмъ, кои запрещены ст. 116 Уст. пред. и прест. Для толкованія примѣненія этой статьи дѣло и восходило на разсмотрѣніе присутствія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. И защита и оберъ-прокуроръ сошлись въ томъ, что то повальное запрещеніе, которое устанавливаетъ эта статья для всякаго рода собраній, лишено юридическаго значенія и, что въ виду отсутствія санкціи, неисполненіе этой статьи не можетъ повлечь за собою уголовнаго наказанія. Сенатъ отмѣнилъ и приговоръ съѣзда и прекратилъ все производство въ силу 1 ст. Улож. и 1 ст. Уст. угол. суд.

Мы приводили факты, доходившіе до разсмотрѣнія нашего высшаго судилища. А сколько ихъ остается безгласными, сколько принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, гдѣ и власть всякаго суда безсильна! Изъ богатаго собранія ихъ вотъ нѣсколько наудачу. Благодаря усиленному гоненію сектантовъ на югѣ, населеніе пріучается видѣть въ лицахъ, отступающихъ отъ догмы господствующей церкви,

людей, непользующихся покровительствомъ законовъ вообще. Составляются (часто подъ давленіемъ миссіонеровъ) приговоры объ административномъ выселеніи сектантовъ, нерѣдко происходятъ избіенія ихъ. Такъ, на дняхъ, газеты сообщили, что въ Таганрогскомъ округѣ сельскій староста и толпа крестьянъ подвергли жестокой экзекуціи своего однообщественника, заподозрѣннаго въ неправовѣріи. Изъ Елизаветграда пишутъ, что дѣтямъ сектантовъ фактически закрытъ доступъ въ народныя школы, такъ какъ начальство (согласно циркуляру Святѣйшаго Синода) требуетъ отъ нихъ обученія православному Закону Божьему. Одинъ изъ гласныхъ Елизаветградскаго земства поднялъ вопросъ объ этомъ явленіи на земскомъ собраніи, но послѣднее не сочло себя вправѣ войти въ обсужденіе его, такъ какъ оно имѣетъ общегосударственное значеніе.

Но все изложенное меркнетъ передъ тѣми ужасными фактами, которые собраны г. Пругавинымъ въ статьѣ: „Монастырскія заточенія послѣдняго времени“ (Право, 1904 г., №№ 19 и 20). Оказывается, что и въ настоящее время въ монастырскихъ казематахъ, въ одиночномъ заключеніи въ условіяхъ, въ совершенствѣ воспроизводящихъ режимъ средневѣковыхъ инквизиціонныхъ тюремъ, десятками лѣтъ по распоряженію и усмотрѣнію духовныхъ властей (безъ всякихъ гарантій правильнаго судопроизводства) томятся лица, признанныя „еретиками“. Суздальская монастырская „крѣпость“ и теперь переполнена такими сидѣльцами. Г. Пругавинъ относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ мучениковъ собралъ біографическія данныя и свѣдѣнія о причинахъ, вызвавшихъ примѣненіе этой кары и результаты таковы, что трудно имъ вѣрить. Валентинъ Ряховъ просидѣлъ 8 лѣтъ въ монастырскомъ казематѣ, былъ освобожденъ, когда лишился разсудка—и вся вина состояла въ томъ, что будучи рѣдкимъ альтруистомъ, стремившимся въ своей дѣятельности воплотить евангельскій идеалъ, повсюду, гдѣ ни появлялся, привлекалъ къ себѣ народныя массы. Ермолай Федосѣевъ, который и теперь еще томится въ Суздальской монастырской крѣпости, былъ заключенъ по ходатайству Самарскаго епархіальнаго начальства. Вина его въ оффиціальномъ отчетѣ по Самарской епархіи формулируется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Федосѣевъ жилъ въ пещерѣ и своей лицемѣрной (?) праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа“. Священникъ Тамбовской губерніи лѣтомъ 1901 г. „высшимъ духовнымъ начальствомъ“ заточенъ въ Суздальскую монастырскую тюрьму

за то, что онъ „осуждалъ подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, признавалъ необходимость скорѣйшаго созыва вселенскаго собора для разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ вопросовъ православной церкви и отвергалъ авторитетъ Святѣйшаго Синода. Въ этомъ смыслѣ онъ неоднократно подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и многимъ высшимъ іерархамъ русской церкви". Крестьянинъ Чуриковъ былъ *заточенъ*, по словамъ оффиціальнаго епархіальнаго отчета, за то, что онъ „выдавалъ себя за цѣлителя и чудотворца и тѣмъ эксплоатировалъ религіозное чувство простецовъ". Четыре крестьянина Саратовской губерніи за распространеніе секты енохинцевъ болѣе 10 лѣтъ сидятъ въ одиночномъ заключеніи монастырскаго каземата. По свѣдѣніямъ г. Пругавина, всѣ казематы Суздальской крѣпости заняты заключенными „еретиками".

Какую бурю негодованія должны были поднять факты, сообщенные г. Пругавинымъ въ обществѣ, не чуждомъ идеи терпимости и сознанія правъ человѣческой личности! Увы, у насъ они прошли почти незамѣченными, никто не присоединился къ скромнѣйшему требованію автора статьи, чтобы тѣ, отъ кого сіе зависитъ, опубликовали хотя списокъ заключенныхъ въ монастырскихъ тюрьмахъ съ указаніемъ причинъ, вызвавшихъ примѣненіе этой средневѣковой мѣры.....

М. Ипполитовъ.

40
К.



Сенатская типографія.